

ISSN 2410-0765

Научный журнал

**Из истории и культуры
народов Среднего Поволжья**

Academic Journal

**FROM HISTORY AND CULTURE OF PEOPLES
OF THE MIDDLE VOLGA REGION**

2020. №10. Т.1

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории
им. Ш. Марджани Академии
наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

FOUNDER and PUBLISHER:

State Budgetary Institution “Marjani
Institute of History of Tatarstan
Academy of Sciences”
(420111, Kazan, Baturin Str., 7A)

Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС77–64142
от 25 декабря 2015 г. выдано
Роскомнадзором

Выходит 2 раза в год

Адрес редакции:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82
(приемная), 292 19 15

Certificate of registration of
the Mass Media ПИ № ФС77–64142
received from Roskomnadzor
on December 25, 2015

Published two times a year

Editorial Office Address:

420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82
(reception), 292 19 15

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
The Research Annual is included in the Russian Science Citation Index Database.
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2020
© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2020

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Загидуллин Ильдус Котдусович**, д.и.н., заведующий отделом новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Ахтямова Алсу Вазиховна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска, редактор татарских текстов: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Арсланова Алсу Айратовна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рафаиль Хакимов, д.и.н., научный руководитель, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Ананий Иванов, д.и.н., заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Вадим Трепавлов, д.и.н., руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Гаяз Самигулов, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Геннадий Николаев, к.и.н., зам. директора по науке, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари (István Vásáry), Dr.Sci. (история), профессор, Университет им. Этвеша Лоранда – Eötvös Loránd University (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер (Michael Kemper), Dr.Sci. (история), профессор, Университет Амстердама – University of Amsterdam (Амстердам, Голландия)

Олег Марискин, д.и.н., профессор, Саранский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Петр Кабытов, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт (Paul W. Werth), Ph.D. (история), профессор, декан исторического факультета, Университет Невады – University of Nevada, Las Vegas (UNLV) (Лас Вегас, США)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Алиева А.Т. Роль суфизма в распространении исламских ценностей	5
Загидуллин И.К. О Первом Всероссийском съезде мусульман (13–18 августа 1905 г.)	15
Загидуллина Д.Ф. Размышления о роли личностей в татарском возрождении первой четверти XX века: Гали Рахим	30
Исхаков Р.Р. Первые периодические издания на языках крещеных нерусских народов Среднего Поволжья	46
Киселев М.Ю. Сравнение чувашского названия пива с названиями у других народов в докладе А.П. Прокофьева	57
Люкшин Д.И. Общинная революция в контексте Второй русской смуты	63
Муртазина Л.Р. «Хорошее обучение одной девушки выгоднее, чем обучение десяти юношей» (проблемы женского образования на страницах газеты «Вақыт» в 1906–1918 гг.)	71
Свердлова Л.М. Земские аптеки Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	86
Файзрахманов И.З. Социально-экономическое положение лашманов (на примере анализа челобитных 1723 г.)	99
Хайрутдинов А.Г. Марьям Губайдулловна Нигматуллина: неизвестная представительница династии Буби.....	114
Материалы круглого стола «Крестьянское сознание как фактор системных кризисов в России (XVII–XX вв.)»	133

Публикация источника

Багаутдинова Х.З., Байбулатова Л.Ф., Загидуллин И.К. Петиция мусульман города Стерлитамак Уфимской губернии 1905 г.	147
---	-----

Память. Юбиляры

Солтанов Ф.М. Галим һәм жәмәгать эшлеклесе: Яхъя Абдуллинның тууына 100 ел тулу уңаеннан хәтер яңарту	172
--	-----

Новые книги, рецензии

Ахтямова А.В. Рецензия на книгу: Загидуллин И.К. Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг. Казань, 2019. 256 с.	179
Гайнанова М.Р. Омер Озджанның «Bir Vatandan bir Vatana – Rusya Müslümanlarından Türk ilim, Fikir ve Siyaset Hayatına Katkıda Bulunanlar». İstanbul: Dergah yayınları, 2018. 680 s. («Бер Ватаннан бер Ватанга – Россия мөселманнарының Төркиядә гыйлем, фикер һәм сәясәт тормышына керткән өлешләре») исемле китабына бәяләмә	183
Хайрутдинов А.Г. Рецензия на монографию М.Р. Гайнановой «Общественно-политическая деятельность Садри Максуди в Турецкой Республике (1925–1957 гг.)». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 176 с.	189

Научная жизнь

Аминов Р.Р. Международная научно-практическая конференция «Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен»	194
Список сокращений	199

СТАТЬИ

УДК 1(091)

А. Т. Алиева

Роль суфизма в распространении исламских ценностей

Исламская культура, распространившаяся по всему миру начиная с исламского возрождения, благодаря своему разнообразию, наличию различных научно-философских и культурных течений, заложила основы многих новых направлений развития человечества, обогатила его духовно-культурное наследие. С этой точки зрения большое значение имеет суфизм, который внимательно изучается в наши дни.

Автор отмечает, что концепции, выдвинутые такими суфиями, как Баязед Бистами, Джунейд Багдади, которые относятся к раннему периоду тасаввуфа, в дальнейшем были систематизированы в более совершенной форме богословом аль-Газали. Ибн Араби (1165–1240) считается одним из важных фигур в истории тасаввуфа. Созданная им теория вахдати-вуджуд, подчеркивает автор, оставила глубокий след в мировом философском наследии и стала основополагающим камнем тасаввуфской традиции.

Ключевые слова: суфизм, ислам, тасаввуф, тарикат, зикр, вахдати-вуджуд.

В исламской культуре суфизм иногда называют также тасаввуфом. Это объясняется тем, что они имеют единый корень в арабском языке. Следует отметить, что вокруг значения терминов «суфизм» и «тасаввуф» имеются различные толкования. Некоторые зарубежные исследователи отмечают, что термин «тасаввуф» употребляется в значении «войти». По мнению Рене Генона, тасаввуф переводится как «инициация», «вхождение». Он означает «аль-хагыга» («внутреннюю жизненную правду») и позволяет понимать глубины «аш-шариа» («большого пути») (René, 2017). Такое толкование указывает на то, что суфии объединялись в братства. XII и XIII вв. ознаменовали собой переход суфизма в период более формальной организационной структуризации (Gallimard, 1973, p.18).

Следует учитывать, что означющий «путь» или «направление» в арабском языке термин «тарикат» является средством, которое дает суфию верное направление на пути к истине.

Исследователи выдвигали различные гипотезы о происхождении слов суфий и тасаввуф, в частности, по одной из гипотез слово тасаввуф возникло от корня «сауф» (Gazzali, 1992), означающего безгрешность, чистоту, ясность, – от названия проживавшего вблизи пророка асхаба «суффа» племени «бани-суффа» (в свою очередь, название племени могло возник-

нуть от названия пустынного растения «суфан» – здесь корень «суф» означает «шерсть»), а также от греческого слова «sophia», означающего «мудрость» (*Muhammad*, 2004, p.50–51). Одним из заслуживающих внимания моментов является наличие противоречий в этом вопросе между европейскими и мусульманскими авторами, а также между самими суфиями (*Michel*, 2006, p.88).

По мнению суфиев и большинства мусульманских авторов, истоки суфизма восходят к Корану и хадисам пророка Мухаммеда (с.а.с.). Непосредственная связь суфизма с исламом, его развитие на основе исламских ценностей и столпов веры не подлежат никакому опровержению. Но вместе с тем нельзя сказать, что тасаввуф существует в какой-либо одной форме. В исламском мире наряду с полностью привязанными к Корану и шариату суфийскими тарикатами, довольно часто встречаются и внутренне-экстремистские суфийские понятия, выходящие за пределы шариата и зачастую опирающиеся на концепции, которые противоречат некоторым исламским принципам. В целом, при рассмотрении с позиций развития исламской культуры и суфизма, исследователи считают вполне закономерным, что во многих этих тарикатах прослеживается влияние других религий и философских течений. Однако, с точки зрения чисто религиозных принципов, эти тарикаты не очень приветствуются мусульманами.

При коротком взгляде на историческое развитие суфизма можно выделить три основных этапа истории тасаввуфа: зухд (аскетизм), тасаввуф и тарикаты.

По мнению многих исследователей, период аскетизма приходится на начальный этап возникновения ислама. Такие факторы, как расширение территории путем завоеваний после пророка Мухаммеда, улучшение материальной жизни и благосостояния мусульман за счет военных трофеев и, как следствие, – тенденция стремления к материальным благам среди людей, способствовали возникновению суфизма. Тем не менее одной из характерных особенностей того времени является то, что определенная масса людей предпочла следовать своей чистой вере в ее первоначальном виде, не выходя за рамки основ исламской религии, по пути пророка. Следует учитывать, что мистический образ жизни при пророке означал жить именно так, как жил он, данный образ жизни ни в какой другой форме не проявлял себя. Слово тасаввуф не имело употребления в качестве термина, потому что в то время исламское общество во всех сферах жизни предпочитало следовать поведению и словам пророка (*Sapolyo*, 2013).

В качестве начального этапа истории тасаввуфа, образ жизни этого периода привлекает внимание наличием таких характерных особенностей, как жизнь вдали от людей, игнорирование плотских желаний и борьба с ними, терпение и упование на Бога. Период захидов (аскетов) продолжается до середины VIII в., и исследователи назвали следующий этап периодом тасаввуфа и учли все сопутствующие факторы социально-политических изменений того времени, то есть факторы распространения ислама

на более широкие территории, взаимодействия и взаимовлияния с другими народами и культурами.

В качестве самостоятельного философского учения тасаввуф впервые возник в Басре. Согласно записям исторических источников, первым человеком, получившим звание суфия, является Абу Хашим Ас-Суфи. И первой суфийской обителью можно назвать текке Абу Хашима, расположенное в городе Рамль в Сирии. Волна тасаввуфа, начавшаяся с Абу Хашима, за короткое время успела распространиться на многие мусульманские страны (*Schimmel, 2012*).

Разумеется, распространение тасаввуфа должно было привести к еще большему развитию учения. Начиная с IX в. суфизм вступил в фазу систематизации. Такого рода систематизация, по сравнению с вышеуказанным периодом аскетизма, способствовала возникновению многих отличительных особенностей. С одной стороны, были определены ряд принципов, правил и методов тасаввуфа, а с другой – начали создаваться выбранные суфийскими мыслителями для себя особые места – текки. Как известно, IX–X вв. были временем, когда жили и творили многие великие суфии, именно тогда возникли научные труды, связанные с тасаввуфом, и тем самым были определены принципиальные основы суфизма.

Что касается религиозно-этической сущности суфизма, то следует отметить, что духовно-нравственные ценности исламской жизни непосредственно связаны с понятием тасаввуфа. Это религиозно-философское учение, предусматривая усовершенствование моральных качеств человека, подразумевает его борьбу со своим эго путем исправления и воспитания, отказ от собственной плотской сущности и материального мира и воссоединение с Господом. В некоторых суфийских учениях тасаввуф описывается как постоянная борьба с мирским, как освобождение человека от своего эго, неподчинение дьяволу, отречение от чувственных влечений во имя Божественной воли, уход от внешнего к внутреннему, хранение жизненных трудностей в тайне, благородство, нежность и чистота.

Одной из причин такой привлекательности суфизма является мистическая мысль, заявляющая о содержании в себе божественных тайн и наук. В некотором смысле на основе таинственности и мистицизма материальные и практические состояния противопоставляются нравственности, духовности (аскетизм) и сейри-сулюк (путь нравственного совершенства). Существование во многих религиозных и философских учениях мистических особенностей – известный с незапамятных времен факт.

Следует отметить, что суфии вели борьбу со всеми формами проявления греха. Их борьба часто оборачивалась против тех, кто угрожал ослабить нравственность верующих, в особенности грамотных людей. В первые годы соратник пророка Мухаммеда Абу Зар обвинял власть имущих сего мира, за что ими же был арестован (*Ibn Arabi, 2006, p.33*).

Суфизм объединяет в себе исламские законы (шариат) и истину. Суфии считали, что если обряды выполняются не от чистого сердца, то они

бесполезны. Некоторые указывали, что суфизм проповедует существование сокрытой науки (ильм аль-батин) и отрешенность от материального мира, внутреннюю борьбу с грехом. Принцип ильм аль-батина можно сопоставить с внутренним принятием истины, которая осмысливается как «ничто не напоминает о Боге». В суфизме самым высшим существом является Аллах, а к нему можно приблизиться, только полюбив его.

Принято считать, что у мистической практической мысли есть разные формы в исламском, христианском и иудаистском мирах, греческой мысли, в таких религиях, как брахманизм и буддизм. Однако, следует учесть, что тасаввуф не может быть воспринят лишь как мистицизм. Различие между тасаввуфом и неисламским мистицизмом можно объяснить следующим образом: неисламский мистицизм отличается такими свойствами, как непоследовательность и пассивность. К примеру, в таких течениях не предусматривается состояние привязанности к шейху. Имеющая большое значение в суфизме цикличность в неисламском мистицизме не существует, потому что нет традиции мюршидов. Нет также выполняемых в определенное время вирдов и зикров (формы упоминания Бога), поэтому люди занимают в мистицизме определенное место в соответствии со своими способностями. Еще одна особенность, отличающая неисламский мистицизм, заключается в том, что здесь нет какой-либо иерархии, и конечная цель, которую следует достичь, – это ильм уль-ягыйн (учение о приближении к Аллаху) (*Altıntaş*, 1991).

В исламском мистицизме, в отличие от мистицизма других религий, большое значение имеют метод и активность. Духовный путь, называемый сейри-сулюк, который необходимо пройти каждому суфию, должен начаться и продолжаться под руководством мюршида. С этой точки зрения, шейх (мюршид), являясь центральной фигурой, определяет технику и продолжительность цикла в этой структуре. Существуют ряд обрядов, зикров, ритуалов, которые следует исполнять по принципам, продиктованным шейхом: люди входят в мистическую жизнь и, будучи связанными с ней, проходят различные моменты, используя такие методы, как зикр и риязат. В тасаввуфе есть также иерархическая структура, где определено место каждого. Если в других учениях вершиной мистицизма считается ильм уль-ягыйн, то самой последней точкой, которую могут достичь суфии, считается хадд аль-ягыйн (ситуация слияния) (*Cebecioglu*, 2009).

Первое использование слова тасаввуф связывают с именем известного суфия своего времени Маруфа Кархи. Известны имена суфиев Зуннуна Мисри, внесшего понятие «марифат» (просвещение) в суфийскую мысль, и Сари ас-Сакаати, который исследовал и обнаружил состояния тасаввуфа. Внесение новых критериев и понятий в аскезу и тасаввуф связано с именем Баязда Бистами (*Yilmaz*, 2019).

Концепции, выдвинутые такими суфиями, как Баязд Бистами, Джунейд Багдади, которые относятся к раннему периоду тасаввуфа, в дальнейшем были систематизированы и усовершенствованы аль-Газали. Соз-

давший философскую основу тасаввуфа Ибн Араби также считается одним из важных фигур в истории тасаввуфа – создателем теории вахдати-вуджуд (единства бытия), оставившей глубокий след в мировом философском наследии. Ибн Араби считал, что для познания Бога недостаточно разума и философии, что необходимым звеном на этом пути полного признания Бога является любовь. Не случайно теория вахдати-вуджуд Ибн Араби в тасаввуфской традиции стала основополагающей (*Morewedge, 1995*).

Третий период, который известен в развитии системы тасаввуфа как период тарикатов, начался после второй половины XII в. В это время некоторые видные суфии, внесшие специфические нововведения в правила и методы тасаввуфа, создали уже известные нам своими названиями тарикаты. Дальнейшее развитие тасаввуфа однозначно было связано с данными тарикатами, которые сохранились вплоть до наших дней. Великими суфийскими тарикатами, имеющими большое влияние в системе исламской культуры, можно назвать: Ясавия, Рифаия, Кубравия, Сухравардия, Шазилия, Бекташия, Мовлавия, Накшбандия, Хуруфия, Хальватия.

Сочинения Ахмада Ясави оставили заметный след в литературных кругах всей Центральной Азии, в том числе в регионах Поволжья, Восточного Туркестана и Анатолии. Ахмаду Ясави приписывают три текста. Самым известным и самым популярным является «Дивани хикмат» (*Divani-hikmat*). В конце XIX в. «Хикмат» был напечатан в Ташкенте (1880), Стамбуле (1881) и Казани (1887). Следует отметить, что последователи реформаторского движения, известного как джадидизм, выступавшие против традиционного обучения, нашли в поэзии Ахмада Ясави принципы, лежащие в основе их движения обновления. Лидер движения джадидов в Стамбуле Абд аль Рауф Фитрат писал о том, что идеи, представленные Ясави, несомненно, способствовали восстановлению идентичности тюркского мира. Он не скрывал своего восхищения школой Ясави, особенно превознося «национализм» поэта через его интерес к турецкому языку и любовь к «родине».

Реабилитация Ахмада Ясави имеет иное измерение в современном мире, он символизирует разрыв со старой системой, так как способствовал возвращению ряда этических и религиозных ценностей, тесно связанных с обществом Центральной Азии и Поволжья. Мысли его приводят к идее создания сильного государства и пробуждению патриотизма, национальных чувств. И по этой причине ни одна работа не могла играть роль руководства социальной, религиозной и даже гражданской морали лучше, чем «Хикмат». Поэтический стиль «Хикмата» также позволил умелому толкователю придать новый смысл мистическим строфам (*Kapnam, 1990*).

Первый самостоятельный труд о хальватии был написан Ибн Араби. Он впервые истолковал хальватию как метод отдаления от народа и приближения к Богу (*Emre Side, 2017, s.10*).

Хальватия прошла поэтапное развитие до того, как стала тарикатом. Исследователи выделяют четыре периода:

1. Период от Абдульгахира Сухраварди до Шейха Ибрахима Захида Гилани (X–XIII вв.). Этот период в источниках хальватии обозначается как период усула хальватии.

2. Период от Шейх Ибрахим Захида Гилани до Пир Омара (XIII–XIV вв.). Этот период называется периодом тарикатизации.

3. Период от Пир Омара до Сейида Яхья Бакуви, сформировавшего основы тариката (XIV–XV вв.). Этот период называется периодом эволюции.

4. Период, начавшийся развиваться и распространяться Сейидом Яхьой (после XV в.). Этот период называется периодом тарикатизации и разветвления (*Köse Fatih*, 2010, s.6).

Главнейший вопрос, который поставила перед собой хальватия, является очищение человеческой души от болезней, дурных мыслей, духовное совершенствование, осмысление таких понятий, как вахдати-вуджуд и вахдати-шухуд (единство свидетельствований).

При рассмотрении идеологических основ суфизма и присущих ему некоторых обычаев и традиций следует подчеркнуть наличие в суфизме совпадающих и противоположных особенностей с исламской традиционной мыслью.

Одним из основных принципов можно считать таухид (единобожие), или вахдати-вуджуд. Согласно суфийской мысли, единобожие в традиционном исламе преподносится как вахдати-вуджуд, то есть бытие считается состоящим из одной единственной истины. С этой точки зрения, бытие отражает множественность внешнего и единого с ним внутреннего. В качестве следующего принципа была взята любовь. Любовь к Богу считается главным механизмом приближения к Нему. Любовь, направленная к Богу и каждому существу, являющемуся носителем божественного, должна проявляться каждое мгновение. В качестве очередного принципа можно указать на «фана» (араб. «бренный»). В суфийской традиции принято считать, что для воссоединения с Богом человек должен раствориться в существе Бога, то есть быть бренным. Таким образом, отрекшись от всего земного, человек должен подчиняться только Божьему велению. Следующим принципом можно назвать вилайат (араб. «угодничество») – подчинение руководителю, растворившемуся в Божественной любви, в том числе тарикат и шариат.

Чтобы достичь поставленной цели, очиститься духовно и раствориться в существе Бога, суфии придерживаются следующих правил и используют разные концепции:

Риязат – суфийский способ очищения плоти. При риязате, который следует понимать как борьбу человека со своей плотью, главным условием считается победа над ней. Это время воспротивления всем плотским желаниям.

Ханягах – играет роль пространственного составляющего суфизма. Все основные в тасаввуфе обряды осуществляются в ханягах. В исламской культуре ханягахы стали особыми культурными памятниками, их всегда почитали, и для их посещения разработали определенные правила.

Выделяют два вида хирка – специфической одежды, которую надевают суфии: хирка, надеваемая для молитвы и данная мюршидом мюриду, и хирка табаррук, одеваемая в связи с определенными ритуалами и событиями.

Мюршид, пир или шейх – самая высшая степень, которую могут достичь суфии. Мюрид безоговорочно подчиняется своему мюршиду и не допускает ничего такого, что противоречило бы его воле.

«Сэма» называют сольное или хоровое исполнение суфиями музыкальных инструментов. Известное в тасаввуфе состояние «ваджд» (экстаз) достигается таким путем. Кроме вышеперечисленных, в тасаввуфе имеется много других обычаев, правил и законов, а также подходов.

Цель тасаввуфа путем очищения сердца довести иман (веру) и поведение до высшего уровня и достичь таким образом божественной искренности (ихлас). Человек «ведает» и «зрит» путем ихласа. Суфийские религиозные церемонии возглавляет зикр. Зикр как очищающее дух действие – последовательное и ритмичное повторение имени Бога. Другим ритуалом является чтение стихов религиозного характера и од пророку. В 28-м аяте суры – Каф Корана повелевается: «Терпи душой (береги плоть) с теми, которые призывают к их Господу утром и вечером, стремясь к Его лику, и пусть твои глаза не отвращаются от них (бедных верующих) со стремлением к красоте здешней жизни, и не повинуйся тем, сердце которых Мы сделали небрежными к поминанию о Нас и кто последовал за своей страстью, и дело его оказалось чрезмерным» (*Qurani-Kərim*, 1992).

Суфии считают, что их путь признан четырьмя исламскими юридическими школами, четыре великих основателя этих школ также являются суфиями в прямом смысле этого слова, то есть принимаются мусульманами в качестве выразителей священного имана (веры). Ибн Халдун и Газали пишут, что «Имам Шафии сидел перед суфийским шейхом Шейбан аль-Раи как ученик, пришедший в школу Корана учиться, и брал у него советы, как сделать то или иное дело» (*Gazzali*, 1992).

Самое высшее в суфизме существо – это Аллах, и через воссоединение с ним, то есть путем Божественной любви, получают Его одобрение. И первый этап этого воссоединения начинается с каждодневного поведения суфиев – с отстранения от 5 чувств и приведения души в состояние опьянения. Это состояние можно отождествлять с состоянием экстаза. Суфии говорят о таком состоянии, как «аль-фана», то есть как о победе человека над своим эго. После завершения первого этапа, суфий возвращается к внешнему миру, от которого намеренно отказался. В суфийском лексиконе этот этап выражается в различных терминах: «аль-бакаа», «сахв», «руджуу» и т.д. Это описание имеет чисто схематическую форму. В суфийских

книгах утверждается, что данный процесс нелинейный, а интерпретация суфийских слов носит эзотерический характер. Суфийские мыслители выделяют три ступени пути познания Бога человеческой душой. В первую очередь, человек усмиряет свои страсти – его называют мюридом. На следующем этапе человек духовно очищается, и прошедшего этот путь называют «салехом» (добродетельный). На третьем, завершающем этапе человек находит душевный покой (*Es-Sühreverdi*, 1990).

Суфийский шейх, который знает, как достичь божественного единения и чье учение не может быть оспорено по причине ориентации на ислам, рассказывает своим последователям слова (истину) предыдущих учителей и мыслителей, требует от них, чтобы они выполняли различные обряды: пробуждение, пост, дервишские танцы, зикр (упоминание), тренировки для очищения плоти.

Распространение суфизма требовало преданности, многие суфии стали жертвами религиозно-политических преследований. Халладж Мансур был мученически убит после длительного судебного разбирательства в Багдаде в 922 г. Видный исследователь суфизма Луи Масиньон описал это событие в своей книге «Страсть аль-Халладжа». Ибн Теймия и Ибн Гаййим (XV век) критиковали отход суфиев от некоторых религиозных правил, но вместе с тем некоторые мусульманские ученые на примере Аль-Джунейда подчеркивали соответствие поведения суфиев с истинным исламом. Во многих источниках упоминается связь обоих ученых с суфийским шейхом Абдуль-Кадиром Гилани.

Заключение. «У почти умирающего Платона был сон: он превратился в лебедя, он переходил от дерева к дереву и, таким образом, доставлял много хлопот птицеловам. Сократ заключил из этого, что он будет неуловимым для тех, кто впоследствии захочет его интерпретировать: толкователи, по сути, напоминают птицеловов, преследующих мысли древних» (*Thierry*, 1956, p.1). Так и с суфизмом, который внес большой вклад в формирование исламской культуры. Его нельзя считать лишь проявлением исламского мистицизма. Начиная с образования суфийских тарикатов, эти могущественные научно-познавательные школы в определенных случаях приняли также форму военно-политических и учредительных институтов и тем самым сыграли важную роль в формировании общественно-политической структуры своего времени. Имея большое значение не только с точки зрения исламской истории, но и в целом общемировой истории, суфизм, по сути, превратился в мощную духовную школу и систему мышления.

Источники и литература

1. *Altıntaş H.* Tasavvuf Tarihi. Ankara: Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi, 1991. 193 s.
2. *Cebecioğlu E.* Tasavvuf Terimleri ve Deyimleri Sözlüğü. İstanbul: Ağaç Yayınları, 2009. 741 s.
3. *Emre Side.* Ibrahim-i Gulshani and the Khalwati-Gulshani Order. Power Brokers in Ottoman Egypt. Leiden: Brill, 2017. 410 s.
4. *Es-Sühreverdî.* Ebu Hafs Şihabuddin Ömer. Avarifu'l-Maarif. İstanbul: Vefa Yay, 1990. 428 s.
5. *Gallimard C.* «Les essais». Paris: Adrien Maisonneuve, 1973. 157 p.
6. *Gazzali.* İhyau Ulumid-din (пер. Ahmet Serdaroğlu). İstanbul: Bedir Yay, 4 cild, 1992.
7. *Ibn Arabî.* Le Mahdi et ses Conseillers. Milles et une lumieres, 2006, 133 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://leslumieresdorient.com/auteurs/ibn-arabi-muhyi-l-din/175-le-mahdi-et-ses-conseillers-une-sagesse-pour-la-fin-des-temps-9782916337012.html> (дата обращения: 01.05.2020).
8. *Köse Fatih,* İstanbul'da Halveti Tekkeleri, Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Doktora Tezi. İstanbul, 2010. 496 s.
9. *Michel J.* Nietzsche et le soufisme: proximités gnostico-hermetiques. «L'ouverture philosophique», 2006. 160 p.
10. *Morewedge P.* Essays in Islamic Philosophy, Theology and Mysticism, Oneonta. Ibn Arabi NY: Oneonta Philosophy Series, 1995.
11. *Muhammad H.K.* The Naqshbandi Sufi Tradition Guidebook of Daily Practices and Devotions. ISCA, 2004. 341 p.
12. Qurani-Kərim. Тәр: akad.V.Məmmədəliyev və akad. Z.Bünyadov. Bakı: «Elm», 1992. 502 s.
13. *René G.* Aperçus sur l'ésotérisme islamique et le Taoïsme. Paris: Gallimard, 2017. Vol. 182.
14. *Şapolyo Enver Behnan,* Mezhepler ve Tarikatlar Tarihi. İstanbul: Milenyum yay, 2013. 568 s.
15. *Schimmel Annamarie,* İslamın Mistik Boyutları, Çeviren Ergün Kocabıyık. İstanbul: Kabataş, 2012. 648 s.
16. *Thierry Zarccone.* Ahmad Yasavi héros des nouvelles républiques centrasiatiques // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée, 89–90, 2000, p.1.cité dans Bauffière, Olympiodore, Vie de Platon. Paris, 1956.
17. *Yılmaz H.K.* Anahatlariyla tasavvuf ve tarikatlar. İstanbul: Ensar, 2019. 367 s.
18. *Kapnam K.* «Конференция Ахмета Ясави». Национальное возрождение и ислам в Центральной Азии, Акция // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. 5/1, декабрь. 1990.

Ә.Т. Алиева

Ислам кыйммәтләрән таратуда суфичылык роле

Ислам мәдәнияте үзенең күптөрлелеге, төрле фәнни-фәлсәфи һәм мәдәни агымнары булуы хисабына Ислам яңарышыннан башлап бөтен дөньяга таралган. Ул кешелек үсешенең күп кенә яңа юнәлешләренә нигез салды, аның рухи-мәдәни мирасын баетты. Бу күзлектән караганда, безнең көннәрдә тирән өйрәнелә торган суфичылык зур әһәмияткә ия.

Автор тәсаувефнең иртә чорына караган Баязит Бистами, Джунәйд Багдади кебек суфиляр тәкъдим иткән концепцияләр алга таба әл-Газали тарафыннан тагы да камилрәк формага системалаштырылган, дип билгеләп үтә. Ибн әл-Гарәби (1165–1240) тәсаувеф тарихында мөһим шәхесләрнең берсе булып санала. Ул төзөгән вәхдәт әл-вөжүд теориясе, дөньяның фәлсәфи мирасында тирән эз калдырды һәм тәсаувеф традициясенең нигез ташына әверелде, дип ассызыкмый автор.

Ачкыч сүзләр: суфичылык, ислам, тәсаувеф, тарикат, зикер, вәхдәт әл-вөжүд.

A.T. Aliyeva

The role of Sufism in the dissemination of Islamic values

Beginning with the Islamic revival Islamic Culture spread around the world due to its diversity and availability of various scientific, cultural and philosophical movements, also laid the foundation of many new directions of human development, enriched its spiritual and cultural heritage. From this point of view Sufism has great importance which carefully studied nowadays. The author notes that conceptions put forward by Bayazed Bistami and Junade Baghdadi which related to the early Tasavvuf period further were systematized in more perfect forms by Gazali. Being a student of the era after Gazali and the creator of philosophical tasavvuf Ibn Arabi is considered as one of the most important persons in the history of Tasavvuf. The author emphasizes that theory of Vahdati-Vujud that left deep mark in the world's philosophical heritage and became the foundation of the great Tasavvuf tradition.

Keywords: Sufism, Islam, Tasavvuf (mysticism), Taricat, zhikr (praying), vahdati-vujud.

Информация об авторе:

Алиева Амина Таваккюл – научный сотрудник, Институт Востоковедения Национальной академии наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан); e-mail: aminaliyeva@mail.ru

Алиева Әминә Таваккюл – Әзербайжан Милли фәннәр академиясенең Көнчыгышны өйрәнү институты фәнни хезмәткәре (Баку шәһәре, Әзербайжан).

Aliyeva Amina T. – Scientific Researcher, Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan).

О Первом Всероссийском съезде мусульман (13–18 августа 1905 г.)

В статье освещаются подготовка и проведение Первого Всероссийского съезда мусульман, доказываются проходимость его заседаний с 13 по 18 августа 1905 г., участие в его работе не только мусульманских либералов, но и лиц, придерживающихся политических взглядов социалистов-революционеров и социал-демократов. Объясняются причины объявления съездом о создании общественной организации, имеющей целью объединение всех мусульман России независимо от их классовых и национальных различий, на основе идеи развития культуры и просвещения, а не политической партии, как планировалось его организаторами.

Ключевые слова: Первый Всероссийский съезд мусульман 1905 г., Нижегородская ярмарка, мусульмане-либералы, И. Гаспринский, Габдерашит Ибрагимов, Г. Исхаки.

В исследовании мусульманского дискурса Первой русской революции 1905–1907 гг. в постсоветский период огромный интерес у исследователей вызывало изучение подготовки и проведения Первого Всероссийского съезда мусульман, которое осуществлялось, главным образом, по текстам М. Бигиева. Этой теме были посвящены специальные работы О.Н. Сенюткиной (*Сенюткина*, 2005), А.Ю. Хабутдинова и Д.В. Мухетдинова (*Хабутдинов, Мухетдинов*, 2005), в контексте истории татарского общественно-политического движения начала XX в. это событие освещалось в книгах Р.У. Амирханова (*Амирханов*, 2005), Л.А. Ямаевой (*Ямаева*, 2002), Д.М. Усмановой (*Усманова*, 2005), Р.Р. Фахрутдинова (*Фахрутдинов*, 2006) и других историков.

Московский историк С.М. Исхаков (*Исхаков*, 2007) первым из современных исследователей привлек в качестве источника эпистолярное наследие и публицистику Г. Исхаки и по-новому интерпретировал ход и результаты Первого Всероссийского съезда мусульман. В этой связи наши наблюдения созвучны с выводами С.М. Исхакова.

При изучении Первого Всероссийского съезда мусульман представляется важным мнение А. Каппелера о том, что в России «национальные движения в 1905–1907 гг. преследовали в основном культурные цели, а их умеренные политические требования не носили разрушающего систему характера» (*Каппелер*, 2005, с.403), и «только либерализация, произошедшая вследствие революции 1905 года, позволила политизировать культурный мусульманский национализм» (*Там же*, с.419).

Как известно, в середине января 1905 г. на встрече в Казани Габд. Ибрагимов с Ю. Акчурой было принято решение провести Всероссийский

ский съезд мусульман в марте 1905 г. в Санкт-Петербурге. Был составлен список мусульманских общественных деятелей, которых предполагалось пригласить в столицу. Об этих планах Ю. Акчурин написал И. Гаспринскому в Бахчисарай, а Габд. Ибрагимов – Алимардану Топчибашеву в Баку. В письмах выражалась просьба крымско-татарским и азербайджанским общественным деятелям явиться в столицу в марте 1905 г. (*Жарулла*, 1917, б.5–6).

Прибытие в Санкт-Петербург азербайджанской и крымско-татарской делегаций с опозданием в различное время сорвало план Ю. Акчуры и Габд. Ибрагимова. 8 апреля в тесной квартире Габд. Ибрагимова собрались представители Кавказа – А. Топчибашев, А. Агаев, А. Гусейнзаде, из мусульман Поволжья присутствовали Гали Максудов, Ибниамин Ахтямов, Лутфулла Исхаков (*Жарулла*, 1917, б.10–11). В середине мая 1905 г. организационные вопросы проведения съезда Габд. Ибрагимовым были согласованы и с крымско-татарской делегацией во главе с И. Гаспринским.

После совещания общественных деятелей в г.Чистополе (20–22 мая 1905 г.) началась работа по подготовке съезда, в которой использовались и средства массовой информации. Так, Габд. Ибрагимов в бакинской газете «Хайят» распространял информацию о предстоящем съезде мусульман в Нижнем Новгороде (*Жарулла*, 1917, б.166).

После возвращения И. Гаспринского в Бахчисарай на страницах «Тарджемана» также стали появляться его публикации (не всегда подписанные) о перспективах общественного движения мусульман. В частности, в номере от 21 июня 1905 г. была опубликована заметка «Мусульманское собрание», в которой сообщалось, что во время Нижегородской ярмарки состоится собрание мусульман «для обсуждения своих общественных нужд и дел и, быть может, как следствие этого будет подана правительству общая докладная записка в дополнение поданных многочисленных петиций... В силу закона эволюции жизни, среди мусульман уже зародилась “партия прогрессистов”, а члены ее, несомненно, чувствуют потребность обменяться мыслями, установить программу деятельности на поприще народной нужды и борьбы с узкими воззрениями и вековым консерватизмом» (*Тарджеман*, 1905, №48, 21 июня).

Автор информировал мусульманскую общественность, по сути, о договоренностях, достигнутых в Санкт-Петербурге. Оказалось, что общественные деятели успели договориться о многом. Прежде всего, о составлении и подаче единой петиции от имени многомиллионного мусульманского населения, которая должна была вобрать в себя ключевые требования и претензии к правительству и тем самым поставить вопрос о предоставлении мусульманам равных с русскими подданными гражданских прав. Также сообщалось о формирующейся «партии прогрессистов», существовании ядра будущей политической организации, не упоминая о его составе. Общественные деятели обсуждали вопрос о расширении сети джадидидских школ и тактику

решения задач, которые следовало вынести на предстоящее собрание мусульман всей России.

Симпатизируя идее проведения такого всероссийского мероприятия (Гаспринский избегал слова «съезд». – *И.З.*), в своей публикации редактор «Тарджемана» перечислил условия, при соблюдении которых собрание в Нижнем Новгороде могло бы стать «многозначительным явлением» в общественной жизни мусульман России: легальность собрания, основательное обсуждение проблем мусульманского сообщества, представление правительству «разумно обоснованных» просьб.

Спустя две недели после этой публикации, 5 июля 1905 г., И. Гаспринский вновь возвратился к теме создания политической организации мусульманских народов. В своей заметке «Татарская прогрессивная партия» он писал: «Это новое явление и новые люди, как проект общего подъема и оживления русской жизни, составляют отрадное и интересное явление современной жизни наших мусульман. Ядром этой партии служат интеллигентные мусульмане, посвятившие себя делу просвещения народа, развитая часть духовенства, люди, посвятившие себя литературе и писательству, часть учителей и мугаллимов новометодных мектебов, более или менее развитая часть купечества и других элементов, осознающих и видящих недостатки национального быта и жизни» (*Тарджеман*, 1905, №52, 5 июля).

Оказалось, что программными направлениями деятельности будущей партии станут: «распространение среди мусульман современного просвещения, реформа национальных училищ (мектебов и медресе) на почве сближения их с современными учебными учреждениями, изыскание помощи и стипендий для учащихся в средних и высших учебных заведениях в России мусульман; выяснение посредством печати нужд и потребностей мусульман, защита их прав и интересов перед лицом различных учреждений общественных и правительственных. Распространение полезных технических и земледельческих знаний, развитие грамотности и развитие познаний среди женщин в делах более общего и широкого характера, в делах общегосударственной жизни». «К осени партия, вероятно, будет более или менее организована», – обнадеживал читателей редактор (*Там же*).

В публикации «Совещание мусульманской прогрессивной партии» (*Тарджеман*, 1905, №56, 19 июля) сообщалась дата проведения «организационного совещания», запланированного «мусульманами-прогрессистами» на Нижегородской ярмарке 12 августа 1905 г.

Согласно И. Гаспринскому, планировалось обсудить следующие вопросы:

- «1) определение задач и организация партии;
- 2) меры и средства к поднятию образования и культуры среди мусульман;
- 3) обсуждение и составление докладной записки о правовых, духовных и экономических нуждах мусульман;

4) о представительстве мусульман в Государственной думе и содействии задачам комиссии графа Игнатьева насколько она касается мусульман России» (*Там же*).

В официальной программе съезда, врученной депутацией мусульман во главе с А. Ахтямовым нижегородскому временному генерал-губернатору Унтербергеру 14 августа вместе с просьбой о проведении съезда, значились шесть вопросов. Они оказались шире той программы, о которой ранее сообщалось в «Тарджемане».

Согласно официальной программе съезда, повестка его заседаний должна была быть посвящена обсуждению шести вопросов. Это:

«1) Составление всеподданнейшего благодарственного на имя его императорского величества, государя императора адреса, по случаю воследовавшего всемилостивейшего манифеста об учреждении народного законосовещательного представительства в лице Государственной думы, причем магометанскому населению дарованы равные с коренным населением права.

2) Определение задач и организация партии в будущей Государственной думе.

3) Меры и средства к поднятию народного, между магометанами, образования и культуры.

4) Обсуждение и составление докладной записки о правовых, духовных и экономических нуждах мусульман.

5) О представительстве мусульман в Государственной думе и содействии задачам особого совещания под председательством графа А.П. Игнатьева (о веротерпимости) насколько оно касается мусульман России; и

6) по вопросу о применении к образованию магометанского населения педагогической системы проф. Н.И. Ильминского, рекомендуемого особым совещанием при Министерстве народного просвещения, образованным 10 мая 1905 года» (*Национальные движения*, 1935, с.218–219).

Важно отметить, что данная публикация И. Гаспринского и официальная программа съезда не оставляют сомнений в том, что ключевой его задачей было создание политической партии, что становилось архиактуальной в связи с учреждением Государственной думы и предстоящими выборами в состав нового представительного органа власти России.

Следующей важнейшей задачей являлась подача коллективной, от имени депутатов, приехавших из разных регионов Российской империи, докладной записки о чаяниях и нуждах единоверцев как основополагающего документа для правительства. И, наконец, обсуждение темы представительства мусульман в Государственной думе и оказание содействия работе Особому совещанию по делам веры под председательством графа А.П. Игнатьева.

Расширение повестки съезда было обусловлено не только указом от 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной думы, но и проходившим 10 мая – 3 июня 1905 г. в столице под председательством А.С. Будиловича

межведомственным Особым совещанием по вопросам образования восточных инородцев, разработавшим рекомендации правительству в отношении русско-татарских (башкирских) начальных школ и русских классов при медресе. В то же время из нее выпал пункт о составлении «докладной записки» о правовых, духовных и экономических нуждах мусульман. Дело в том, что манифест от 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной думы изменил порядок рассмотрения ходатайств. Теперь все законопроекты должны были проходить через новый институт и вноситься туда руководителями центральных ведомств. В результате Особое совещание по делам веры под председательством Игнатьева лишилось своих исключительных прав на разработку законопроектов и рекомендации их на высочайшее утверждение. Отпала необходимость и в консолидированной «докладной записке» о нуждах мусульман России и представительстве мусульман в данном совещании.

Таким образом, участники Первого Всероссийского съезда мусульман России прибыли в Нижний Новгород, ориентируясь на его открытие 12 августа.

До этого группа организаторов успела осуществить необходимую переписку с будущими участниками съезда, а 8 августа в количестве 10–15 человек в одном из ресторанов торжища провела первое организационное собрание (*Жарулла*, 1917, б.166).

География участников съезда охватывала большинство районов компактного проживания мусульман: Крым, Поволжье и Приуралье, Туркестан, Сибирь, Казань, Уральск и др. (*Бигиев*, 1906, б.6).

Согласно Г.Исхаки, на съезд прибыли лидеры всех трех формирующихся общественно-политических течений среди татар-мусульман: руководители политической организации «Хуррият», группа татарских социал-демократов, а также либералы (Ю. Акчура, Ахмадхади Максуди, Фатих Карими и др., крымских татар представляли И. Гаспринский, Мустафа Давидович и др., азербайджанцев – Алимардан Топчибашев и т.д.) (*Исхаков*, 2013, б.398).

Наиболее организованной себя проявила татарская молодежь: Г. Исхаки, Шамиль Мухамедъяров, Фуад Туктаров, а также придерживающиеся социал-демократической ориентации Х. Ямашев с супругой Хадичей, Г. Сайфутдинов и другие провели 12 августа первое собрание, высказавшись за проведение в России демократических реформ (*Дәүләт*, 1998, б.81, 277).

13 августа И. Гаспринский назвал днем начала съезда¹.

Согласно М. Бигиеву, 13 августа состоялся меджлис, устроенный Гали Яушевым в ресторане «Германия» в честь кавказских общественных деятелей, на котором участвовали более 25 знатных человек (Шамси Аса-

¹ И. Гаспринский утверждал, что съезд проходил с учетом неформальных и формальных встреч, с 13 по 18 августа 1905 г.

дуллаев, Хашим Вазиров, А.Ахтямов, Такизада Сафаров и др.). По итогам выступлений А. Топчибашева, И. Гаспринского и Габд. Ибрагимова и было принято решение об обращении к генерал-губернатору за разрешением на проведение съезда с представлением его официальной программы (*Жарулла*, 1917, б.166).

Специальный корреспондент газеты «Казанский телеграф», работавший под псевдонимом «Гарольд», сообщал об этом мероприятии следующее: «13-го августа мусульмане устроили частное совещание. Совещание длилось с утра до позднего вечера, но никаких определенных резолюций не вынесло. Говорили о том, о сем, коснулись и армяно-татарских отношений, но... жаловался мне молодой татарин – в результате получилась одно грусть и уныние. Молодежи зажали рот.

Мне не удалось видеть “стариков” – участников совещания и узнать – довольны ли они молодежью, но последняя, нельзя сказать, чтобы была довольна “отцами”. Верным показателем отношений “отцов” и “детей” может служить следующая телеграмма, которую просил меня дать в газеты вышеупомянутый мусульманин. “Состоялось частное совещание мусульман. Были толки об утопических обществах. Совещание определенной резолюции не вынесло. О переживаемых обстоятельствах, об отношении мусульман к Государственной думе – ни слова. Молодежь и большая часть публики (около 200 чел.) осталась в недоумении”. Так смотрит молодой мусульманин на результаты совещания, руководящую роль в котором играли многие почтенные мусульмане. Надо заметить, в совещании участвовали: редактор “Каспия” А.М. Топчибашев, редактор “Терджемана” И. Гаспринский, публицист Ахтямов и др.» (*Казанский телеграф*, 1905, №3738, 19 августа, с.2).

«Кроме обычного торгового люда, сюда прибыли представители разных слоев мусульманского населения, не исключая самых дальних областей. Были лица духовного звания, учителя, писатели и другие в числе, говорят, более 1000 человек, специально прибывшие потолковать о делах. Мусульмане письменно и через уполномоченных словесно обращались к г. нижегородскому губернатору с просьбой разрешить им официально совещание и получили решительный отказ, смягченный ссылкой на ярмарочное, тревожное время. Нам передавали, что начальник губернии высказал, кроме того, свое полное доверие к серьезности и законоуважению мусульман и нашел бы такой съезд допустимым, но только не во время ярмарки, омрачившейся перед тем известными беспорядками. Отказ этот, несмотря на любезную мотивировку, произвел на мусульман очень тягостное впечатление, и они, разбившись группами по своим номерам, ресторанам и магазинам, решили подать жалобу высшему начальству, но затем эта мысль была оставлена, и официальный съезд был оставлен до более благоприятного времени», – делился информацией со своими читателями редактор газеты «Тарджеман» сразу после возвращения из Нижнего Новгорода (*Тарджеман*, 1905, № 67, 26 августа). Как указывалось выше, леги-

тимность съезда И. Гаспринский рассматривал в качестве одного из ключевых условий его проведения. По логике И. Гаспринского получается, что по причине отсутствия разрешения на проведение официального съезда (с решением его ключевой задачи. – *И.З.*), он был отложен до лучших времен.

Вторая принципиальная мысль заключена в следующей цитате заметки И. Гаспринского: «Нельзя сказать, чтобы собравшиеся в Нижний на ярмарку мусульмане провели свое время бесплодно. Естественно, они в частных беседах обменялись мыслями, желаниями и надеждами и, в лице более влиятельных представителей разных групп и областей, пришли к тем или иным заключениям, которые можно бы назвать и мусульманской резолюцией. 15 августа рано утром группа мусульман, более 200 человек кавказцев, сибиряков, казанцев и других, наняв специально пароход, выезжали из Нижнего на увеселительную поездку по Оке. По тихой живописной реке азиатские экскурсанты проплывали до ночи, когда вернулись в город и чинно разошлись по квартирам» (*Там же*). Таким образом, получается, что, во-первых, главным итогом съезда стало принятие на этих многочисленных заседаниях «мусульманской резолюции»; во-вторых, на пароходе «Густав Струве» состоялось самое важное и многочисленное собрание приехавших на политическое мероприятие общественных деятелей.

М. Бигиев также отмечал, что прибывшие на ярмарку общественные деятели в течение нескольких дней рассуждали о политических, религиозных и земных нуждах, а потом единогласно приняли постановление, которое могло бы быть своеобразным руководством или документом для российских мусульман в их действиях и поступках (*Бигиев, 1906, б.6*).

Следует подчеркнуть, что эта публикация в значительной степени перекликается с воспоминаниями Г. Исхаки, имеющими отношение к событиям середины августа 1905 г. Оценивая деятельность политической организации «Хуррият», Исхаки отмечал, что «она стремилась толкнуть съезд на революционный путь. Участники съезда разделились на умеренно-конституционную и радикально-революционную группы» (*Исхаки, 2004, с.22–23*).

Итак, кульминацией стало 15 августа 1905 г., когда более 200 мусульман провели общее собрание на пароходе «Густав Струве». Председателем собрания был избран Гаспринский, идейными руководителями выступили А. Топчибашев и Ю. Акчурра (*Исхаков, 2007, с.218*).

По настоянию Габд. Ибрагимова, с целью изолировать от собрания радикальную молодежь, пароход с участниками отошел от пристани раньше установленного времени. В своих воспоминаниях Г. Исхаки писал, что более 30 молодых людей на моторном судне догнали пароход, поднялись на палубу и стали общаться с участниками этого нелегального мероприятия (*Исхаков, 2013, б.398*).

Гаспринский пригласил Исхаки в свою каюту, где между ними состоялся серьезный разговор по поводу перспектив политического объединения

мусульман. После длинного вступительного слова, Гаспринский сообщил молодому человеку о намерении учредить союз мусульманских народов России под названием «Иттифак аль-мусульмин» («Мөселман иттифагы») для противодействия угнетению российским правительством мусульман. Соглашаясь с названием союза, Исхаки спросил о программных положениях будущей организации. Гаспринский заявил, что речь идет о создании политической партии.

Г. Исхаки стал настаивать на создании союза мусульманских народов на основе культурного единства, призванного способствовать обновлению мектебов, медресе и духовной жизни, развитию периодической печати, национальной литературы и театра как институтов единого этнокультурного сообщества (бер миллэт), что позволило бы подготовить народы к их будущей политической роли в социальной жизни страны. Он подчеркнул, что политическое единство мусульман невозможно. Среди мусульман, как и среди христиан, существуют различные общественные группы, преследующие свои узко социальные интересы. Интересы помещика и безземельного человека всегда будут противоположны, их невозможно объединить в единую политическую программу, заявил Г. Исхаки. В современной ситуации самым верным решением является учреждение мусульманского союза, призванного консолидировать народы на основе решения задач в сфере развития культуры. Гаспринский вновь повторил, как об уже принятом решении, о намерении учредить на этом общем собрании политическую партию мусульман России. Продолжая дискутировать, Исхаки отметил, что в создавшейся ситуации, когда страна охвачена антиправительственными выступлениями и беспорядками, от этой инициативы не следует ожидать положительного результата, эта партия будет мертворожденной организацией (*Там же*).

Общее собрание, состоявшееся на палубе парохода, открыл А. Топчибашев. После выступления Ю. Акчуры, огласившего программу будущей партии, переписанную из учредительных документов русских либералов, слово взял Исхаки. Он обратил внимание участников собрания на то, что лидер русских либералов П.Н. Милюков и его сторонники являются врагами тюрко-мусульман. Если будет принята их программа, переведенная на татарский язык, то создаваемая партия «Иттифак» будет подчинена им, и это обстоятельство будет способствовать порождению среди мусульман лжи, заявил лидер «Хуррията». Резюмируя свое выступление, Исхаки предложил не подстраиваться не под какую русскую политическую партию, создать собственную программу «Иттифак» – учредить культурно-просветительский союз тюркских народов и воздержаться от политической борьбы (*Там же*).

После эмоционального и аргументированного выступления Г. Исхаки А. Топчибашев, взяв слово, постарался убедить присутствовавших, что при наличии политического единства мусульманских народов непременно возникнет культурно-просветительский союз. Ему возразил Ф. Туктаров, на-

стаивая на правоте Исхаки. Собравшиеся, не желая продолжения полемики, предложили проголосовать. Большинство участников (2/3) поддержали предложение А. Топчибашева о создании политической партии, основанной на ранее оглашенной, переведенной на татарский язык, программе кадетов. После этого участники собрания приступили к выборам правления партии, а сторонники Исхаки покинули заседание (палубу парохода). Такую очередность событий изложил в своих воспоминаниях Г. Исхаки. Как видим, к 15 августа 1905 г. группой организаторов были подготовлены учредительные документы будущей партии.

Следует отметить, что порядок выступавших на собрании 15 августа по М. Бигиеву иной, чем у Исхаки. Согласно Бигиеву, собрание открыл председатель Гаспринский, с пламенной «исторической речью» выступил А. Топчибашев, затем слово взяли А. Ахтямов, И. Гаспринский и еще несколько человек.

Согласно записям Исхаки, после возвращения парохода на пристань он пригласил своих сторонников из числа мелких торговцев, приказчиков, молодых купцов, учителей на собрание в гостинице «Двухсветный», на котором занялся активным партийным строительством: были заложены основы сотрудничества с мусульманами Азербайджана, Казахской степи и Крыма. Приступая к разработке документов политической организации, сторонники Исхаки приняли решение не копировать программы русских партий, составили комиссию для изучения партийных текстов и деятельности социал-демократов и социалистов-революционеров. Оставив Туктарова в Нижнем Новгороде для продолжения координации действий, основная группа «хурриятцев» отбыла в Казань.

После завершившегося 15 августа собрания на палубе парохода «Густав Струве» Гаспринский несколько дней спустя написал о совещаний либералов на Нижегородской ярмарке следующее: «17 августа кавказские мусульмане дали в честь прочих большой обед из национальных блюд; на это 18-го им ответили мусульмане внутренних и восточных губерний. На первом обеде было до 300, на втором до 200 человек. Экскурсия на пароходе и эти обеды, в связи с многочисленными беседами малыми группами, привели общественное мнение мусульман к следующим положениям, видимо, одобренным всей многотысячной массой, бывшей на ярмарке. Положения эти можно резюмировать так: 1) во всех делах общегосударственного характера и интереса мусульмане должны быть солидарными с лучшей прогрессивной частью остального народа; 2) всеми законными и согласными с религией мерами должно стараться о культурном развитии мусульман для подъема их в уровень современных условий жизни, для чего содействовать реформе духовных правлений, улучшать старые и создавать новые учебные заведения, учреждать библиотеки, читальни, издавать популярные книги, газеты, основывать пособия учащимся и т.п.; 3) словесно и печатно разъяснять своему народу значение высочайшего манифеста 6 августа об учреждении Государственной думы, ее ком-

петенции и выборе членов в ее среду; 4) заботясь об охране и сохранении общественных лесов, земель, вакуфных имуществ параллельно с заботами об улучшении материального положения народа, возбуждая, где следует, необходимые ходатайства» (*Тарджеман*, 1905, № 67, 26 августа). Итак, согласно утверждению И. Гаспринского, буквально получается, что окончательная резолюция съезда была принята в ходе последующих обсуждений. Этим обстоятельством мы объясняем существование нескольких вариантов резолюций, на что обратил внимание еще И.Д. Кузнецов².

В качестве другого важного момента, заслуживающего внимания, И. Гаспринский отметил факт конструктивного сотрудничества шиитов и суннитов, которые «вполне слились, предав забвению печальные традиции, когда-то их отчуждавшие» (*Там же*).

Свою статью об итогах съезда автор завершил вполне оптимистично: «Отрадно было также слушать о здравых, честных суждениях мусульман относительно долга и пользы идти вперед с лучшими людьми и силами великой родины» (*Там же*).

Принятая съездом резолюция свидетельствовала о том, что вместо политической партии создавался культурно-просветительский союз российских мусульман (*Исхаков*, 2007, с.170). Ее текст не соответствует утверждению Г. Исхаки о голосовании 15 августа на пароходе «Густав Струве» большинством участников собрания за создание политической партии в соответствии с переведенной на татарский язык политической программой кадетов. Видимо, после ухода Г. Исхаки и его группы с палубы произошла дискуссия и, в конечном счете, стало доминировать мнение об учреждении культурно-просветительского союза мусульманских народов.

Почему так получилось?

Из губерний Волго-Уральского региона на съезд съехались региональные лидеры, которые зимой-летом 1905 г. проводили меджлисы, собрания, составляли петиции, выезжали в качестве членов делегаций в Санкт-Петербург для встречи с высокопоставленными чиновниками и передачи им коллективных прошений. Часть из них являлась участником апрельского совещания улемов в Уфе, чистопольского совещания (20–22 мая), а некоторые из них – и июньского съезда уполномоченных волостей Уфимской губернии. Незавершенность формирования основных политических течений в мусульманском сообществе привела к преобладанию в составе участников съезда купцов и духовных лиц. Между тем в рассмат-

² Несоответствие текстов резолюции, содержание которых «одно и то же», И.Д. Кузнецов объяснил их переводом на русский язык. Он сравнил текст резолюции, отложившийся среди делопроизводственной документации жандармерии, с текстом, опубликованным М. Бигиевым в приложении к уставу Всероссийского мусульманского союза, а также с текстом Галимджана Ибрагимова в его книге «Татары в революции 1905 года» и в работе «Общественные движения в России в начале XX века», кн.7, с.234–235 (*Национальные движения*, 1935, с.220).

риваемый период культурные связи между татарами и русскими находились на низком уровне. «Татарские предприниматели, в отличие от элит других национальных меньшинств России, не пытались войти в хозяйственный и гражданский высший слой путем русификации» (Ноак, 1998, с.156). Можно сказать, что большинство купцов не находились в русском культурном поле: для них формы русского политического движения не являлись образцовыми, наоборот, они рассматривали возникшую благоприятную общественную ситуацию и возможность получения для единомышленников гражданское и политическое равноправие через призму расширения религиозно-культурной автономии и повышения статуса религиозного управления и исламских институтов. В этот дискурс вписывается и большинство мусульманского духовенства, присутствовавшего на съезде. В результате в августе 1905 г. культурные различия между подверженным русской аккультурации ядром либералов, представленным, главным образом, дворянами, выпускниками и учащимися русских и зарубежных учебных заведений, с одной стороны, и сторонниками замкнутого традиционного мусульманского сообщества в лице большинства купцов и духовенства, с другой стороны, наглядно проявились на мировоззренческом уровне и отразились на политическом самосознании и социальном поведении элит. Социальная основа мусульманского либерализма в вопросе партийного строительства была узкой.

По отношению к политическому режиму среди участников съезда были сторонники самодержавного строя, конституционной монархии и республики. Таким образом, разноликость политических взглядов участников съезда также стала одной из причин невозможности принятия подготовленных учредительных документов партии «Иттифак аль-муслимин».

На первый взгляд может показаться, что среди большинства возобладавало мнение Г. Исхаки. В действительности, участники нелегального съезда, опасаясь за политические последствия, постановили перенести принятие окончательного решения о создании политической организации на следующий съезд, когда он будет работать легально.

Итак, 1-й пункт принятой резолюции гласил: «Мусульманам России во всех вопросах: политических, культурных, а также в вопросах, возникающих в зависимости от настоящего положения России, необходимо быть солидарными».

2-й пункт резолюции был своего рода реакцией на манифест от 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной думы – нового представительного института в общественно-политическом устройстве России: «Для приведения в исполнение этих вопросов мыслящие мусульмане, будучи единомышленниками с передовыми русскими людьми, принимают участие в деле установления такого порядка, по которому законы составлялись бы при участии избранных народом представителей его».

3-й пункт резолюции поставил во главу угла достижение принципа равноправия всех людей перед законом: «Мусульмане законными способами приложат все усилия к тому, чтобы были уничтожены существующие по отношению к мусульманам притеснения и бесправие, и чтобы мусульмане были уравнены с русскими в политических, религиозных и имущественных правах».

Основополагающим пунктом резолюции следует признать 4-й пункт, который гласил: «...Для того, чтобы подготовить мусульман к понятию о возможных в будущем новых законах новых основ, мусульмане особенно приложат свои усилия к всестороннему своему развитию. Для этого мусульмане во всех губерниях, сообразно своим нуждам, будут стремиться к открытию школ, путем издания книг, газет и журналов будут стараться дать народу основное понятие о современном положении».

Таким образом, съезд объявил о создании общественной организации, имеющей целью объединение всех мусульман России независимо от их классовых и национальных различий, на основе идеи развития культуры и просвещения. И сам союз, и создаваемые на местах его отделения («местные собрания» (п.5)) должны были заниматься культурно-просветительской работой, обозначенной в п.4 (*Национальные движения, 1935, с.220–221*). Была повторена звучавшая на многих собраниях, проходивших в разных уголках России, идея о необходимости провозглашения гражданского равноправия мусульманских народов. Важно также отметить, что резолюция съезда в целом соответствовала первоочередным нуждам и чаяниям мусульман и во многом перекликалась с содержанием петиций, которые ранее поступили в Комитет министров.

1-й пункт официальной программы съезда оказался невыполненным в связи с частным, нелегальным, характером съезда. В действительности такой документ был составлен и доведен до государя в формате «всеподданнейшего адреса» от имени группы татарских купцов после завершения съезда, 22 августа. Во «всеподданнейшем адресе» была выражена не только благодарность императору, но и изложены три просьбы политического характера: 1) обеспечение равноправия российских подданных; 2) допущение представителей от мусульман к участию в заседании Особого совещания по делам веры под председательством А.П. Игнатьева по разработке справедливых законопроектов и 3) допущение мусульман к работе в Государственной думе (*Там же, с.220*). На этом задачу подачи «докладной записки» о нуждах мусульман можно было считать выполненной.

Беспристрастную оценку итогам августовских совещаний мусульман на Нижегородской ярмарке дал специальный корреспондент газеты «Казанский телеграф». Он писал следующее: «...первая попытка устроить съезд мусульман (на всероссийском торжище в Нижнем) не удалась, несмотря на все усилия мусульманских депутатов. Правда, мусульмане устроили частное совещание на особо нанятом пароходе, но результаты этого совещания не удовлетворили большинство членов. Обсудить обществен-

ные нужды и дела, установить программу деятельности на поприще народной нужды и борьбы с узкими воззрениями и консерватизмом, и результате составить общую докладную записку в дополнение к поданным многочисленным петициям – таковы были цели предполагаемого съезда. Но ни установить, ни обсудить что-либо собравшиеся мусульмане не смогли, и поэтому предполагается просить о разрешении созыва мусульманского съезда в течении наступающей зимы в Петербурге или каком-либо другом городе» (*Казанский телеграф*, 1905, №3808, 14 сентября, с.3).

В целом резолюция Первого Всероссийского съезда мусульман России, составленная на Нижегородской ярмарке, была принята в русле требований мусульман, изложенных в петициях 1905 г. Представительное августовское собрание мусульманских общественных деятелей стало важным этапом в консолидации региональных элит и послужило основой для создания в ближайшем будущем политической партии «Иттифак аль-муслимин».

Источники и литература

1. [Гаспринский И.] Мусульманский съезд // Тарджеман. 1905. № 67. 26 августа.
2. [Гаспринский И.] Мусульманское собрание // Тарджеман. 1905. №48. 21 июня.
3. [Гаспринский И.] Совещание мусульманской прогрессивной партии // Тарджеман. 1905. №56. 19 июля.
4. *Амирханов Р.У.* Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 150 с.
5. *Бигиев Муса.* Русия мөселманнары хәрәкәтенен башлангычы // Русия мөселманнары иттифагының нәзамнамәсе ике карарнамә илә / төз. Гали-Мәрдан Тупчешев. СПб.: К.С. Антокольский типографиясе, 1906. Б. 2–6.
6. *Гарольд.* С Нижегородской ярмарки. (От нашего специальн[ого] корреспондента) // Казанский телеграф. 1905. №3738. 19 августа. С.2.
7. *Дәүләт, Н.* Русия төркиләренен милли көреш тарихы (1905–1917) / төрөкчәдән Р. Батулла тәрж. Казан: Милли китап, 1998. 399 б.
8. *Жарулла Муса.* Исляхат әсаслары. Пг.: М.-А. Максүтов типографиясе, 1917. 289 б.
9. Из жизни мусульман (от нашего корреспондента). О съезде русских мусульман // Казанский телеграф. 1905. №3808. 14 сентября. С. 3.
10. *Исмаил.* Татарская прогрессивная партия // Тарджеман. 1905. №52. 5 июля.
11. *Исхаки Г.* Краткий очерк борьбы татар Волго-Урала за освобождение // Вопросы истории. 2004. №8. С.22–23.
12. *Исхаков М.Г.* Тәржемәи хәлем // Исхаков М.Г. Әсәрләр: 15 т. 14 т.: Хатлар һәм автобиографик язмалар / томны төз., текст һәм аңлат. әзер., кереш сүз авт. Ф.Фәйзуллина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. Б. 363–405.
13. *Исхаков С.М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М.: Изд-во «Общественно-политическая мысль», 2007. 400 с.

14. *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет* / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 395–435.

15. Национальные движения в период первой революции в России (сборник документов из архива быв. Департамента полиции) / сост. И.Д. Кузнецов. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1935. 398 с.

16. *Ноак К.* Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования наций (конец XIX – начало XX в.) // *Отечественная история.* 1998. № 5. С.147–158.

17. *Сенюткина О.Н.* Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения). Монография. Нижний Новгород: изд-во НИМ «Махинур», 2005. 76 с.

18. *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань: «Фэн» АН РТ, 2005. 584 с.

19. *Фахрутдинов Р.Р.* Политическое самосознание татар на рубеже веков (II половина XIX – начало XX века). Казань: Магариф, 2006. 210 с.

20. *Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В.* Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005. 60 с.

21. *Ямаева Л.А.* Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. Уфа: Гилем, 2002. 300 с.

И.К. Заһидуллин

Мөселманнарның Беренче бөтенрусия съезды (1905 елның 13–18 августы)

Мәкаләдә мөселманнарның Түбән Новгородта узган Беренче бөтенрусия съездын эзерләү һәм уздыру мәсьәләләре яктыртыла, аның 1905 елның 13–18 август көннәрендә узуы раслана. Әлеге ижтимагый чарада либераллар гына түгел, ә социалист-революционерларның һәм социал-демократларның сәяси карашларын яклаучылар катнашуы хакында әйтелә. Съездның аны оештыручылар планлаштырган сәяси партия төзү урынына Русия мөселманнарының сыйнфый һәм милли аерымлыкларына карамыйча мәдәният һәм мәгърифәтчелек фикере тирәсендә тупланган ижтимагый берлек оештыру хакында карар кабул итүенең сәбәпләре аңлатыла.

Ачык сүzlәр: мөселманнарның 1905 елгы Беренче бөтенрусия съезды, Түбән Новгород ярминкәсе, либерал мөселманнар, И. Гаспринский, Габдерәшит Ибраһимов, Г. Исхаки.

On the First All-Russian Congress of Muslims (August 13–18, 1905)

The article highlights the preparation and holding of the First All-Russian Congress of Muslims, proves the holding of its sessions from August 13 to 18, 1905 and the participation in its work not only of Muslim liberals, but also of persons with political views of socialist revolutionaries and social democrats. Are explained the reasons for announcement by the Congress of the creation of a public organization aimed at uniting all Muslims in Russia, regardless of their class and national differences, on the basis of the idea of developing culture and education, and not a political party, as planned by its organizers.

Keywords: First All-Russian Congress of Muslims in 1905, the Nizhny Novgorod fair, Liberal Muslims, I. Gasprinsky, Gabderashit Ibragimov, G. Iskhaki.

Информация об авторе:

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: zagik63@mail.ru

Загидуллин Илдус Котдус улы – тарих фәннәре докторы, ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының яңа тарих бүлегә мөдире (Казан шәһәре).

Zagidullin Ildus K. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of New History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Размышления о роли личностей в татарском возрождении первой четверти XX века: Гали Рахим

Статья посвящена исследованию вклада Гали Рахима – одного из видных представителей молодых реформаторов – в движение татарского возрождения первой четверти XX века. Его художественное творчество способствовало кардинальному изменению татарской прозы и формированию новой парадигмы развития национальной литературы. Тему судьбы нации он связал с надеждами и чаяниями татар периода демократических преобразований; стал одним из создателей философского (светского) дискурса в татарской литературе. Его научная деятельность стала крепким фундаментом для формирования истории татарской литературы как науки, развития истории культуры тюрко-татар, фольклористики, философской мысли.

Ключевые слова: татарское возрождение первой четверти XX века, Гали Рахим, трансформация художественной литературы, история тюрко-татарской литературы, литературоведение.

Гали Рахим (1892–1943) – один из идеологов татарского возрождения, известный ученый, писатель, литературовед. Со времени начала возвращения научного и художественного наследия этой неординарной во всех отношениях личности на рубеже XX–XXI вв. (*Азизова-Хәснәтдинова*, 2005; *Гали Рахим*, 2008; *Мәһдиев*, 1978; *Мәһдиев*, 1987; *Рахим*, 1993; *Рахим*, 2004 и др.), мы пытаемся осмыслить всю мощь и масштаб его деятельности.

Сразу необходимо оговориться, что многое из его наследия еще не введено в научный оборот. Тем не менее даже в советское время, когда имя репрессированного Гали Рахима было под запретом, официальной платформой изучения истории дореволюционной татарской литературы и культуры была концепция, предложенная Г. Рахимом и Г. Губайдуллиним.

Жизненное кредо и идеалы Г. Рахима в целом схожи с судьбой многих татарских интеллектуалов и интеллигентов начала XX в., посвятивших себя татарскому возрождению. Мухаммед-Гали родился в семье известного казанского купца Мухамметшакира Абдрахимова. Его мать Уммугульсум была дочерью знатного купца города Исхака Айтуганова. Проучившись 7 лет в медресе «Мухаммадия», он получил хорошее религиозное и философское образование, освоил арабский, персидский, турецкий языки, с частными учителями занимался русским и европейскими языками. По воле отца в 1905 г. поступил в Казанское коммерческое училище, по окончании которого, также по воле родителя, отправился в Москву на учебу в экономическом отделении Коммерческого института. После внезапной

смерти отца в 1917 г. Г. Рахим оставил нелюбимое занятие – коммерцию – и вернулся к тому, к чему лежала душа, – к науке и литературному творчеству.

Уже первая серьезная публикация молодого Мухаммед-Гали, появившаяся в 1909 г., – переложенный с русского и адаптированный для шакирдов медресе учебник по географии «Вокруг света» (*Рахим*, 1909) – ярко продемонстрировала его желание служить просвещению, возрождению татарской нации. В таком ракурсе учебник был оценен драматургом Г. Камалом (*Камал*, 1909).

Необходимо отметить, что к демократическим переменам 1905 г. татарское общество было готово: к началу века оно воспитало целую плеяду образованных молодых людей, часто продолжавших свое обучение в университетах, знающих русский и европейские языки, поставивших задачу реформирования татарского общества, общественно-философской, эстетической, научной мысли, восприимчивых к новым литературным веяниям, желающих поднять свою культуру до общеевропейских высот. В различных формах развернувшаяся после 1905 г. культурно-просветительская деятельность национальной интеллигенции способствовала, прежде всего, трансформации татарской культуры. Ставшее временем зарождения новой татарской литературы в результате формирования татарской периодической печати, издательского дела, поворота к светскому образованию, к новой культурологической ориентации – от Востока к Западу, начало XX в. дало импульс формированию новых тенденций в художественном сознании.

Начиная с 1913 г. Гали активно занимается литературным творчеством, становится одним из идеологов нового журнала «Аң» (Сознание). Начиная с 1912 г. именно этот журнал является «законодателем моды» в культурной жизни и литературном процессе: в нем уделяется особое внимание так называемой «новой» литературе, переводам, философским материалам, он становится теоретической базой для татарской модернистской литературы.

В 1913 г. Г. Рахим публикует 9 рассказов («Алатау буйларында», «Битлек», «Серле сарай», «Яз экиятләре», «Эч пошканда» и др.), из них 7 – в журнале «Аң»; в 1914 и 1915 гг. – ежегодно по 16 рассказов: для детей – в журнале «Ак юл»; для взрослых – в журнале «Аң». С этого времени он становится популярным прозаиком, а рассказы, поистине оригинальные и необычные для татарской литературы начала XX в., стали жемчужинами, способствовавшими ее стиливому обновлению. В них предстали новые модели художественной картины мира, светская философия, глубокий психологизм, а зыбкость поэтических границ между эпическим и лирическим началами удивляли и завораживали. В то же время присутствующие в них поэтика символизма и экзистенциальная философия продолжали традиции средневековой суфийской литературы.

Активность Г. Рахима на литературном поприще, разносторонность его произведений, склонность к художественным экспериментам создают впечатление поиска им путей развития для новой татарской литературы. Он будто бы «пробует перо» в реалистических (сатирических), романтических, сентиментальных, модернистских направлениях; а рассказы для детей – в большинстве своем «осовремененные» тексты на классические мотивы, стилизации, указывают на желание автора воспитать креативно-мыслящего читателя. Художественные произведения воспринимаются как попытка диалога с «новым» – образованным, знающим русский и европейские языки читателем, ожидающим от национальной литературы ответов на актуальные вопросы, относительно перспектив татарского мира.

Одним из первых в татарской литературе Г. Рахим в своих рассказах создает галерею типов татарской молодежи, почувствовавшей благотворное влияние демократических перемен, жаждущей принять участие в великих исторических свершениях ради будущего своей нации, зачастую не имея для этого достаточных знаний и умений. Например, в рассказе «Галия» (1914), повествующем о метаморфозах татарской действительности начала XX в., Г. Рахим представляет два типа «новой молодежи», рожденной волной татарского возрождения, тем самым подчеркивая и неоднородность, и хрупкость данного движения. Рассказ о безответной влюбленности дочери бая Галии к молодому студенту Хусаину позволяет писателю воссоздать образ представителя нового поколения татарских интеллигентов, воспитанных в русских традициях и радеющих о светлом будущем для своего народа. Тем не менее персонаж Г. Рахима не находит в себе силы помочь девушке, решившейся вырваться из замкнутого круга традиционной патриархальной жизни. Но и образ Галии представлен сложным и непредсказуемым. Завершающие рассказ слова: «Кто она – Галия? Что за девушка? Плод реакции на жесткие рамки татарской действительности? Или раб самых простых и не удовлетворенных чувств?...» (Ан, 1914, №3, б.67) еще более усиливают это ощущение. Его же главный герой, поставленный перед выбором: между «обобщенным, теоретическим» служением нации или оказанием конкретной помощи одному человеку – не сумев найти правильное решение, убегает от проблем.

В 1918 г. Г. Рахим публикует продолжение этого произведения: в «Осеннем рассказе» пожилой доктор Хусаин Акрамов еще раз встречается с Галией – женой председателя уездного махалли в Башкортостане Рустам бека и матью трех взрослых детей, которая сумела построить свою жизнь так, как мечтала в молодости. Одиночество Хусаина, семейное счастье Галии и Рустама концентрируют внимание на том, что каждый человек в силах внести свою лепту в изменение татарской действительности.

В рассказе «В печали» (1913) причиной беспокойства и тревоги героя-повествователя выступают схоластические традиции, царящие в татарском обществе, а именно – запрет на общение молодых людей, достигших совершеннолетия. Автор прослеживает состояние героя – молодого

го человека по имени Ибрагим, который лишен возможности не только общения, но и видеть лицо возлюбленной. Слова Ибрагима *«Я проклинаю весь татарский мир, весь татарский быт, весь татарский закон, я проклинаю их. Вокруг меня сад, огромный сад. Наверное, этот сад невероятно красив, но для меня он ущербен: я – одиночок...»* (Аң, 1913, № 2, б.50) звучат как призыв к изменению этих порядков, показывая отношение молодых татар к устаревшим традициям татарского общества. Монолог Ибрагима указывает на причину отказа образованных молодых татар от своей идентичности, их желания строить жизнь по образу и подобию других народов; предупреждает о грозящей татарскому сообществу опасности потерять своих этнических корней.

Рассказы «Поэт» (1914) и «Артист» (1917) Г. Рахима в лице главных героев – ученика Учительской школы Вали, возмнившего себя поэтом, и приказчика Хисами, решившего покорить сцену, сыграв в постановке «Первого театра», описывают психологические портреты молодых людей, стремящихся к лучшему, светлому, но не имеющих для этого ни таланта, ни знаний и умений. Сатира и ирония писателя направлены не на Хисами, не сумевшего замолвить ни единого слово на сцене, или Вали, мечтающего о том, что когда-нибудь поставят памятник его таланту, они концентрированы вокруг возрожденческого движения татарского мира, начавшегося с опозданием, охватившего все слои общества, возродившего надежды на лучшее будущее, но требующего разумных лидеров, которые сумели бы указать правильный путь искренним желаниям и стремлениям молодежи. Такие произведения свидетельствуют об осознанной деятельности татарских интеллектуалов, о глубоком понимании ими социокультурного состояния татарского общества, о желании донести всю полноту информации до каждого татарина или татарки, тем самым уберечь от возможных ошибок.

Писательский талант Г. Рахима особенно ярко проявляется в необычных рассказах «Загадочная сказка» (1913), являющаяся стилизацией под восточные сказки, и «Взрослая девочка» (1915), описывающая красивый обряд закрепления дружбы между байскими дочерьми (подобное описание татарского обычая – адат сохранилось только в рассказе Г. Рахима), и т.д. Они написаны в лучших традициях психологических рассказов, представляя собой синтез восточных и западных художественных приемов. Например, рассказ «Жэйге нэсер» («Летний нэсер») (1916) написан в форме риторического обращения, молитвы, обогащен суфийскими символами и изобразительно-выразительными средствами и в ритмико-интонационном плане напоминает восточную лирику. Повествователь превозносит лето, красоту природы, объясняется ей в любви. В центре летнего сада перо писателя воссоздает лучистый дворец из белого мрамора. В системе суфийских символов сад – символ бытия или души. Детально расписав окружающий мир, рассказчик заявляет, что все это придуман *«мною»*: *«Мой дух плавает в океанах, находящихся по ту сторону сознания; мечта, ко-*

торая своими крыльями может охватить мир с одной стороны горизонта до другой, питаясь красотой и величием, создает другую красоту» (Аң, 1916, № 11–12, б.182). Так возникает философия в духе субъективного идеализма: человек сам придумывает, сам создает мир, эту и ту стороны бытия! Красота мира – в силе фантазии создающего. По мнению автора, вся трагедия человека – в иллюзорности мира. Последний абзац произведения гласит: *«Ах, зачем все это – только фантазии, все это только беспочвенная мечта! Жизнь, зачем ты такая злая, почему у тебя нет красоты, которую я жажду? Жизнь, почему ты пустая?»* (Там же). Напоминающий молитву текст отвергает подобный порядок вещей, синтезируя восточный стиль письма с известной западной философией.

Этот вопрос, видимо, был одним из центральных в художественном сознании писателей начала XX в. Об этом свидетельствует и рассказ Г. Рахима «Состязание» (1916), в котором задолго до «Белой крепости» Орхана Памука татарский писатель поднимает тему смертельного соревнования между Востоком и Западом. Для этого находится интересный сюжет: опоздавший на поезд купец Юнус решил догнать его на своем белом скакуне и на следующей станции пересечь. Через 60 километров скакун обгоняет поезд и падает замертво. Писатель же несколько раз повторяет, что это состязание – между Европой и Азией, наталкивает читателя на определенные размышления. Завершающее рассказ предложение: *«Только знаменитого белого скакуна уже не было в живых...»* (Аң, 1916, № 16/17, б.265) – указывает на позицию писателя, который будто бы предупреждает, что «догнать» Европу «восточным путем» можно, но при этом потери могут быть невосполнимы.

Рассказ «Молитва по Сайфи» (1916) также затрагивает эту проблему – с точки зрения оценки влияния русской литературы на татарскую (в частности, в рассказе присутствует игра с «Вий» и «Старосветскими помещиками» Н.В. Гоголя). Он также стал своеобразным и небывалым для того времени литературным диалогом с творчеством, с позицией Гаяза Исхаки. В тексте с психологической точностью и глубиной представлена вся палитра татарского общества – байские дочери, шакирды, приказчики, студенты, деревенские старики, поэты, при этом сам текст – легкий, игривый, шуточный.

Среди произведений Г. Рахима особое место занимают философские рассказы о поиске смысла жизни в период секуляризации в татарском обществе, о существовании человека в мире без Бога. Опубликованный в 1915 г. в журнале «Аң» философский рассказ (или трактат) «Среди фиалок» задуман как разговор двух друзей о любви одного из них – Рашида – к жене брата, Зулейхе. Имя женщины ассоциируется с главной героиней Кул Гали. Кроме того, автор подчеркивает, что полное имя Рашида – Гарун ар-Рашид. Имя арабского халифа (786–809) из «Тысячи и одной ночи», имеющего прозвище «справедливый», уводит читателя к средневековому жанру сказок, в конце которой слушателя ждал сокрытый смысл, вы-

вод, мудрость. По жанру «Тысяча и одна ночь» – городская новелла («кыйсса») с любовной завязкой. Рассказ Гали Рахима написан как стилизация под средневековый жанр «кыйсса», что стало характерной чертой татарской литературы начала XX в. и приметой отказа от старой литературы в пользу новой. Известные произведения: «Сенной базар, Или Новый Кисекбаш» (1908) Г. Тукая, «Дочь хана» (1908) Ш. Мухамедова, «Адам и Иблис» (1910) М. Гафури, «Газазил» (1916) Ш. Бабича и др. – являются пародией на канонические восточные жанры.

Сюжет рассказа Г. Рахима прост, скорее всего, необходимо констатировать о его отсутствии. Ретроспективно сообщается, что дружба между Рашидом и повествователем началась в годы учебы в Казани. Через несколько лет после окончания учебы, весной они встречаются на берегу озера Кабан. Их разговор и охватывает всю содержательную сторону произведения. Эпиграф («Если всмотреться, есть, наверное, поэтичность в озере» (Г. Тукай)) и пространно, детально описанная картина озера и окружающих его домов, которая сильно выделяется в структуре текста и заставляет искать сокрытые смыслы, создают образ закованного в кандалы богатыря и стоящих рядом с ним людей: *«Вот находящийся на той стороне народ, воспользовавшись его беспомощностью, окружил богатыря и старается его задеть: кто-то смеется, кто-то, показывая пальцем на него, рассказывает своему товарищу что-то обидное, кто-то ругает его последними словами, кто-то даже плюется, – но никто не рискует подойти поближе, они хорохорятся только издали, даже небольшое движение богатыря заставляет этих трусов отойти подальше. Но богатырь, считая себя намного выше их, не только не обижается, но старается не обращать внимание. Только полный презрения и злобы взгляд говорит о том, как ему все надоело...»* (Аң, 1915, №7, б.136). Нетрадиционная для татарской литературы картина указывает на жизнь человека среди ненавидящей его толпы; а также на пробуждение национального самосознания, так как время года – весна в общем контексте татарской литературы начала XX в. приобретает символическое значение: это время перемен в татарском обществе.

Философская концепция строится на основе диалога двух противоположных позиций. На это указывает и психологические характеристики, данные повествователем: *«Я был материалистом, любил воспринимать реальность так, как есть, как истину. Он был поэтической натурой, фантазером, идеалистом»* (Там же). Рассказывая о своей любви к жене брата, Рашид подчеркивает, что эта – духовная, платоническая любовь, которая не требует ничего взамен. Объясняя свои чувства, Рашид сравнивает влюбленности, которые он испытывал раньше, с любовью к фиалкам – их бесконечное множество на берегу озера; а единственную любовь – с любовью к розе. Использование суфийского символа, обозначающего любовь ко Всевышнему, создает определенные ассоциации, в результате любовь к Богу и платоническая любовь к женщине воспринимаются явлениями одного ряда. И то,

и другое дает возможность почувствовать себя счастливым: «*среди ненавистной толпы*» любой может найти ту единственную или обрести любовь к Богу. Рассказчик, стоящий на материалистических позициях, призывает ограничиться земной любовью. Он напоминает, что божественная любовь – удел фантазии человека. И в состоянии экзистенции человек понимает иллюзорность своей веры в такую любовь.

Конкретно-историческое содержание также вытекает из этой концепции. В «моменты пробуждения» национального самосознания человек может оказаться в одиночестве, в отверженном состоянии. Но вера в достижимость своей цели, вера в свой идеал, как любовь к розе, способна дать силы для противостояния, для сокрушения кандалов. Так Г. Рахим показывает, что великая любовь и вера смогут дать человеку надежду в беспросветной жизни, где человек одинок и окружен враждебными людьми. С другой стороны, он напоминает, что это чувство – иллюзия, не подкрепленная ничем. Подобная параллель подчеркивает, что для человека важно не существование потусторонней силы, а вера в Нее. Но и в конце рассказа диалог остается открытым: есть своя «правда» у Рашида, но есть она и у рассказчика. Что важно – текст превращает историю несчастной любви в историю поиска человеком своего места в бытии, в мире.

Необходимо отметить, что вслед за рассказом Г. Рахима появляется ряд трактатов («В поисках попутчика» (1916) Г. Газиза, «Откуда? Куда?» (1916) М. Ханафи и др.), которые описывают разрушение традиционной мусульманской картины мира и существование человека в мире без Бога, его состояние страха и тревоги, желание найти духовные опоры, будь то любовь или другие смыслы жизни. Авторы этих произведений – мусульмане, видимо, осознавшие необходимость выразить свое мнение по поводу возникающих в татарском обществе новых тенденций. Этой идейно-творческой установкой обусловлена художественно-содержательная специфика перечисленных произведений, в которых структурообразующую функцию выполняют дискуссия, спор, столкновение противоположных точек зрения. Сами рассказы вступают в диалогические отношения между собой.

Этот фактор позволяет нам сделать вывод о том, что в начале XX в. ряд молодых татарских писателей ставят проблему познания: бытия, историко-культурной ситуации, места человека в мире и смысла его жизни. Поиск некоей фундаментальной основы, моделирование этнической ситуации, создание определенного настроения служат общей цели – трансформации представлений, мыслей, идей, изменению массового сознания и мышления. В этом проявлялась особенность служения творческой интеллигенции своему народу, оказавшемуся по воле исторического случая на перепутье: между патриархальным и современным обществом, восточным и западным путями развития, традиционной и новой культурой и т.д.

Эта глобальная цель творчества, процесс превращения реальных событий и проблем в символы, знаки, модели – особенно четко проявляются

в повести «Идель» (1921) Г. Рахима, в которой затрагивается тема национальной ментальности в контексте атмосферы начала XX в. В ней рассказывается романтическая история любви Ильяса и Рабиги, показывается существование среди молодежи нищенского презрения к обыкновенным человеческим чувствам (философская дискуссия между Ильясом и Валидом о смысле жизни, которая продолжается в историях героев) и идеи служения нации.

Повесть написана как воспоминания молодости. Автор в самом начале констатирует, что два фактора заставили его вспомнить былое: нефритовые глаза, которых он разглядел во время концерта; и незаконченная акварель тех времен, на которую он наткнулся случайно. Однако эти воспоминания представляются читателю не в виде событий. В произведении детально и красочно воссоздаются все эмоции и мысли, которых переживал молодой повествователь когда-то.

Воспоминания уводят повествователя в 1914 год, охватывают время с весны до осени. Сын муллы Ильяс, начинающий писатель и художник, после тяжелой болезни решил пожить летом на берегу реки Волги. Здесь он знакомится с девушкой Рабигой (с арабского – весна, на что автор особо указывает в произведении), влюбляется и терзается между любовью и желанием быть свободным человеком.

В трех главах – в 14, 15, 16 – описывается возобновление лихорадки у молодого человека, в бредовом состоянии он «вытаскивает» картину подсознания, в которой отражается хаотичность восприятия мира. В частности, жизнь представляется черной и теплой, как масло, рекой – Кара Идел (Черная Волга), которая течет среди белых берегов, покрытых белыми лесами. Черное небо и синеватая звезда, а также две черные чайки с белыми головами подчеркивают одиночество, заброшенность человека в бытии. Возникший силуэт отца указывает на возможность прочтения чаек как родителей, или предшественников. Появляющаяся в бреде парня собака воспринимается как символ трудностей, с которыми человек встречается на жизненном пути, пугающих его. Только синеватая звезда заставляет человека приподнимать голову и задержаться на плаву, не пропасть «в пучине». Звезда символизирует смысл жизни, в подсознании она – любовь или возлюбленная.

Однако хаос сознательной жизни человека совершенно иного характера. Его рождает метания человека между любовью и стремлением к свободе, так как воссоединение влюбленных – создание семьи – воспринимается как потеря свободы, исчезновение в «пучине».

Еще одно проявление бессознательного – осенний сон Ильяса: его разговор с мифологическим созданием с козлиной головой «Пан Тенгри» касается смысла жизни. Во сне старик сообщает, что нет смысла жизни, весь смысл – в самой жизни; что любовь – это огонь в крови человека, поэтому она не может продолжаться вечно и существует только в фантазиях человека; что нет и жизни вообще – она также является плодом фантазии.

Многозначность главного символа – Идели – накладывает эту философию на все слои сложноструктурированного произведения. Идель – и образ красоты мира, и психологическая глубина человеческой души, и образ родины, и символ национальной идентификации: *«Вот она – наша великая мать Волга, подо мной... Ты ведь когда-то была нашей родной Волгой, зачем оставила своих детей? Зачем нас изгнали с твоих милосердных берегов? Чужие, неродные тебе дети сейчас зовут тебя "Волгой-матушкой". Доколе ты будешь терпеть это? Ты ведь была нашей матерью, сколько сотен лет растила нас в своих объятиях! Зачем и ты, как судьба, отвергаешь нас, Волга»* (Рахим, 2018, б.279–280). Волга представляется историческим местом расположения, существования татарского народа, чайки символизируют саму нацию (в подсознании – предков): *«Ветер дует... Волга шумит... Опоздавшие чайки, издавая жалостливые звуки, рассекая небо узкими и острыми, как нож, крыльями, летят против ветра. Безумный ветер иногда их крутит и они, будто споткнувшись на небе, падают в яму, опять приходят в себя и начинают бороться против течения ветра. Они не двигаются ни вперед, ни назад, будто стоя на одном и том же месте, продолжают хлопать крыльями. О мой бедный народ, я хочу уподобить тебя бескрылым чайкам... Кто же изувечил твои сильные крылья?..»* (Там же). Таким образом, чайки, носящиеся над рекой в осеннем небе, указывают на трагическую судьбу нации, предшественников; но они заставляют человека приподнимать голову вверх!

Еще одно свойство повести – недосказанность – подчеркивается в самом произведении: на вопрос Рабиги о том, останется ли ее портрет недорисованным, Ильяс отвечает, что он любит недосказанность во всем. Действительно, история любви вроде бы заканчивается ни с чем: Ильяс не объяснился в своих чувствах. Однако годы спустя он вспоминает девушку как самого дорогого для своего сердца человека. И эти воспоминания являются для него «синеватой звездой» – смыслом жизни. Такой поворот заставляет читателя взять под сомнение всю изложенную ранее философию.

Среди произведений Г. Рахима есть создающие условно-аллегорическую модель бытия («Весенние сказки», 1913; «Абу Сагид», 1915 и др.); адресованные детям рассказы и сказки («Шурале», 1915; «Убыр», 1915; «Камыр-батыр», 1918). Он увлекался стилизацией под религиозно-мистические интерпретации («Родился...», 1914; «Тем вечером», 1914; «Из рассказов Рабгузи», 1915 и др.); занимался художественным переводом; художественной публикацией; экспериментировал и в сатирическом («Любовь», 1915), овейном легким юмором романтическом («Рассказ без названия», 1914), импрессионистическом стиле («Женитьба одного поэта», 1918). Оставил замечательные стихотворения («Кукушка», «Ноктюрн», «Сонет», «Романс», «Вечерняя песня», «Ночная фантазия» и др.) и лиро-эпические произведения («Битва», «Баллада», «Сон», «Лист» и др.); комедии («Дачное горе», 1914; «Зверь», 1919).

Литературное творчество Г. Рахима свидетельствует о формировании в начале XX в. в татарской литературе нового типа писателя и нового читателя, способных вести разговор о смысле жизни, об особенностях перелома исторических эпох, о пограничной ситуации между стремлением к свободе духа и тревогой, страхом, отчаянием, одиночеством. Его произведения, наряду с творчеством Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Ш. Камала, способствовали кардинальному изменению татарской прозы и формированию новой парадигмы ее развития. Мы по праву можем оценить его как писателя-реформатора национальной литературы, принесшего и закрепившего в ней национальную философию, глубокий психологизм, лиричность, ассоциативность, синтетизм (Загидуллина, 2004).

Литературоведческие труды Г. Рахима подтверждают мысль об осознанности его художественных поисков как писателя. Например, в 1913 г. Г. Рахим публикует большую статью «Тукаев – народный поэт». Это серьезное исследование, в котором выдвинут тезис о народности творчества Тукая, он доказывается анализом художественных особенностей произведений поэта. В статье затрагиваются такие вопросы: какой должна быть литература эпохи национального возрождения? Чем дорога и полезна поэзия для народа? В чем отличие народной поэзии от авторской и элитарной? Как стали народными русские и европейские поэты и Тукай? и т.д. Эта статья, по сути, подтверждает тот факт, что к этому времени Г. Рахим стал настоящим ученым-литературоведом с философским складом мышления.

Среди литературоведческих работ Г. Рахима особое место занимают произведения, посвященные творчеству Маджита Гафури (1923), Хади Такташа (1923), Г. Камала (1925), роману Г. Ибрагимова «Дочь степи» (1925) и др.

Еще один большой труд Г. Рахима – опубликованный в 1915 г. отдельной книгой «Взгляд на нашу народную литературу» (1914). В нем автор размышляет о национальных особенностях татарской песни – небольшое количество эпических и исторических, обрядовых песен, преобладание у татар коротких песен, и т.д., объясняя оседлой формой их жизнеустройства, развитием городской культуры, влиянием ислама. С точки зрения содержания и поэтики текстов ученый отмечает тематическое многообразие, выделяя песни, посвященные родине, друзьям, шакирдам, рекрутам, арестантам, любовные, религиозные, юмористические песни, и уделяя особое внимание используемым в них приемам выразительности, особенностям стиховой формы, композиции. С точки зрения напева («көй») он обращает внимание на доминирующее в татарских песнях настроение (печаль, грусть), объясняет это национальной историей, психологией, ментальностью. В этой работе Г. Рахима явно присутствуют идеи, характерные для культурно-исторической и психологической школ.

Труды Г. Рахима «Взгляд на нашу народную литературу» (1914), «Народные сказки» (1915), «Взгляд на нашу народную литературу: песни»

(1919) и другие стоят в одном ряду с работами Г. Ибрагимова, Дж. Валиди, Г. Тукая и других, посвященными татарскому фольклору. Взятые в целом, они свидетельствуют о том, что фольклористика как оригинальное направление гуманитарных наук сформировалась в начале XX в.

Неотъемлемой частью научной деятельности ученого стали также работы по истории литературы и текстологии. Например, полные биографии К. Насыри («Биография Каюма Насыри», 1922; «Приложение к биографии Каюма Насыри», 1922), Г. Ильяси («Материалы о Г. Ильяси (1856–1895)», 1930), М. Акъегет («Муса Акъегетзаде», 1925) и других просветителей первым написал Г. Рахим (*Мәһдиев*, 1987, б.120). Он занимался древними татарскими рукописями и эпиграфикой («О новом списке татарского исторического сочинения XVII в.», 1927). Во время плановых экспедиций Общества татароведения он изучал старые татарские кладбища, снимал копии с эпиграфических текстов, анализировал их («О двух татарских надгробных памятниках XVII века», 1929; «Булгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае», 1930; «Татарские эпиграфические памятники XVI века», 1930) и др. Также собирал рукописные книги, исследовал их и вводил в научный оборот.

Г. Рахим писал и критические статьи («В связи с постановкой “Отелло”», 1921; «Концерт восточной симфонии», 1924 и др.), обладал достаточной компетенцией, чтобы касаться лингвистических проблем («О классификации тюркских языков», 1923; «Проект составления толкового словаря татарского языка 100 лет тому назад», 1930 и др.), выступал как историк и ориенталист («Руины Золотой Орды», 1923).

Однако главный его труд посвящен истории тюрко-татарской литературы. В первой половине 1920-х гг. Г. Рахим в соавторстве с двоюродным братом, известным историком и писателем Г. Губайдуллиным, публикуют «Историю татарской литературы», в которой были собраны и систематизированы материалы с древнейших времен по первую половину XIX в. В первой части (*Рахим, Газиз*, 1924) рассматриваются общетюркские памятники рунической, уйгурской и арабской письменности, суфизм и его влияние на восточные литературы, приводятся сведения об уйгурской, чагатайской, сельджукской и османской литературах. Во второй части (*Рахим, Газиз*, 1923), объединяющей разделы «Историческая судьба татарского языка и литературы», «Самые древние устные памятники Поволжья», «Чагатайские произведения в Поволжье», «Османские произведения в Поволжье», речь идет о формировании и развитии татарского литературного языка, изучаются «Кодекс куманикус», надгробные камни, ярлыки; анализируются тексты Рабгузи «Кыйссас эл-энбия», Сулеймана Бакыргани, «Сѣбат эл-гажизин», «Кисекбаш китабы», «Сэйфелмөлек» и др. Третья часть (*Рахим, Газиз*, 1922) посвящена исследованию творчества поэтов и писателей XVII, XVIII вв., первой половины XIX в., устного народного творчества, записей путешествий и т.д. Богатый фактический материал, наличие теоретически выверенной концептуальной основы указывают на

научную подготовленность авторов: хорошее знание истории Монголии, Китая, Алтая, Средней Азии, Европы; понимание всех тонкостей истории религии и культуры позволяют им воссоздать историю тюрко-татарской литературы на фоне истории Евразии. Знакомство с китайскими источниками, текстами европейских путешественников, фундаментальными трудами В. Радлова, В. Бартольда, А. Самойловича, В. Томсена, С. Малова, Ф. Корша и др., исследованиями восточно-мусульманских и татарских ученых, просветителей (в частности, Ш. Марджани, Р. Фахрутдинова, З. Валиди), умение читать древние тексты, понимание тюркских языков обеспечивало историографическую и доказательную базу труда. Г. Рахим, в частности, для этого проекта занимается исследованием письменности древних тюрков, орхонских памятников, литературы у уйгуров и узбеков и многих других проблем.

Книга воспринимается в татарском мире неоднозначно. Г. Ибрагимов, Г. Сагди и другие литературоведы, наряду с общей положительной оценкой труда как истории тюрко-татарской духовной культуры – рукописей, книг, документов, обвиняют авторов в игнорировании метода марксизма-ленинизма. Дж. Валиди в рецензии, опубликованной в журнале «Безнең юл» (*Валиди*, 1924), указывает на важность труда для всего тюркского мира. И действительно, у многих тюркских народов книги начинают использоваться как учебники по истории родной литературы.

Чтобы понять значение данного проекта, необходимо упомянуть о том, что в этот период история татарской литературы как наука еще не была разработана. В этом направлении труд Г. Рахима и Г. Газиза – первый, и тот факт, что еще в период зарождения истории татарской литературы они сумели выстроить концепцию эволюции национальной культуры в контексте общетюркской культуры – в аспекте общего и особенного, стало огромным достижением. Такой подход позволяет ощутить древность корней и уникальность развития художественной культуры каждого тюркского народа.

Авторы рассматривают литературу тюркских народов средневековья как могучее дерево, которое «распускало» свои ветви и цветы во все стороны света: в каждой местности, у каждого народа создавались произведения, структурирующиеся вокруг одних и тех же мотивов. Для общетюркской литературы они служили лейтмотивами: такими как, например, сюжет о прекрасном Юсуфе. И хотя с периода Золотой Орды художественные произведения начинают закрепляться за отдельными местностями и этносами, приобретают языковые особенности, в художественном отношении литература тюркских народов развивается в рамках единой парадигмы.

Критерием смены отдельных эпох в истории татарской литературы они считают доминирующее влияние восточной или западной культуры и выделяют два полюса: Древняя литература и литература Нового времени. Г. Рахим и Г. Газиз полагают, что эпоха древней литературы (борынгы

эдэбият) продолжалась до конца XIX в. Вторая эпоха зарождается в конце XVIII в., с деятельностью Хальфиных, Фаезханова, Марджани, творчеством Насыри, Акмуллы и трансформируется в литературу Нового времени (Яна заман). Таким образом, они приходят к выводу, что одна эпоха наслаивается на другую, образуя переходное звено. Кстати, подобная концепция генезиса и развития эстетического объекта и его архитектоники сформировалась и по отношению к турецкой литературе XIX в.

В труде находят объяснение многие вопросы, касающиеся генезиса, развития татарского народа, формирования татарских ханств, этнографических групп и т.д. В нем присутствует и ответ на вопрос: «Кто они – татары?», он совпадает с ответом современной исторической науки: «Лексему “Татар” мы впервые встречаем в VIII веке, в Орхонских надписях. Там сообщается: “Угызы объединились с родом “Гридцати татар”. Информация из Орхонских надписей о “татарах” показывает о самостоятельности этого этноса от угузов”» (*Рахим, Газиз, 1924, б.59*). Используя европейскую историографию, авторы вводят в научный оборот множество материалов о «ту-куэ» – прототюрках.

Г. Газиз и Г. Рахим стояли у истоков исторической поэтики татарской литературы: они впервые обратили внимание на генезис, древние пласты национальной литературы, начали поиски этнических корней татарской культуры. В основе предлагаемой ими периодизации истории татарской литературы, в соответствии с которой выделяются общетюркский период, Булгарский, Золотоордынский периоды и период Казанского ханства, – взаимосвязь трех факторов: хронологического, территориального и традиций в художественном мышлении этноса. В результате история национальной литературы была включена в общий контекст развития тюркских литератур, что определяет обоснованность и убедительность данной концепции.

Сегодня мы можем с уверенностью констатировать, что вплоть до революционных преобразований 1917 года в России в литературах тюркских народов при ритмико-хронологических несовпадениях можно выделить сходные идейно-эстетические тенденции и процессы. Не только с формированием этноса, но и даже после завершения спецификации литератур у тюркских народов сохранились тесные связи в области культуры. Татарские литературоведы в фундаментальных трудах по истории татарской литературы, написанных в начале XX в. и в 1920–30-е гг., опирались на этот факт.

Большинство научных трудов Г. Рахима были опубликованы в 1920-е гг., когда он являлся членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Научного общества татароведения, организованного при Академическом центре Татнаркомпроса, Общества изучения Татарстана, занимался педагогической деятельностью в Восточ-

ной Академии, в Восточном педагогическом институте. В них он выступает профессиональным фольклористом, теоретиком и историком литературы, этнографом и краеведом... Некоторая часть этих трудов увидела свет на русском и татарском языках благодаря стараниям молодых ученых-гуманитариев (*Рәхим*, 2018).

Беглый обзор научной и творческой деятельности Гали Рахима указывает на огромную роль, которую играют отдельные личности в интеллектуальном, духовном развитии общества, нации в целом. К сожалению, полет его мысли и духа был прерван в самом расцвете сил: 8 мая 1931 г. Г. Рахим был арестован. Ему было всего 39 лет. Освободившись 22 августа 1934 г., он пытается вернуться к любимой работе. Однако весной 1937 г. он вновь был арестован, 27 февраля 1940 г. осужден на 8 лет; освобожден в феврале 1943 г. тяжело больным и 3 марта 1943 г. умер. Реабилитирован посмертно 2 февраля 1958 г.

Гали Рахим был одним из лидеров татарского возрождения первой трети XX в. Оставил после себя богатое художественное и научное наследие, не только наследие, а крепкий фундамент, на котором развивается история татарской литературы и культуры, фольклористика, философская мысль и сама татарская литература. Его научная и литературная деятельность свидетельствует о том, что лидерами в татарском возрождении начала XX в. стали не только политики или общественные деятели, но и многие талантливые представители молодого поколения, которые сумели свой интеллект и талант, мысли-идеи и представления-переживания использовать в служении своему народу.

Источники и литература

1. *Азизова-Хөснетдинова Г.Г.* Гали Рәхим – әдәбият тарихчысы. Казан, 2005. 160 б.
2. *Вәлиди Ж.* Матбугат дөнъясында // Безнең юл. 1924. № 4–5. Б. 228–230.
3. Гали Рәхим: Сайланма әсәрләр / төз.: М.И. Ибраһимов, А.М. Гайнетдинов. Казан: Ихлас, 2018. 560 б.
4. Гали Рәхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик жьентык. Казан: Жьен, 2008. 480 б.
5. *Загидуллина Д.Ф.* Кереш сүз // Рәхим Г. Сайланма әсәрләр / Д. Загидуллина, Л. Дамуллина. Казан, 2004. Б. 3–36.
6. *Камал Г.* Яңа әсәрләр // Йолдыз. 1909. 19 март.
7. *Мәһдиев М.* Бүген дә хәрәкәттә: язучы, драматург, шагыйрь, тәржемәче һәм фольклорчы Гали Рәхимнең биографиясе һәм ижат эшчәнлеге // Казан утлары. 1978. № 7. Б. 160–170.
8. *Мәһдиев М.* Ерактан яңгыраган аваз // Әдәбият һәм чынбарлык: XX йөз башы татар әдәбияты тарихына яңа материаллар. Казан, 1987. Б. 118–144.

9. *Рәхим Г.* Битлек: хикәяләр, әкиятләр / Ф. Ибраһимова. Казан, 1993. 96 б.
10. *Рәхим Г.* Галия // Аң. 1914. № 1. Б. 2–4.
11. *Рәхим Г.* Галия // Аң. 1914. № 2. Б. 26–30.
12. *Рәхим Г.* Галия // Аң. 1914. № 3. Б. 65–67.
13. *Рәхим Г.* Жәйге нәсер // Аң. 1916. № 11–12. Б.182.
14. *Рәхим Г.* Жир йөзе: жир, эссе, мөгътәдил вә салкын тарафлар, сахра вә чүлләр, таулар, диңгезләр, жирнең асты вә хаваи нәсима / Мөхәммәдгали бине Мөхәммәдшакир Габдеррәхими. Казан: Н.И. Харитонов матбагасы, 1909. 280 б.
15. *Рәхим Г.* Миләүшәләр арасында // Аң. 1915. № 7. Б. 136–145.
16. *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр / Д. Заһидуллина, Л. Дамуллина. Казан, 2004. 287 б.
17. *Рәхим Г.* Эч пошканда // Аң. 1913. № 2. Б. 50–51.
18. *Рәхим Г.* Ярыш: булган эш // Аң. 1916. № 16/17. Б. 263–265.
19. *Рәхим Г., Газиз Г.* Татар әдәбияты тарихы. Беренче жилд. Борынгы дәвер. III бүлек. Казан, 1922. 186 б.
20. *Рәхим Г., Газиз Г.* Татар әдәбияты тарихы. Беренче жилд. Борынгы дәвер. II бүлек. Казан, 1923. 244 б.
21. *Рәхим Г., Газиз Г.* Татар әдәбияты тарихы өчен материаллар жыю юлында бер тәҗрибә. Беренче жилд. Борынгы дәвер. I бүлек. Казан, 1924. 174 б.

Д.Ф. Заһидуллина

XX гасырның беренче чиреге татар яңарышында аерым шәхесләрнең роле хақында уйланулар: Гали Рәхим

Язма XX гасырның беренче чирегендә татар яңарыш хәрәкәтенең үзәгендә кайнаган яшь реформаторларның берсе булган Гали Рәхимнең әлеге хәрәкәткә керткән өлешен тикшерүгә багышлана. Аның әдәби ижаты татар прозасын тамырдан үзгәртүгә һәм милли әдәбиятта өр-яңа юнәлеш тууга хезмәт итә. Милләт язмышы темасын ул демократик үзгәрешләр чорында татарларның өметләре һәм борчулары белән бәйләп куя; татар әдәбиятында дөньяви-фәлсәфи дискурс тудыручыларның берсе була. Аның фәнни эшчәнлеге мөстәкыйль фән буларак татар әдәбияты тарихы тууга, төрки-татар мәдәнияте тарихының, фольклористика, фәлсәфи фикер үсешенә ныклы нигез сала.

Ачкыч сүзләр: XX гасырның беренче чирегендә татар яңарышы, Гали Рәхим, матур әдәбиятның үзгәреше, төрки-татар әдәбияты тарихы, әдәбият белеме.

**Reflections on the role of personalities in the Tatar revival
of the first quarter of the 20th century: Gali Rakhim**

The article is devoted to the study of the contribution of Gali Rakhim – one of the prominent representatives of young reformers – to the movement of the Tatars revival of the first quarter of the 20th century. His artistic creativity contributed to a fundamental change in the Tatar prose and the formation of a new paradigm for the development of national literature. He linked the fate of the nation to the hopes and aspirations of the Tatars of the period of democratic transformation; he became one of the creators of philosophical discourse in Tatar literature. His scientific activity became a strong foundation for the formation of the history of Tatar literature as science, the development of the history of the culture, folklore, philosophical thought of Turkic-Tatars.

Keywords: Tatar revival of the first quarter of the XX century, Gali Rakhim, transformation of fiction, history of the Turkic-Tatar literature, literary criticism.

Информация об авторе:

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); e-mail: zagik63@mail.ru

Загидуллина Дания Фатыйх кызы – филология фәннәре докторы, профессор, Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең вице-президенты (Казан шәһәре).

Zagidullina Daniya F. – Doctor of Philology, Professor, Vice president of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Первые периодические издания на языках крещеных нерусских народов Среднего Поволжья

В публикации рассмотрена история возникновения и развития периодической печати на языках крещеных нерусских народов Среднего Поволжья в Казани в позднеимперский период (1905–1916 гг.). Показаны особенности периодики на чувашском, марийском, удмуртском, татарском (для татар-кряшен) языках в годы Первой русской революции и последовавшей за ней эпохи политической реакции. Автор приходит к выводу, что появление этих периодических изданий сыграло важную роль в становлении национального движения нерусских народов и усилении внутренней этнокультурной консолидации. Первые газеты и ежегодники (календари) стали важным каналом популяризации национальной культуры и площадкой для презентации первых оригинальных литературных произведений зарождающейся творческой интеллигенции народов Среднего Поволжья.

Ключевые слова: периодическая печать, Казань, тюркские и финно-угорские языки, Среднее Поволжье, национальное движение.

Первая русская революция привела к демократизации и либерализации внутренней политики государства – народам России были предоставлены небывалые доселе свободы, позволившие им более полно развивать свою национальную культуру. Стремительные изменения, происходившие в стране, способствовали росту самосознания нерусского населения. Именно с этого времени можно вести отсчет начала их светского по духу и национального по содержанию просветительского движения.

Это оказало существенное влияние на развитие письменной и литературной традиции крещеных нерусских народов Среднего Поволжья. Крупнейшим культурным центром нового просветительского движения оставалась Казань. Именно здесь начинает свой путь основная часть нового поколения творческой интеллигенции, большинство из них были выпускниками казанских педагогических учебных заведений. В 1905–1907 гг. заявляют о себе такие видные деятели печатного слова, как основатель марийской литературы С.Г. Чавайн, марийские писатели, поэты и переводчики: В.М. Васильев, П.П. Глезденев, Г.Г. Кармазин, Ф.А. Букетов, Н.С. Мухин, М.С. Герасимов-Микай, А.Ф. Конаков, выдающиеся чувашские поэты: К.В. Иванов, М.К. Сеспель, ученый-этнограф, историк и переводчик Н.В. Никольский, удмуртский педагог и переводчик И.С. Михеев и др. Пристальное внимание к национальным языкам, определенная «мода» на этнический дискурс в художественном творчестве были связаны с усилением самосознания нерусских народов. Росту востребованности произведений на родном языке способствовало появление многочисленной про-

слойки сельской и городской интеллигенции, интересовавшейся культурой родного народа, общим повышением грамотности населения.

Новым явлением в культурной жизни нерусских народов Среднего Поволжья в период Первой русской революции стало зарождение национальной периодики и формирование профессиональной журналистики. Пионерами в этой области были татары-мусульмане. Благодаря наличию мощной интеллектуальной элиты, располагая независимыми от государства механизмами финансирования проектов в области народного просвещения, сложившейся системой национального книгопечатания и книготорговли, татары-мусульмане в короткий срок смогли создать развитую, многообразную по тематике и жанрам периодическую печать. Первая татарская газета «Нур» (Луч) вышла 2 сентября 1905 г. В 1906 г. татарская пресса была представлена уже 20 названиями, а в 1917 г. выходило около 50 изданий, в том числе 14 журналов (Амирханов, 2002, с.50–51).

Наряду с татарами-мусульманами попытки наладить выпуск газет и журналов предпринимали представители других нерусских народов. В середине 1905 г. среди молодых чувашских интеллектуалов получила популярность идея издания периодического органа, который стал бы каналом коммуникации передовой части чувашской интеллигенции и народа. Не имея собственных лоббистских и организационных возможностей, они неоднократно обращались с этой просьбой в Симбирск и Казань. В частности, осенью 1905 г. псаломщик с. Большое Батырево Буинского уезда Симбирской губернии Григорий Кокель направил И.Я. Яковлеву и Н.А. Бобровникову проект издания чувашской газеты. Им предлагалось организовать подписку среди чувашской «аристократии» – учителей, церковно- и священнослужителей, мелкой сельской буржуазии – и за счет этих средств наладить печать газеты. «Я уверен, – писал Г.Кокель Н.Бобровникову, – они не откажутся от сей помощи на такое полезное дело, тем более что теперь у всех народов явилось желание поддержать свою нацию на должном образовании, или же, если он не имеет такового, то поднять умственную способность ее в уровень с другими нациями, населяющими нашу необъятную Россию» (ГА РТ, ф.93, оп.1, д.818, л.159–159об.).

В ответ на эти обращения Н.А. Бобровников и Н.В. Никольский разработали проект чувашской газеты «Хыпарсем» (Известия), и в конце 1905 г. на имя казанского губернатора было направлено отношение с просьбой разрешить ее издание. Редактором периодики должен был стать Н.В. Никольский, издателем – Н.А. Бобровников. Но через три дня на эту просьбу пришел отказ. Во второй половине декабря 1905 г. Н.Никольским было направлено повторное прошение, на которое последовало разрешение. Для печати газеты была избрана Центральная типография Казани. Первоначальная сумма на пересылку газеты подписчикам была выплачена чувашским крестьянином с. Тюрлема Селивановым, за что редакция обязалась выдать ему для продажи 100 экз. первого номера. Для информирования потенциальных читателей о скором выходе первой чувашской газе-

ты было напечатано 300 экз. объявления, которые были разосланы по чувашским селениям Казанской, Самарской, Симбирской, Оренбургской, Уфимской, Саратовской губерний (*Никольский*).

Первый номер газеты «Хыпар» (Весть) увидел свет 21 января 1906 г. Тираж составил 1500 экз. Газета позиционировалась как аполитичное издание, преследовавшее исключительно просветительские цели. Статьи для нее присылались в Казань из разных регионов Среднего Поволжья, а также готовились штатными сотрудниками периодического органа, общее редактирование осуществлялось Н.В. Никольским. Выход первого номера газеты стал заметным событием в жизни чувашского народа. Чуваша, подавляющая часть которых были сельскими тружениками, весь мир которых ограничивался родной деревней и волостью, посредством чтения «Хыпар» получили возможность расширить свой общий кругозор, узнать о происходящих в стране событиях, о жизни чувашей в разных регионах Волго-Уралья, познакомиться с передовой техникой сельскохозяйственного производства. Важное место в газете уделялось пропаганде здорового образа жизни и гигиенических знаний. Так, Николай Кузьмин в одной из первых статей «Татары и чуваша» «сумел простым языком изложить свои мысли о гигиене жилища у татар и у чуваш» (*Там же*).

Авторы, понимая огромное значение газеты для культурного развития народа, были охвачены небывалым энтузиазмом. Как вспоминал Н.Никольский, «у всех сотрудников было желание писать и писать, творить и творить» (*Там же*). Постепенно вокруг Никольского сформировался творческий коллектив молодых чувашских интеллигентов и учащейся молодежи. К середине 1906 г. среди них наметилась поляризация мнений о будущем направлении чувашской газеты. Выпускники Симбирской чувашской учительской школы во главе со студентами Казанского учительского института стали предъявлять к редакции требования – публиковать больше статей политического и социально-экономического характера. В то же время как главный редактор, так и воспитанники Казанской учительской семинарии (КУС) настаивали на сохранении прежнего журналистского подхода, сводившегося к отказу от любой политической агитации. В июне 1906 г. Н.Никольский был вынужден уехать из Казани для проведения этнографической экспедиции в регионы компактного проживания чувашского сельского населения. В его отсутствие обязанность редактора была возложена на С.К. Кириллова, пропустившего в июньском номере несколько статей с критикой внутривластной ситуации в стране. В результате этот номер не был допущен к печати цензурой. Казанской жандармерией было начато расследование. Лишь после изъятия критических отзывов, Н.Никольскому удалось добиться издания газеты. Но вследствие секретного предписания со стороны казанского губернатора сельской администрации задерживать у себя приходящие по почте номера «Хыпар», многие подписчики перестали его получать. Изменение направления газеты, в которой до половины статей стало иметь социально-политическое

содержание, привело к тому, что Н.В. Никольский и С.К. Кириллов отказались продолжать редактировать газету. Это привело к существенной ротации редакционной коллегии, в которой основной тон начали задавать революционно настроенные студенты Казанского учительского института. Новым редактором был избран П.А. Алексеев. С уходом Никольского газета приобрела ярко выраженный социал-революционный характер. В результате цензура не раз накладывала запрет на печать ее отдельных номеров, а жандармское управление арестовывало редакцию. В связи с начавшейся в стране политической реакцией в мае 1907 г., по настоянию казанского губернатора, ввиду «вредного» направления, газета была закрыта, а ее сотрудники подвергнуты аресту и судебному преследованию. Так закончилась история первой чувашской газеты. Как писал впоследствии Н.Никольский, «газета “Хыпар” умерла для Казани, но продолжала жить среди чувашских народных масс. Она бережно хранилась и в нужных случаях читалась и изучалась не только бывшими подписчиками, но и их соседями. Из газеты черпали многие идеи по артельному хозяйству, по самоуправлению, по сельскохозяйственной технике и сельскому хозяйству, об артельном приобретении строительного леса и дров, по медицине, гигиене, ветеринарии, животноводству. Политические и социально-экономические статьи много раз читались, изучались и комментировались, глубоко западали в народное сознание. Благодаря газете, народная масса перестала считать свой язык бессильным для передачи высоких идей, для газет, журналов и художественных произведений» (*Там же*).

Закрытие «Хыпар» имело крайне негативное влияние на развитие периодической печати как на чувашском языке, так и на языках других нерусских народов Среднего Поволжья. Увидев в чувашской газете реальную угрозу существующему строю, через которую революционно настроенная интеллигенция вела политическую пропаганду, губернская администрация категорически отказалась поддерживать любые попытки казанских просветителей создать другие периодические органы на «инородческих» языках. Так, 4 октября 1907 г. по инициативе преподавателя КУС Р.П. Даулея попечителем Казанского учебного округа (КУО) А.Н. Деревицким в МВД было подано прошение об издании газеты для крещеных татар, на которое вскоре был получен отказ (*РГИА*, ф.821, оп.8, д.800, л.310об.). В 1910 г. мамадышским епископом Андреем (князь Ухтомский) был разработан новый проект газеты для татар-крещен. В «Программе газеты для крещеных татар» (датирована 28 января 1910 г.), направленной автором членам «Особого совещания», проходившего в эти дни в Санкт-Петербурге под председательством премьер-министра П.А. Столыпина, предусматривалось издание в Казани еженедельной газеты на татарском языке «общехристианского направления» (*Там же*, л.309об.–310). Газета должна была состоять из следующих основных разделов: 1) передовая статья, в которой давалась бы общая информация о политической ситуации в стране и мире; 2) корреспонденция; 3) текущие сведения о ситуации в раз-

ных областях империи, заметки по интересующим читателя вопросам: сельскому хозяйству, географии, физике, природоведению; 4) народное образование; 5) письма из деревни; 6) ответы и разъяснения редакции; 7) объявления (*Там же*). Заведование газетой и редактирование материалов должен был взять на себя учитель татарского языка КУС Р.П. Даулей. Планировался общий еженедельный тираж в 500 экз. Расходы на издание в размере 4200 руб. в год должны были компенсироваться из государственных средств, 1720 руб. – поступать за счет платной подписки (*Там же*). Это предложение, как и другие проекты епископа Андрея, были благоклонно приняты членами совещания, в числе которых было много влиятельных государственных и церковных деятелей. Но в связи с убийством в 1911 г. премьер-министра П.А. Столыпина и изменением общего вектора внутривластного курса государства практическая реализация программы, предложенной совещанием, затянулась, а с началом Первой мировой войны была полностью свернута¹.

Альтернативой газетному органу стал выпуск календарей, выходивших с определенной периодичностью. С 1905 г. на удмуртском, чувашском и марийском языках в губернских центрах Волго-Уральского региона И.Михеевым, Н.Никольским, П.Глезденевым, В.М. Васильевым, А.Емельяновым начинают выпускаться ежегодные календари, которые при отсутствии других периодических изданий выполняли важную коммуникационную функцию, формируя единое национальное культурно-информационное пространство.

В 1905 г. на собственные средства И.С. Михеевым в Казани было налажено издание ежегодных календарей на удмуртском языке (Уд морт кылын календарь). Наряду с Михеевым в его подготовке принимали участие ученики и воспитанники КУС из числа удмуртов. Всего было напечатано четыре ежегодника (за 1905, 1907, 1908 и 1910 гг.) тиражом около 10 тыс. экз. Основой календаря Михеева стало популярное в то время издания И.И. Горбунова-Посадова «Сельский деревенский календарь» и «Календарь для всех» (*Апкаев, 1990, с.112–121*). Наряду с общей информацией (сведения о корреспонденции, статистические данные об удмуртах, о суде и проч.), переводными статьями по медицине и сельскому хозяйству, здесь публикуются первые художественные произведения удмуртских авторов (стихотворения М.Прокопьева, баллада М.Можгина). В календаре за 1907 г. была издана статья И.В. Яковлева «Наша жизнь», в которой давалась информация о крестьянских волнениях и о созыве Государственной думы (*Переводческая комиссия, 1908, с.14*). Эта статья вызвала недовольство государственной бюрократии и привела к тому, что редактору пришлось объясняться перед казанской цензурой. Автор статьи подвергся судебному

¹ В рамках данного исследования не рассматривается история создания периодических изданий на нерусских языках народов Среднего Поволжья в других административных центрах региона (в г. Симбирске, Вятке).

преследованию и был приговорен к высылке на север. Проблемы у И.Михеева возникли и в последующие годы. После выхода в свет календаря за 1908 г. он был вызван к попечителю КУО, который подверг жесткой критике содержание нового издания. Особые возражения А.Н. Дервицкого вызвала опубликованная в ней статья, в которой «в извращенном виде» была представлена русская история, а также «неуместная» информация о финансовых средствах царской фамилии. Административное и полицейское давление на редактора привело к тому, что И.Михееву пришлось отказаться от издания удмуртского периодического органа. В 1913 г. за выпуск календарей и учебных хрестоматий, в которых давалась объективная историческая информация о правителях Русского государства, он был уволен от должности наставника КУС и был вынужден покинуть Казань (Анакаев, 1990, с.121).

Создание первого марийского календаря было связано с деятельностью марийской интеллигенции и учащейся молодежи, организовавшей в 1905 г. в Казани просветительский кружок «*Озан мари*» («Казанские марийцы»). По воспоминаниям патриарха марийской литературы С.Г. Чавайна: «В начале декабря 1905 г. (числа теперь уже не помню) однажды вечером в канцелярии учительской семинарии собрались активные деятели – марийцы: П.П. Глезденев, студент духовной академии, П.М. Кунаев, преподаватель начальной школы при учительской семинарии, воспитанники духовной семинарии В.М. Васильев и Д.И. Адаев. Там же оказались и ученики нашей учительской семинарии В.А. Мухин, Г.Е. Еремеев, С.Г. Эпин» (Сануков, 2005, с.15). Такие встречи приобрели регулярный характер. На них члены кружка обсуждали насущные проблемы культурной жизни народа, читали свои художественные произведения. Во время этих дискуссий и зародилась идея издания «*Марла календарь*» («Марийский календарь») – первого ежегодного периодического издания на марийском языке. Непосредственная реализация этого проекта была осуществлена П.П. Глезденевым и В.М. Васильевым. В 1906 г. ими был подготовлен рукописный вариант издания, за основу которого был взят ежегодник Шаркова. Но в связи с отсутствием средств на издание авторам пришлось отказаться от его печати. Лишь в следующем году им удалось осуществить задуманное – в 1907 г. тиражом 2500 экз. вышел первый номер календаря. С этого времени можно говорить о появлении светской марийской художественной литературы. Издание было осуществлено на деньги ядринского промышленника, депутата Государственной думы З.М. Таланцева (выделил 100 руб.) и П.Глезденева (40 руб.) (Там же, с.17).

В календаре были представлены статьи по практическим вопросам, интересовавшим сельского труженика, важное место уделялось политическим событиям в стране, имелись публикации по истории и этнографии. Редакция периодического органа стремилась пробудить в читателях интерес к культуре родного народа, гордость за его прошлое. Вышедший в свет в разгар Первой русской революции календарь отражал общие настроения,

царившие в российском обществе в это время, связанные с желанием глубоких социальных и политических преобразований в стране. Демократическая направленность издания вызвала недовольство со стороны местной администрации и правомонархических организаций Казани. Опасаясь запрета издания последующих номеров, редакторы приняли решение изменить содержание календаря, полностью отказавшись от публикации статей на политические темы. Таким образом, «Марла календарь» становится исключительно культурно-просветительским периодическим органом. В последующие годы основное место в календаре уделялось публикации материалов по медико-санитарным и научным вопросам, по ведению хозяйства, пчеловодству, животноводству. Важное место уделялось публикации произведений народного фольклора и первых оригинальных художественных произведений марийских писателей и поэтов (стихи С.Чавайна и В.Васильева, поэмы Г.Кармазина (Эвайна) баллады Ф.Егорова и Ф.Букетова (Сайгелде)).

«Марла календарь» получил широкое распространение среди марийцев. Издание выписывало большинство представителей марийской сельской интеллигенции, его читали и передавали из рук в руки, устраивали общественные чтения. Преподаватель образцовой черемисской школы КУС А.И. Емельянов, совершивший летом 1910 г. путешествие по марийским деревням Казанской губернии, так отзывался о значении и влиянии календаря на сельских жителей: «Я имел возможность наблюдать, какую широкою популярностью пользуется... издание календарей на черемисском языке. Успех распространения этих изданий, несомненно, объясняется самым характером содержания календаря, как настольной книги, заключающей в себя необходимые в практической жизни сведения и указания. Поэтому думаю, что при известной идейности содержания в руках учителя народной школы календарь на инородческом языке мог бы явиться верным средством к распространению среди инородцев, в частности черемис интересов к книге и просвещению» (*Переводческая комиссия, 1911б, с.3*).

Осознавая большое влияние календаря на марийское население, чиновники КУО предприняли попытку изменить состав редакционной коллегии. Издание календаря за 1911 г. было поручено Переводческой комиссии при КУО, его редактором был назначен А.И. Емельянов. Это повлияло на редакционную политику периодического органа, привело к изменению содержания публикаций, что вызвало недовольство марийской интеллигенции. В результате в 1913 г. новый выпуск календаря вышел под прежней редакцией. В последующие годы в связи с финансовыми затруднениями редакторы прекратили его выпуск. Во многом функции «Марла календарь» взяла на себя газета «Война увер» («Военные известия»), начавшая выходить в г. Вятке в 1915 г. под редакцией П.Глезденева.

Издание ежегодных календарей на чувашском языке (*Султалăк кĕнĕки*), выходивших с 1906 по 1914 г. в Казани, было связано с деятель-

ностью выдающегося чувашского ученого-этнографа, преподавателя истории КУС Н.В. Никольского. Учитывая опыт издания «инородческих» ежегодников и первой чувашской газеты, Никольский отказался от печати в чувашском календаре любых материалов на политические темы, дабы обезопасить издание от нападков цензуры и полиции. Календарь преследовал исключительно культурно-просветительские цели, в нем публиковались переводные и оригинальные статьи по истории, географии, агрономии, школьному образованию, педагогике, астрономии, медицине и народной гигиене, давалась полезная информация о праздничных датах, новых изданиях по истории и этнографии чувашского народа и проч. Всего было издано 9 календарей, пользовавшихся большой популярностью среди чувашей. Благодаря развитию начального образования в чувашской деревне появилось большое количество грамотных жителей, охотно покупавших книги и периодические издания на родном языке, поэтому весь тираж казанских изданий раскупался благодарными читателями. Ситуация изменилась с началом Первой мировой войны, когда в результате социально-экономического кризиса спрос на книжную и периодическую продукцию резко упал, что привело к отказу издателя печатать чувашские ежегодники.

Понимая важную роль ежегодных календарей в развитии родной культуры, кряшенская интеллигенция также предпринимала попытки наладить издание календарей на татарском языке в Казани. Особую активность в этом вопросе проявляло молодое поколение учителей, воспитанников КУС. Один из них – Назарий Кибяков, в 1911 г. он разработал подробную программу и предложил Переводческой комиссии КУО для рецензирования и публикации (*Переводческая комиссия*, 1911а, с.1–2) рукописный календарь под названием «*Татарга календарь*. На 1912 год».

Календарь Н.Кибякова состоял из нескольких разделов: 1) месяцевлов (календарь); 2) Российский императорский дом (данные о членах императорской фамилии); 3) рассуждения о пользе астрономии и предметах ее; 4) о растениях и животных; 4) о влиянии тепла на растения и животных; 5) сведения о насекомых; 6) метеорология; 7) медицина; 8) ветеринария; 9) рассуждения о лечении и профилактике болезней; 10) агрономия; 11) об управлении России. Законодательные акты Российской империи; 12) Русское государство (география России); 13) железные дороги; 14) почта и телеграф; 15) лесоводство; 16) селекция домашнего скота; 17) формы документов (образцы заполнения официальных документов: прошений, расписок и др.); 18) как заранее узнавать погоду; 19) по каким явлениям угадывать урожай; 20) о затмениях солнца и луны на 1912 г.; 21) предсказания погоды на 1912 г. (*Там же*, с.3–5).

Как видно из названия разделов, это было весьма информативное по содержанию и тематике издание, в котором читатель мог бы получить массу полезных сведений по различным аспектам практической сельскохозяйственной деятельности, медицине, правовой и политической системе

в стране, законодательству. Информация была направлена на популяризацию научных знаний, расширение общего кругозора сельского населения. Тем не менее члены Переводческой комиссии нашли невозможным публикацию этой работы. Главным возражением было отсутствие в календаре религиозной составляющей – не было православного церковного календаря, святцев, обозначения дней поминовения усопших, религиозно-нравственных рассказов (*Там же*). Кроме того, сыграла свою роль и внешняя конъюнктура, связанная с недовольством попечителя КУО А.Н. Деревицкого слишком «тенденциозным и либеральным» направлением календарей, выпускавшихся частными лицами на языках нерусских народов края.

Таким образом, благодаря развитию просветительского движения, школьного образования и книгопечатания на родном языке, а также формированию национальной интеллигенции в начале XX в. сложились предпосылки для создания национальной периодической печати нерусских народов Среднего Поволжья. Реализация проектов в данной области стала возможна в годы Первой русской революции, когда в результате либеральных реформ произошло ослабление цензуры и была объявлена «свобода печати». На волне эмансипации общественного сознания «иногородческая» интеллигенция Казани создает периодические органы на языках народов Среднего Поволжья. Несмотря на то, что в результате последующей политической реакции, административного и полицейского давления произошло закрытие или существенное ограничение функционирования этих изданий, они сыграли огромную роль в становлении литературной традиции местных народов. На страницах этих газет и календарей появились первые художественные произведения чувашских, марийских, удмуртских писателей и поэтов, начала формироваться профессиональная журналистика. Необходимо отметить большое значение периодических изданий в росте национального самосознания нерусских народов, в усилении консолидационных процессов внутри этих социумов и формировании национального культурно-информационного пространства.

Источники и литература

1. *Амирханов Р.У.* Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток-Запад» (на примере развития русской культуры). Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. 240 с.

2. *Апакаев П.А.* Просветители Марийского края. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990. 358 с.

3. ГА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.818.

4. *Никольский Н.В.* Первая чувашская газета «Хыпар» [Электронный ресурс]. URL: http://www.chnmuseum.ru/index.php?option=com_content (дата обращения: 20.05.20).

5. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 3 марта 1907 г. Казань, 1908. 27 с.

6. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 17 октября 1911 г. Казань, 1911а. 16 с.

7. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 20 октября 1911 г. Казань, 1911б. 18 с.

8. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.800.

9. *Сануков К.Н.* Просветитель Павел Петрович Глезденёв. Очерк жизни и деятельности. Йошкар-Ола, 2005. 86 с.

Р.Р. Исхаков

Урта Идел буеның рус булмаган халыклары телләрендәге беренче вакытлы матбугат

Мәкаләдә соңгы империя чорында (1905–1916 еллар) Казан шәһәрндә ба-сылып чыккан Урта Идел буеның рус булмаган халыклары телләрендәге вакытлы матбугатның барлыкка килү һәм үсеш тарихы каралды. Беренче рус революциясе елларында һәм аннан соңгы сәяси реакция чорында чуваш, мари, удмурт, татар (көрәшен татарлары өчен) телләрендәге вакытлы басмаларның үзенчәлекләре күрсәтелде. Автор әлеге вакытлы басмаларның барлыкка килүе рус булмаган халыкларының милли хәрәкәтен торгызуда һәм эчке этномәдәни берләшүне көчәйтүдә мөһим роль уйнаган дигән нәтижәгә килә. Беренче газеталар һәм еллык календарлар милли мәдәниятне популярлаштыруның мөһим каналы һәм Урта Идел буе халыкларының зыялылары иҗат иткән беренче кабатланмас әдәби әсәрләрне тәкъдир итү майданчыгы булды.

Ачкыч сүзләр: вакытлы матбугат, Казан, төрки һәм фин-угор телләре, Урта Идел буе, милли хәрәкәт.

R.R. Iskhakov

The first periodicals in the languages of baptized non-Russian peoples of the Middle Volga region

The publication discusses the history of the emergence and development of periodicals in the languages of the baptized non-Russian peoples of the Middle Volga region in Kazan in the late Imperial period (1905–1916). The features of publishing in the Chuvash, Mari, Udmurt, Tatar (for Tatars-Kryashen) languages during the First Russian Revolution and the subsequent era of political reaction are shown. The author concludes that the appearance of these periodicals played an important role in the formation of the national movement of non-Russian peoples and the strengthening of internal ethno-cultural consolidation. The first newspapers and annuals (calendars) became an important channel for popularizing of national culture and a platform for presenting the first original literary works of the nascent creative intelligentsia of the peoples of the Middle Volga region.

Keywords: periodicals, Kazan, Turkic and Finno-Ugric languages, the Middle Volga region, national movement.

Информация об авторе:

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, руководитель Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: ishakovist@gmail.com

Исхаков Радик Равил улы – тарих фәннәре докторы, ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының Керәшен татарлары һәм нагайбәкләр тарихын һәм мәдәниятен өйрәнү үзәге мөдире (Казан шәһәре).

Iskhakov Radik R. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Center for the Study of History and Culture of Tatar-Kryashens and Nagaibaks, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Сравнение чувашского названия пива с названиями у других народов в докладе А.П. Прокофьева

В статье представлена информация из хранящегося в фондах Архива Российской академии наук доклада А.П. Прокофьева «Пивоварение у чувашей» от 7 мая 1927 г. (в бытность его аспирантом Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока). Ученый указывал на сходство названия пива у древних пиренейских кельтов (басков) с чувашским. Касаясь географического распространения чувашского названия пива, он указывал, что оно встречалось среди татар, в том числе алтайских мещеряков, киргизов-казаков, марийцев, вотяков и пермяков. Появление пивоварения, по мнению автора, было связано с земледельческой оседлой жизнью: из перечисленных народностей Волжско-Камского края чувашаи являлись народом с наиболее древней земледельческой культурой. Ученый не сомневался, что народности края научились земледелию у чувашей, на что указывал, в частности, факт по большей части чувашских наименований орудий земледелия и злаков у здешних финских народностей. В данном случае, считал докладчик, несомненно доказывалась прошлая культурная роль чувашей в Камско-Волжском регионе, в частности, проявленная ими (чувашами) в исторический период в качестве камско-волжских болгар. Ученый утверждал, что чувашское слово «пиво» свое происхождение вело от самых древних культурных эпох человечества, может быть, даже с неолитической эпохи. В этом вопросе чувашаи имели непосредственное соприкосновение с древнейшей (яфетической) культурной стадией средиземноморских народов. Другой вывод, сделанный ученым, состоял в том, что пивоварение, как и само земледелие, являвшееся основой для первого, окружающими чувашей народностями заимствовано от чувашей, на что указывал как термин «пиво», так и этнологические принципы.

Ключевые слова: история, Чувашия, языкознание, А.П. Прокофьев, пиво, архив, Российская академия наук.

Архив Российской академии наук остается одним из старейших и крупнейших ведомственных архивохранилищ России, в котором сохранились документальные комплексы по истории Академии наук, ее учреждений и организаций, науки и культуры, фонды личного происхождения ученых. В собраниях архива сохранился архивный фонд Всесоюзного Центрального Комитета нового (латинизированного) алфавита при Совете национальностей ЦИК СССР. Среди документов фонда отложился доклад А.П. Прокофьева (Милли)¹ «Пивоварение у чувашей», в бытность его аспирантом Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока Российской ассоциации научно-иссле-

¹ Прокофьев (псевдоним Милли) Алексей Прокопьевич (1894–1942) – чувашский публицист, поэт, этнограф, фольклорист.

довательских институтов общественных наук, датируемый 7 мая 1927 г. В докладе третья глава имеет заголовок «Сравнение чувашского названия “пиво”» (*АРАН*, ф.677, оп.1, д.104, л.29–35).

В докладе отмечалось, что по своему содержанию древнее пиво было по преимуществу ячменное и без хмеля. Из предыдущих эпох название пива сохранилось только в двух видах: кельтское «segea» в Испании (баскское – яфетическое) и египетское «цитос». По мнению ученого, важно было бы знать название пива у гуннов, так как гунны по теории болгарского происхождения чувашей имели прямое отношение к чувашам. Что же касается названия пива у древних пиренейских кельтов (басков), то оно очень схоже с чувашским «səga» – «segea». Ученый ссылался на научную работу Н.Я. Марра², который относил чувашский язык к группе баскских языков: эта аналогия становилась более чем вероятной в отношении названия пива (*Марр*, 1926).

А.П. Прокофьев сообщал о географическом распространении чувашского названия пива к середине 1920-х гг.: такое же название встречалось у всех окружавших чувашей тюркских племен и у финнов. Татары, в том числе алтайские, мещеряки, киргизы-казаки носили то же наименование пива «səga». Из финских народностей, окружавших чувашей, пиво также называлось по-чувашски «səga» у марийцев, проживавших в пределах Марийской области, у вотяков и пермяков оно носило отчасти такое же название «сур». В подтверждение своих предположений ученый приводил цитату из исследования И.Н. Смирнова³: «Некоторым дополнением к ней (пище пермяков) служит любимое питье пермяка «сур» (брага) из солода и овсяной муки. Сур – густое, мутно-белое, пенистое пиво, по питательности, наверное, стоит выше пермяцких щей. Выпивают его пермяки чудовищно много. В большой семье, состоящей из трех брачных пар со стариком отцом и детьми, на приготовление его (сура) уходит до 200 пудов овса» (*Смирнов*, 1891, с.192).

Из указанных сопоставлений ученый сделал заключение, что если стоять на точке зрения принятых толкований о культурных взаимоотношениях волжских народностей, то слово «səga» у чувашей нужно считать коренным, основным, а остальные народности (татары, мещеряки, киргизы-казаки, марийцы, вотяки, пермяки) его восприняли у чувашей. В пользу этого заключения, по мнению ученого, говорил тот факт, что у указанных финских народностей, наряду с чувашским названием, для наименования пива существовали другие слова: у пермских марийцев – «рича», у мордвы

² Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – российский и советский востоковед, филолог, историк, этнограф, академик Императорской академии наук, академик и вице-президент Академии наук СССР.

³ Смирнов Иван Николаевич (1856–1904) – российский историк и этнограф, ординарный профессор кафедры всеобщей истории Императорского Казанского университета.

– «риче». Что же касалось бытования этого чувашского слова у тюрков указанной группы, то, как считал А.П. Прокофьев, оно могло быть доказано тем, что у южных тюрков это слово в его чувашском произношении отсутствовало.

В докладе указывалось, что, исходя из общих этнологических рассуждений о причинах появления спиртных напитков, возникновение пивоварения связано с земледельческой оседлой жизнью. Из перечисленных народностей Волжско-Камского края чуваша являлись народом с наиболее древней земледельческой культурой. Ученый не сомневался, что народности края научились земледелию у чувашей, на что указывал, в частности, факт по большей части чувашских наименований орудий земледелия и злаков у здешних финских народностей. В данном случае, считал докладчик, несомненно доказывалась прошлая культурная роль чувашей в Камско-Волжском регионе, в частности, проявленная ими (чувашами) в исторический период в качестве камско-волжских болгар. О высоких земледельческих способностях чувашей писал А.Ф. Риттих⁴: «Чуваши – самые лучшие хлебопашцы Казанской губернии по следующим причинам: по врожденной склонности, по той помощи, которую они требуют и получают от женщин в этом деле, и по громадному запасу практико-агрономических наблюдений о погоде, времени посева и т.д., передаваемых из поколения в поколение» (*Материалы для этнографии России*, 1870, с.76).

А.П. Прокофьев предполагал, что слово «сэга», являясь для народностей Волжско-Камского края чувашским, в сравнении его за пределами этого культурного округа, должно примыкать к другому кругу культурных народов. В пользу такого предположения свидетельствовал тот факт, что это слово, исходя из этимологии чувашского языка середины 1920-х гг., «почти что необъяснимо, хотя и объяснения его не было, так как исследователи чувашей изучением материальной культуры чувашского народа не занимались по вполне понятным для того времени политическим мотивам». На основе чувашского лексикона ученый сделал следующее предположение: существовали чувашские глаголы «sĕg» и «sĕg»; первый обозначал «цедить, удить, мазать», второй – «покрывать, окружать». Если связать слово «сэга» с первым глаголом, то буквально оно обозначало бы «процеживание, выжатое». В чувашском языке, по его мнению, такие формы образования имен от глаголов существовали. В таком случае слово «сэга» должно встречаться в форме «sĕge»: если такая форма есть, то данное предположение имело большую долю истины. Но если даже не было такой формы, то она могла измениться: узкие гласные могли перейти в широкие гласные, что в чувашском языке имело место. Когда пиво готово,

⁴ Риттих Александр Федорович (1831–1915) – российский военный деятель, этнограф.

то чувашаи говорили «səga sĕrmelle» (пиво цедить необходимо), то есть употребляли этот глагол.

Ученый предлагал связать слово «səga» с глаголом «səg» («покрывать, окружать»), то тогда слово «səga» могло обозначать «покрывающий, окружающий». Это толкование с современным понятием «səga» совершенно расходилось. Но оно, по мнению А.П. Прокофьева, заставляло искать происхождение этого слова в самой древней эпохе человеческой культуры. Для первобытного человека покрывающим, окружающим его всюду являлось небо. Слово «səga» в своей пермяцкой и вотской форме произносилось «sur», встречалось со значением неба у кази-кумыков, у деканских индостанцев – под значением «sur» (солнце), у японцев в огласовке o («sor») в значении «небо».

В докладе указывалось, что с точки зрения яфетического языкознания такое перенесение значений целесообразно для «космического мышления первобытного человека». Так, слово «шич», встречавшееся у чувашей в значении «болото», первоначально (в яфетической стадии) означало и небо, и воду. «Разновидности этого слова у чувашей имелись “ши”, в разложении “и” “шив”, в значении воды. Слово “səra”, или в форме “sur” у пермяков можно было отнести к одной из разновидностей от слова “шич” – небо, вода, болото». Ученый предполагал, что это слово у яфетических племен, образовавших чувашский народ, существовало в разных формах, в общей сложности обозначающих понятия вода, небо, болото. Одна из таких форм, по его мнению, и могла в позднейшее время фиксироваться у чувашей для обозначения понятия «пиво».

Таким образом, слово «səga» – вода в своем первоначальном значении; это чувашское слово связывало с яфетическим миром и сделанное ученым сопоставление его со словом «segea», обозначающим у древних испанских кельтов (современных пиренейских басков), как и у чувашей, пиво. А.П. Прокофьев сожалел, что не располагает информацией о первоначальном понятии слова «segea», как термина для обозначения неба, воды и т.п. Из всего сказанного он утверждал, что чувашское слово «пиво» свое происхождение вело от самых древних культурных эпох человечества, может быть, даже с неолитической эпохи. В этом вопросе чувашаи имели непосредственное соприкосновение с древнейшей (яфетической) культурной стадией средиземноморских народов. Другой вывод, сделанный ученым, состоял в том, что пивоварение, как и само земледелие, являвшееся основой для первого, окружающими чувашей народностями заимствовано от чувашей, на что указывал как термин «пиво», так и этнологические принципы.

В заключение отметим, что чувашское слово «пиво», по-видимому, как и «хмель», по мнению российских ученых, представляет очень древнее заимствование из индоиранских языков. А.П. Прокофьеву в докладе удалось одновременно использовать оба подхода Н.Я. Марра – увязать чувашский с баскским и кельтским в рамках «яфетидологии» и провести

анализ слова «səga», представив его «исходное» значение в слове «шыв» («вода») через глаголы «цедить», «покрывать» в значении «болото» и «небо». Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории языка чувашского народа, может быть использована в образовательных и исследовательских целях.

Источники и литература

1. АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 104.
2. *Март Н.Я.* Чуваши – яфетиды на Волге. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1926. 74, [1] с.
3. Материалы для этнографии России. Казанская губерния / сост. *А.Ф. Риттих*. Ч. II: Татары. Мещеряки. Чуваши. Черемисы. Вотяки. Мордва. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1870. 225 с., 8 л. ил.
4. *Смирнов И.Н.* Пермь: историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1891. [6], 289 с.

М.Ю. Киселев

А.П. Прокофьев нотыгында сыраның чуваш телендә һәм башка халыкларда аталышын чагыштыру

Мәкаләдә А.П. Прокофьевның Россия фәннәр академиясе архивында сакланучы «Чувашларда сыра кайнату» дигән докладыннан мәгълүмат китерелә (ул 1927 елның 7 маенда язылган). Бу вакытта А.П. Прокофьев Көнчыгыш халыкларының этник һәм милли мәдәниятләре фәнни-тикшерену институты аспиранты була. Галим борынгы Пиреней кельтлары (басклар) белән чувашларда сыра атамасының охшашлыгына ишарәли. Сыраның чуваш атамасының географик таралуына килгәндә, ул аның татарлар, шул исәптән Алтай мещеряклары, кыргыз-казаклар, мари, вотяклар һәм пермяклар арасында очравын күрсәтә. Автор фикеренчә, сыра кайнату барлыкка килү игенчелек, утрак тормыш белән бәйле: Идел-Кама төбәгенең санап кителгән халыклары арасында чувашлар – иң борынгы игенчелек культурасы булган халык. Галим төбәк халыкларының чувашлардан игенчелеккә өйрәнүләренә шикләнми, аерым алганда, жирле фин халыкларының күпчелек игенчелек кораллары һәм иген культураларының чувашча атамалары фактын китерә. Бу очракта, һичшиксез, Кама-Идел төбәгендә, аерым алганда, алар (чувашлар) Кама-Идел болгарлары буларак билгеле тарихи чорда, чувашларның үткән мәдәни роле исбатлана, дип санып докладчы. Галим раслаганча, «сыра»ның чувашча әйтелеше кешелекнең иң борынгы мәдәни чорларыннан бирле килгән, хәтта неолит чорыннан ук булырга мөмкин. Бу мәсьәләдә чувашлар Урта диңгез бие халыкларының бик борынгы (яфетик) мәдәни стадиясе белән турыдан-туры бәйләнгән. Галим ясаган икенче нәтижә шунда ки, сыра кайнату, аның өчен нигез булып торган игенчелек кебек үк, чувашлар янәшәсендә яшәүче халыклар тарафыннан чувашлардан алынган, моның шулай булуын «сыра» термины да, этнологик принциплар да күрсәтә.

Ачкыч сүзләр: тарих, Чувашия, тел белеме, А.П. Прокофьев, сыра, архив, Россия фәннәр академиясе.

M.Yu. Kiselev

Comparison of the chuvash name of beer with the names of other peoples in the report of A.P. Prokofiev

The article provides information from the A.Prokofiev's report "Brewing at the Chuvash", dated May 7, 1927 and stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences (when he was a graduate student of the Research Institute of Ethnic and National Cultures of the Peoples of the East). The scientist pointed out the similarity of the name of beer from the ancient Pyrenees Celts (Basques) to Chuvash. Touching upon the geographical distribution of the Chuvash name of beer, he indicated that it was found among the Tatars, including Altai Meshcheryaks, Kyrgyz Cossacks, Mari, Votyaks and Permians. The appearance of brewing, according to the author, was associated with a settled agricultural life: of the listed nationalities of the Volga-Kama region, the Chuvashs were the people with the most ancient agricultural culture. The scientist had no doubt that the ethnic groups of the region learned how to agriculture from the Chuvash people, which was indicated, in particular, by the fact that for the most part the Chuvash names of agricultural implements and cereals from the local Finnish nationalities. In this case, the speaker considered, the past cultural role of the Chuvashs in the Kama-Volga region, in particular, manifested by them (the Chuvashs) in the historical period as Kama-Volga Bulgarians, was undoubtedly proved. The scientist claimed that the Chuvash word "beer" originated from the most ancient cultural eras of mankind, maybe even from the Neolithic era. In this matter, the Chuvash had direct contact with the ancient (yaphet) cultural stage of the Mediterranean peoples. Another conclusion made by the scientist was that brewing, as well as agriculture itself, which was the basis for the former, the peoples surrounding the Chuvashs, was borrowed from the Chuvashs, as indicated by both the term "beer" and ethnological principles.

Keywords: history, Chuvashia, linguistics, Prokofiev A.P., beer, archive, Russian Academy of Sciences.

Информация об авторе:

Киселев Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов, Архив Российской академии наук (г. Москва); e-mail: kiss_RAN@mail.ru

Киселев Михаил Юрьевич – тарих фәннәре кандидаты, Документларны исәпкә алу һәм сакланышын тәмин итү үзгә мөдире, Россия фәннәр академиясе архивы (Мәскәү шәһәре).

Kiselev Mikhail Yu. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center of accounting and document security, Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Общинная революция в контексте Второй русской смуты

Верификация социокультурного контекста современного российского общества предполагает добросовестное исследование собственного прошлого. Задача и без того затрудненная вторжением исторической памяти на поле научных штудий, в отечестве нашем оказывается отягощена еще и семидесятилетним бременем принудительной идеологической интерпретации событий столетней давности. В рамках дискурса Истории СССР события Семнадцатого года описывались как праздник трудящихся масс – «Великая Октябрьская социалистическая революция», – который навеки «да пребудет». Этот подход и большинство его реинкарнаций, доминирующих в исследовательском поле, не позволяют адекватно истолковать и академически организовать дискурс отечественной истории. В статье предпринимается попытка презентации альтернативного дискурса Второй русской смуты, ключевым элементом которой явилась общинная революция: массовое крестьянское движение, в условиях разрешения госаппарата игравшее роль едва ли не единственной скрепы бывшей империи. Исторический парадокс определяется тем, что сельское протестное движение, направленное на оптимизацию коммуникации деревенского социума и коронной бюрократии в годы Великой войны, оказалось, в конечном итоге, базисом генерации нового общества.

Ключевые слова: Вторая русская смута, история России, крестьянство, моральная экономика, общинная революция, справедливость.

Взаимоотношения крестьянства и власти в России – многоактная драма надежд и разочарований, взаимных упований и обид, завершившаяся в прошлом веке, – по сей день возбуждают любопытство не только носителей дискурса гуманитарной патологоанатомии, именуемой еще исторической наукой, но и представителей самой широкой общественности. Как по причине ее влияния на тектонику социального ландшафта, так и в силу отсутствия доступа к перечню факторов обострения сюжета. Причем советский период в этой композиции едва ли может претендовать на статус кульминации, скорее, в традициях античного театра, – развязка.

Гносеологический аспект проблемы сводится к тому, что принудительное истолкование осени Семнадцатого года как главного события мировой истории довольно долго сбивало настрой исследовательской оптики, мешая за нагромождениями идеологических симулякров разглядеть логику каузальных связей, открывших шлюзы Второй русской смуты. В то время как содержание онтологической коллизии определяется некорректным истолкованием содержания конкурирующих социальных проектов, в рамках которого крестьянство помещалось перед выбором между политическими программами большевиков и их оппонентов. Но штука в том, что никакой политической программы, кроме ленинской, в постмонархической России

не существовало вовсе, а абстракция Третьего интернационала не пересекала границ сельского мира, очерченных поскотинной изгородью.

Фактически сельское население (уже с весны 1917 г. оставшееся без государственного попечения) несколько лет было вынуждено обустроить свое жизненное пространство, что называется: на свой страх и риск, с переменным успехом защищая скудеющие ресурсы от покушений со стороны претендентов на имперское наследие. Все это время крестьянство генерировало в своих недрах разнообразные способы «перехода к лучшему строю», жизнеспособность которых вынужден был признать даже Председатель СНК (см.: *Ленин*, 1969, с.201). Очевидно, что генерируя, по мере возможности, социокультурное пространство, крестьянство не имело, и не могло иметь, антигосударственных устремлений. С другой стороны, не диво, что утвердившиеся за это время в деревне социально-хозяйственные практики не вписались в стратегии большевиков, единственных, кто выстоял в политической схватке на гноище империи, получив в качестве приза шестую часть суши, на которой еще предстояло утвердить такой политический режим, который наилучшим образом смог бы обеспечить подготовку ко второму раунду мировой революции. Сформировавшиеся за это время контуры крестьянской утопии советско-партийным критериям не удовлетворяли. Поэтому на повестку дня в Советской России (впрочем, как и в любом государстве, оказавшемся на ее месте¹) встал вопрос восстановления системного контроля над периферией², утраченного в ходе мероприятий так называемого «военного коммунизма». Эта политическая «ва-банк» стратегия, опосредованная заблуждением относительно открытия Марксом законов общественного развития, на тактическом уровне допускала тотальную экспроприацию деревенских ресурсов, акторы которой фрустрировали отчаянные сигналы, подававшиеся крестьянами. Причин подобного поведения – навскидку – никак не выходит меньше трех: во-первых, коммунисты не имели опыта социальной коммуникации; следовательно, во-вторых, органически боялись диалога с крестьянами; наконец, априори, считали их аргументацию несущественной (см.: *РГВА*, ф.184, оп.9, д.5, л.16об.–18; *Крестьянское движение*, 2002, с.127–128), поскольку полагали, что «интересы мирового социализма выше национальных» (*Ленин*, 1974, с.342). Можно, – что все еще имеет место в отечественном сообществе историков, – дискутировать о правомерности этой людоедской тактики, однако очевидно, что после провала авантюры Тухачевского, она перестала быть актуальной, в связи с исчер-

¹ Опыт т.н. «белых», да и любых других правительств показывает, что вне зависимости от политических прокламаций стратегия в отношении деревни была практически одинаковой во всех спектральных сегментах Второй русской смуты от белого до черного.

² В переводе на человеческий язык это означает возможность легальной экспроприации части продукта, производимого крестьянами.

панием надежд на то, что удастся раздуть «мировой пожар», на который можно было бы списать все организационные издержки подготовительного периода.

В свою очередь крестьяне, столкнувшись с запредельным уровнем насилия со стороны своего контрагента (большевиков) в 1918–1921 гг., и прекрасно понимая, что с осени двадцатого года даже гипотетических оснований этого насилия не существует, вполне логично переходят к саботажу под лозунгом «Советы без коммунистов!». Он оказался более эффективной стратегией, вынудившей СНК отказаться от ничем не ограниченной, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненной, непосредственно на насилие опирающейся власти (научное понимание диктатуры В.И. Лениным, см.: *Ленин*, 1981, с.383) в пользу новой экономической политики: умеренной экспроприации крестьянских продуктов, вполне соответствовавшей их критериям позитивной идентичности в границах примордиального мира сельских обществ.

Чуть подробнее остановимся на механизме крестьянской самопрезентации в рамках морально-экономической коммуникации. Соображения крестьян о справедливости, – зачастую не отрефлексированные и почти всегда неформальные, – складывающиеся в рамках деревенской этики выживания, экстраполируются в сферу моральной экономики, формируя их представление о том, какие субъекты за околицей сельского мира принадлежат к числу субъектов морально-экономических отношений, а также – как должны вести себя власти и другие участники моральной экономики. Примечательной особенностью этого крестьянского резюме является его неформальный и живой характер – мнение и умозаключение членов сообщества формируются в процессе коммуникации, в ходе которой границы приемлемого могут как раздвигаться, так и сужаться, но при этом у всех акторов сохраняется более или менее одинаковое представление об этих границах.

Теперь обратим внимание на сценарий мартовской коллизии Семнадцатого года, как он виделся из оконца волостной избы: отречение государя означало исчезновение, собственно говоря, визави крестьянского мира – царя, легитимность которого в качестве субъекта моральной экономики, несмотря на ленинские заклинания, ни у кого в деревне сомнений не вызвала. Это событие, хотя и совершенно бескровное, поставило под вопрос само существование моральной экономики, значение которой в России состояло в том, что это была едва ли не единственная к началу XX в. общенациональная сеть. То есть, с социологической точки зрения, было уничтожено основание российской самоидентичности. Естественно, что в крестьянской культурной жизни, которую следовало бы последовательно отличать как от агональных культур фронта (казаки, джигиты и т.п.), у «которых война в крови» (А. Лебедь), так и от пути воина (викинги, самураи и т.д.), каковой суть «решительное принятие смерти» (М. Мусаси), – суицидальный сценарий попросту отсутствует, поэтому естественным вы-

ходом из возникшей апории должно было стать решение вопроса о наследнике – акторе, который бы с точки зрения Земли занял отца место, вместо отошедшего от дел Николая II³.

Равноудаленность соискателей от легитимного правопреимства открывала широкие возможности для конкуренции на поле политики, однако инкорпорация в пространство моральной экономики предполагала пакет дополнительных идентичностей, позволявших селянам опознать «своего». В этот комплект, как оказалось, входили контроль символического пространства, аппарат насилия и то, что называется политической волей, а в переводе на русский: готовность к любому насилию, любому преступлению (*Митрофанова, Пивоваров*). Обескураженный большевистской целеустремленностью, отставной председатель Временного правительства князь Львов отмечал: «Ни законов, ни границ власти этих людей над населением не существовало. “Закон”, которым они руководствовались, на их языке назывался “революционной совестью”» (*Иоффе*). Впрочем, политические коллизии Второй русской смуты мало интересовали крестьянство, не желавшее вступать на поле политики. Выдающийся российский историк С.Ф. Платонов характеризовал политическую стратегию крестьянства как «попустительство», полагая именно его объяснением факта существования советской власти (*Академическое дело*, 1993). И хотя в полном соответствии с сентенцией Шарля Монталамбера («Если вы не займетесь политикой, то политика займется вами») «омерзительное похмелье» от «октябрьского веселья» не миновало российских пажитей, обвинять крестьянство в том, что «Народ, безумствуя, убил свою свободу, И даже не убил – засек кнутом» (*Гиппиус*), – оснований, думается, все же нет. Крестьянство, неизменно выступавшее в роли тела страны, было готово принять любую власть, которая хотела бы действовать в семиотическом пространстве моральной экономики (ну или, по крайней мере, декларировала бы такое стремление).

В этом смысле «слепая», по мнению А.Ф. Керенского, вера российских либералов и других представителей так называемого освободительного движения в неизбежный триумф демократии, в способность русского народа играть созидательную роль в делах государства (*Иоффе*), оказала взыскующим власти ленинцам не меньшую услугу, чем попустительство крестьянства. Хотя вопрос об истоках либеральной слепоты, строго говоря, требует специального анализа, однако наиболее очевидной ее причиной можно считать отсутствие в перечне политических режимов начала прошлого века – тоталитаризма, теория которого будет разработана во

³ Персональное реноме которого в крестьянской культурной традиции, кстати сказать, сильно пострадало именно после того, как он «бросил» свой народ, равнодушие которого к судьбе отставного самодержца может служить самым очевидным признаком того, что деревенская Россия так и не простила ему этого позорного дезертирства.

второй половине XX в. Что поделаться: «Люди творят свою историю, но не понимают историю, которую творят» (*Арон*).

Поэтому, хотя в отечественной (да и в мировой) историографии гипотеза об особенной приязни крестьян к большевикам была дезавуирована еще в конце девяностых годов, настаивать на неизбежности, – вследствие этого, – наличия в сельской среде симпатий к оппонентам большевиков тоже не приходится. Конфликт большевиков и крестьянства был обусловлен объективным противоречием их социально-хозяйственных презентаций, урегулированным в рамках новой экономической политики и окончательно разрешившимся в процессе коллективизации, а не политическим антагонизмом, которого, – несмотря на навязчивую марксистскую риторику, все еще определяющую характер дискурсивной формации аграрной истории в России, – попросту не могло быть. В самом деле, после того как большевики были вынуждены принять на себя бремя реконструкции социокультурного пространства империи, российское крестьянство уже не могло их не поддержать. Ведь возникнув в качестве продукта государственно-конфессиональной идентичности Руси, крестьяне (как социокультурный феномен) вне государства и его структуры существовать не могут; потому как за пределами огосударствленного геокультурного ландшафта социокультурной ниши для них существовать не может. Это обстоятельство, обрекающее к гибели проекты крестьянской утопии, собственно говоря, и отличает российских крестьян от французских пейзан или американских фермеров, сближая – с китайскими нонгмин (农民), неизменно выступавшими в роли опоры конфуцианской государственности.

Хорошо, идея – на первый взгляд – представляется не слишком убедительной, хотя сомнения в основном связаны с укоренившимся в отечественной традиции представлением о китайском сельском хозяйстве, как о дающем полунищенский доход, по причине низкой производительности труда (*Макаров, 2019*). Впрочем, единственное, что должно смущать в такой оценке, это вопрос о том, почему некоторые исследователи все еще держатся за нелепый тезис об эффективном сельском хозяйстве, как основе деревенских практик. Ведь основная задача собственно «хозяйства» (в отличие от организации и других т.н. хозяйствующих субъектов) состоит в том, чтобы «оставаться на плаву» (*Погозин, Вьюговская, 2019*) на время жизни хозяина (*Там же; Bovet, Strebel, 2019*), в то время как показатели экономического роста остаются для большинства нормальных людей совершеннейшей абракадаброй. При этом всякий раз, когда мы говорим о крестьянском хозяйстве, нужно внятно представлять себе, что труд не является его базовой характеристикой, а скорее – иницирующим ритуалом, санкционирующим в рамках деревенской неформальной иерархии доступ к общественным ресурсам.

В целом, на протяжении всей Второй русской смуты крестьянство оказалось неспособным осознать, сформулировать и отстаивать свои политические интересы. Поэтому социально-классовое определение может

быть применено к нему лишь по «остаточному» принципу, реализованному, в том числе, и в знаменитом пророчестве Платонова. Конечно, академик едва ли предполагал, что рурализация социальной и политической культуры произойдет в России «обратным порядком», через уничтожение собственно крестьянского класса. Впрочем, верность предположений Платонова и сейчас не очевидна, скрытая за трубами фабрик и корпусами спальных районов, она лукаво проявляется в нервической констатации принципиальной немодернизируемости российского социума, упреках в лени и тупости в адрес всех русских, слышных и за рубежом, и дома. В то же время россиянин, взятый поштучно, неплохо образован, смекалист и напорист. Что же с нами не так? Сегодня вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» звучат не менее актуально, чем в XIX в. На первый из них, заданный чекистами более семидесяти лет назад, ответил ввергнутый в узилище академик. Совет относительно метода ответа на второй дан представителем школы П. Бурдые: «Укажите лучше место и дату вашего рождения, профессию родителей и дипломы. Эти простейшие детали помогут нам больше узнать о ваших предполагаемых талантах, чем первое впечатление» (Роже-Пол Друа). А в виде резюме – ироничное замечание Салтыкова-Щедрина: «Как нет мужика – мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался...». То, что Россия – страна крестьянская, справедливо и по сей день. Без учета этого обстоятельства, как и без уяснения того, что «национальная история есть путь к национальному самосознанию» (С.Ф. Платонов), которое собственно и выделяет народы культурные, невозможно ни понимание сути сегодняшних общественных процессов, ни развитие гуманитарного знания.

Источники и литература

1. *Bovet A., Strebel I.* Job done: What repair does to caretaker, tenants and their flats // *Repair work ethnographies: Revisiting breakdown, relocation materiality.* Singapore, 2019. P. 89–127.

2. Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова / сост. Лепехин М.; редкол.: Леонов В. (отв. ред.), Лукин Е., Паниев В., Степашин С., Цамутали А. СПб.: БАН, 1993. LXXIV, 296 с.

3. *Арон П.* Демократия и тоталитаризм / PSc Political Science – Политическая Наука [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.spb.su> (дата обращения: 09.05.2020).

4. *Гиппиус З.* Веселье (Блевотина войны – октябрьское веселье!..) / Зинаида Гиппиус. Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: <https://gippius.com/lib/poetry/veselie.html> (дата обращения: 02.05.2020).

5. *Иоффе Г.* Русский либерал. Премьер-министр временного правительства – князь Львов / Наука и жизнь [Электронный ресурс]. URL: www.nkj.ru/archive/articles/5266/ (дата обращения: 02.05.2020).

6. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1920 гг.: Документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 944 с.

7. Ленин В.И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета 14 мая 1918 г. / Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 327–345.

8. Ленин В.И. Доклад о работе в деревне 23 марта / Полн. собр. соч. Т. 38. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 187–205.

9. Ленин В.И. К истории вопроса о диктатуре (заметка) / Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Издательство политической литературы, 1981. С. 369–391.

10. Макаров Н.П. На великом распутье. Опыт сравнительного анализа сельского хозяйства Китая, Соединенных Штатов Северной Америки, СССР, Западной Европы // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 1. С. 6–21.

11. Митрофанова А., Пивоваров Ю. «74. Князь Георгий Львов» / Лица 1917-го: князь Георгий Львов [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/litsa-1917-go-knyaz-georgiy-lvov.html> (дата обращения: 02.05.2020).

12. Rogozin D.M., Vyugovskaya E.V. Автоэтнография деревенского дома Русского Севера Европы // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 1. С. 98–122.

13. РГВА. Ф. 184. Оп. 9. Д. 5. Л. 16 об.–18.

Д.И. Люкшин

Икенче Рус смутасы контекстында община инкыйлабы

Хэзерге Россия жэмгыятең ижтимагый-мэдэни контекстын бэялэү үз үткэнеңне намуслы рэвештэ тикшерүне күздэ тотта. Бу максат тарихи хэтернең фэнни тикшеренү кырына бэрэп керүе, Ватаныбызда йөз ел элек булган вакыйгаларны житмеш ел дэвамьында мәжбүри идеологик шәрехлэү басымы, авырлыгы белән тагын да кыенлаша. СССР тарихы дискурсы кысаларында Унжиденче ел вакыйгалары хезмэт иялэренең бэйрэме буларак – «Бөек Октябрь социалистик революциясе» мәңгегә «безнең белән» кебек тасвирланды. Фэнни эзләнүләр кырында өстенлек итүче бу караш һәм аны күпчелек реинкарнациялүүләр бу теманы тиешле рэвештэ шәрехлэргә һәм Ватан тарихы дискурсын академик дэрэжэдэ оештырырга мөмкинлек бирми. Мәкаләдэ Икенче рус смутасының альтернатив дискурсын тэкьдир итү омтылышы ясала, аның төп элементы булып община инкыйлабы – элекке империяне бердәнбер ныгытып торучысы вазифасын үтэгән дэүлэт аппаратының рөхсэт биргән шартлардагы массакүләм крестьян хэрэкэте күрсэтелэ. Тарихи парадокс шуңың белән билгелэнэ: Бөек сугыш елларында авыл социумының һәм патша бюрократиясенең аралашу чараларын оптимизациялэүне күздэ тоткан крестьяннарның протест хэрэкэте ахыр чиктэ яңа жэмгыять генерациялэү өчен нигез була.

Ачкыч сүзләр: Икенче рус смутасы, Россия тарихы, крестьяннар, эхлакый икътисад, община инкыйлабы, гаделлек.

D.I. Lyukshin

Community revolution in the context of the Second Russian Troubles

Verification of the socio-cultural context of modern Russian society involves a conscientious study of one's own past. The task, already complicated by the intrusion of historical memory into the field of scientific studies, is also burdened in our society by the seventy-year burden of forced ideological interpretation of the events of a century ago. Within the framework of the discourse Of the history of the USSR, the events of the Seventeenth year were described as a holiday of the working masses – “the Great October socialist revolution” – which “may it remain forever”. This approach and most of its reincarnations dominating the research field do not allow us to adequately interpret and academically organize the discourse of Russian history. The article attempts to present an alternative discourse of the Second Russian turmoil, the key element of which was the communal revolution: a mass peasant movement that played the role of almost the only bond of the former Empire under the conditions of the state apparatus's permission. The historical paradox is determined by the fact that the rural protest movement, aimed at optimizing communication between the village society and the crown bureaucracy during the great war, turned out to be the basis for generating a new society.

Keywords: The second Russian turmoil, the history of Russia, the peasantry, moral economy, communal revolution, justice.

Информация об авторе:

Люкшин Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань); e-mail: 1dlyuksh@kpfu.ru

Люкшин Дмитрий Иванович – тарих фәннәре кандидаты, Казан (Идел буе) федераль университетының Ватан тарихы кафедрасы доценты (Казан шәһәре).

Lyukshin Dmitry I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of national history of the Kazan (Volga) Federal University (Kazan).

«Хорошее обучение одной девушки выгоднее,
чем обучение десяти юношей» (проблемы женского
образования на страницах газеты «Вақыт» в 1906–1918 гг.)

В статье рассматриваются проблемы женского образования среди татар в начале XX в. Ссылаясь на материалы дореволюционной газеты «Вақыт», автор освещает основные вопросы в деле обучения и воспитания женщин, которые были актуальны в начале XX в. В работе анализируются публикации газеты, посвященные разным аспектам женского образования: открытию и деятельности женских школ, содержанию и методическим основам обучения и воспитания татарских девочек и т.д. Особое внимание уделяется аналитическим материалам, где поднимаются проблемы организации обучения женщин, трудности на пути овладения знаниями, социальные проблемы в области гендерных отношений, решение которых также виделось преимущественно при помощи образования.

В работе впервые вводятся в научный оборот источники, освещающие разные аспекты выделенной проблемы.

Ключевые слова: газета «Вақыт», ислам, женщина, джадидизм, женское образование, школы для девочек, воспитание «матерей нации».

Татарская периодическая печать является одним из богатейших источников для изучения жизни татарского общества начала XX в. Она с момента своего возникновения стремилась быть в курсе всех событий, происходящих в среде тюрко-мусульман России и всего мира: освещала проблемы политики, культуры, экономики, развития промышленности, международных отношений и т.д. Татарскую общественность начала XX в. интересовали вопросы, касающиеся обновления общества, и прежде всего реформы образования, промышленно-экономического развития и женской эмансипации. Все эти направления напрямую были связаны и с вопросами женского образования, освещению которых татарские газеты и журналы уделяли большое внимание.

В советское время татарская периодическая печать не была предметом специального изучения при исследовании проблем развития просвещения и истории педагогической мысли татар, в особенности женского образования. Несмотря на это, появился ряд работ, посвященных истории образования в целом и образования женщин в частности. Эти работы имели ярко выраженную идейную направленность, и основное внимание в них уделялось роли партии и советского правительства, и в силу этого авторы, даже если и обращались к источникам досоветского периода, в том числе и к периодической печати, вынуждены были оценивать их с точки зрения правящей идеологии.

В работах конца 70-х гг. прослеживается попытка объективного подхода к изучению материалов прессы. Отдельные статьи татарской периодической печати нашли отражение в трудах Я.Г. Абдуллина, исследовавшего татарскую просветительскую мысль (*Абдуллин, 1976*). Р.У. Амирханов считается одним из первых авторов, наиболее полно изучивших историю развития татарской периодической печати начала XX в. Многочисленные материалы татарских газет и журналов им были использованы и при изучении проблем истории татарского просвещения (*Амирханов, 1988; Әмирханов, 1997*). Диссертационная работа Н.А. Вагапова посвящена исследованию проблем образования и воспитания в татарской периодической печати начала XX в. Автор, ссылаясь на многие периодические издания, такие как «Мәктәп», «Мөгаллим», «Тәрбия», «Шура» «Әль-ислах», «Вақыт» и многие другие, изучает историю татарского просвещения начала XX в. (*Ваганов, 2006; Ваганов, 2010*).

Вопросы истории женского образования наиболее ярко нашли отражение в работах А.Х. Махмутовой. Помимо многочисленных архивных источников, в этих работах автор активно использует и статьи периодической печати (*Махмутова, 1982; Махмутова, 2012*). Следует выделить также работы Т.А. Биктимировой, вернувшей ряд забытых имен татарских женщин, внесших вклад в развитие просвещения не только татар, но и других тюркских народов (*Биктимирова, 2001; Биктимирова, 2006*). Этими авторами изучены огромное количество статей из периодической печати начала XX в. при освещении проблем женских школ, деятельности отдельных просветительниц и педагогов. Кроме того, имеются статьи, посвященные изучению проблемы женского образования у татар на примере отдельных периодических изданий начала XX в. Так, в статье Д.С. Галихужиной рассматривается проблема освещения женского образования на страницах журнала «Шура» (*Галихужина, 2010*).

Вместе с тем следует отметить недостаточную изученность публикаций газеты «Вақыт», посвященных проблемам развития мусульманского женского образования в начале XX в. Многие материалы газеты до сих пор остаются вне поля зрения исследователей, изучающих проблему женского образования и истории татарского просвещения в целом.

Целью данной статьи является изучение основных проблем в области женского образования у татар начала XX в. на основе материалов одного из прогрессивных дореволюционных периодических изданий на татарском языке – газеты «Вақыт», издававшейся в Оренбурге в 1906–1918 гг.

На страницах татарских газет и журналов начала XX в. обсуждались многие проблемы и задачи в области народного просвещения, отражались усилия, прилагаемые для их разрешения, успехи и неудачи в этом деле. Особое внимание уделялось освещению деятельности новых джадидских школ и мугаллимов (учителей мусульманских школ). Вопросы женского образования среди татар как части системы национального образования – сравнительно нового направления в татарской педагогике начала

XX в., воспитание и обучение девочек – «будущих матерей нации» – было делом первостепенно важным для народа. В то же время образование женщин рассматривалось как важная составная часть женского вопроса, заключающегося также в решении проблемы положения женщины в обществе и семье – охраны материнства, гендерного равенства, путей освобождения женщины от угнетения – проблем, актуальных для всего российского общества начала XX в.

Женский вопрос, проблемы женского образования поднимались, в первую очередь, в средствах массовой информации, предназначенных для женщин, – в журнале «Сююмбике», в газете «Сибирия», одним из редакторов которой была первая в истории татарской прессы журналистка и педагог Ф.-Ф. Вагапова-Наврзуова, а также в газете «Тормыш». В газете «Сибирия» существовала специальная рубрика – «Хатын-кыз дөнъясы» («Мир женщины»), где печатались материалы, посвященные различным аспектам вопроса – правовому положению татарской женщины, деятельности татарских женских школ и отдельных учительниц и т.д., публиковались письма самих женщин, которые, оставшись в силу разных причин в трудном положении, просили совета, помощи и моральной поддержки или же делились личным опытом (*Сибирия*, 1912, 18 август). В журнале «Сююмбике» разворачивались дискуссии на разные темы, в которых участвовали авторы-женщины, известные педагоги, учительницы и руководительницы школ для девочек, такие как Багбостан Мукминова, Магруй Музаффария, Камиля Музаффария, печатались статьи о деятельности школ для девочек, о курсах для преподавательниц, о состоянии дела обучения женщин в России и других странах, а также публиковались методические материалы по обучению и воспитанию девочек (см.: Русиядә хатыннар хәрәкәте // *Сөембикә*, 1913, №1; Балтачиева Камәрбану // *Сөембикә*, 1914, №12; Сөләймания Ф. // *Сөембикә*, 1915, №14–15; Мозаффария Камилә // *Сөембикә*, 1915, №13; Мозаффария Маһруй // *Сөембикә*, 1914, №11; Хөсәен З. // *Сөембикә*, 1914, №1; Тәһранда кызлар мәктәбе // *Сөембикә*, 1913, №1).

Педагогические периодические издания, такие как «Мәктәп», «Тәрбия», познакомили своих читательниц с деятельностью отдельных женских школ, публиковали материалы о семейном воспитании, об особенностях воспитания девочек (*Мәктәп*, 1913, №8).

Другие издания (журналы «Аң», «Шура», газеты «Кояш», «Вақыт» и др.) также не оставались в стороне в деле освещения проблемы женщин и женского просвещения. Авторы журнала «Шура», около двадцати пяти статей которого посвящены проблемам женского образования (*Галихузина*, 2010, с.60), волновал вопрос повышения «качества матерей» – будущих «матерей нации», а его решение, по мнению авторов издания, зависело прежде всего от качества женского образования: «Если мы хотим, чтобы наша нация развивалась, чтобы наши дети были счастливыми, мы не должны запрещать дочерям учиться, а должны как можно больше способствовать получению ими образования» (*Шура*, 1915, № 12).

Одной из самых активных в плане освещения проблемы женского образования у татар, пожалуй, была газета «Вақыт», издававшаяся братьями Рамеевыми. Редактором газеты был известный татарский журналист, общественный деятель и просветитель Фатих Карими, получивший образование в России и за рубежом. На страницах своей газеты он обращал пристальное внимание вопросам просвещения не только татар, но и других мусульманских народов.

Газета отличалась разнообразием тем и в плане освещения проблем женского образования. Материалы газеты по этой тематике целесообразно было бы рассматривать в следующих направлениях:

- история создания и деятельность мусульманских женских школ Казанской, Оренбургской, Уфимской, Пермской и других губерний, Сибири, Туркестана и казахских степей;
- женское образование у других народов России и мира;
- методические основы и содержание обучения и воспитания татарских девочек;
- организация внеурочной деятельности в школах для девочек;
- учебно-методическое обеспечение школ для девочек;
- открытие женских ремесленных школ и курсов, национальных гимназий;
- подготовка педагогических кадров для мусульманских женских школ;
- жизнь и просветительская деятельность педагогов-женщин (биографии, выступления, статьи, путевые заметки и т.д.);
- вклад отдельных благотворителей и мусульманских женских благотворительных обществ в развитие женского образования у татар;
- проблемы в деле обучения и воспитания женщин и др.

Остановимся на некоторых из них подробнее. С первых номеров газеты в ней публикуются статьи информационного характера, в которых рассказывается об открытии школ для девочек в разных городах и других населенных пунктах России, о численности учащихся, преподавательницах, педагогическом коллективе, сообщается о тех лицах, благодаря материальной и моральной поддержке которых стала возможной организация того или иного учебного заведения.

Материалы, освещающие деятельность действующих школ, составляют довольно большую часть. В них затрагивается история открытия школ, подробно говорится о педагогическом коллективе, о числе и составе учениц, о преподаваемых дисциплинах, также освещаются некоторые проблемы в деле обучения в отдельно взятом учебном заведении и т.д. Многие из этих публикаций являются ценными источниками при изучении данной темы, так как содержат информацию, которая отсутствует в других источниках. Из статьи «Кызлар укыту» («Обучение девочек»), например, узнаем, что школа для девочек Фаизхановой была открыта в 1903 г. с семью ученицами, в 1910 г. в школу было принято 75 девочек; до

этого в ней обучали две преподавательницы, в последнем учебном году педколлектив пополнился еще одной учительницей – Мадиной Терегуловой. В другой школе, открытой в 1906 г. под руководством Ахметзяна Мустафина, из-за нехватки места в 1910 г. было принято лишь 45 учениц, в результате многие девочки, изволившие желание получить образование в ней, остались вне охвата обучением (*Вақыт*, 1910, 5 октябрь).

Газета освещает деятельность татарских женских школ не только населенных пунктов с компактным проживанием тюрко-мусульманского населения центральных областей России, таких как, например, Казань, Оренбург, Уфа, Челябинск, но и городов и сел периферии. Много материалов, посвященных делу обучения девочек в таких местностях, как Семипалатинск, Казалинск, Соль-Илецк, Алма-Ата и др.

В одной из таких статей, посвященных открытию школы для девочек в Семипалатинске, описывается торжество, в котором участвовали и выступали с речью имам прихода Акрам-хазрат и его соратники. Участникам торжества, большинство которых составляли родители будущих учениц, был представлен к сведению план работы школы, который, кроме самого процесса обучения, включал и мероприятия, направленные на организацию летнего отдыха девочек («в один из летних дней организовать гуляние на пароходе на средства школы»), открытие библиотеки и т.д. Такого рода мероприятия были довольно новым явлением в деятельности женских школ. Попечителями школы были избраны баи Хамидов и Гарифуллу Тухватуллин (*Вақыт*, 1910, 4 ноябрь).

Газета «Вақыт» как одна из прогрессивных татарских периодических изданий начала XX в. много внимания уделяла освещению передового педагогического опыта. На страницах газеты периодически печатались материалы о практике по введению нового звукового метода обучения письму и чтению, новых предметов, связанных с открытием джадидидских школ. Женское образование у татар как часть организованной системы национального образования имело не очень большую историю: до начала 60-х гг. XIX в. не существовало женских школ в виде мектебов и медресе при мечетях (*Мир Ислама*, 1913, т. II, вып. X, с.670), женские школы функционировали в формате пунктов домашнего обучения (*Аминова*, 2005, с.70): мусульманские девочки получали уроки у остазбики или абыстая (жены приходского имама), которые она давала у себя дома, и ограничивались эти уроки в основном обучением основам ислама и чтению. Появление новометодных женских школ было связано с джадидизмом.

В новых джадидидских школах преподавателями выступали учительницы – мугаллимы, которые старались организовывать учебный процесс, опираясь на практику мужских школ и женских русских и русско-татарских школ. Очень часто татарские учительницы изучали и перенимали опыт школ других мусульманских народов и старались делиться им с читателями, значительную часть которых составляли учителя. Таким образом, татарские газеты, в том числе и «Вақыт», выступали в роли акту-

альной учебно-методической литературы. Так, на страницах газеты появились статьи татарских учительниц и руководительниц школ о состоянии обучения в женских школах разных стран, которые они посетили с целью изучения их передового опыта. Например, известный педагог, руководительница школы для девочек в Оренбурге Багбостан Мукминова на страницах татарской периодической печати опубликовала серию статей о своем пребывании в Турции и об изучении турецких женских школ. Некоторые из них увидели свет в газете «Вақыт» (*Вақыт*, 1914, 25 июнь).

Говоря о педагогической деятельности Б.Мукминовой, необходимо подчеркнуть, что она уделяла очень много внимания вопросам обустройства школ, приближению их к новым, современным стандартам. Например, в 1910 г. она сняла для своей школы большую трехкомнатную квартиру на Покровской площади в Оренбурге и одну из комнат выделила для девочек, поступивших в школу из разных уездов. Таким образом, Багбостан-ханум одной из первых среди руководительниц татарских женских школ предложила свой вариант решения проблемы жилья для учениц, т.е. общежития. Как отмечается в заметке «Кызлар укыту» («Обучение девочек»), благодаря такому решению вопроса и родители девочек могли не беспокоиться за них (*Вақыт*, 1910, 30 сентябрь).

Еще один блок материалов газеты составляют статьи, посвященные проверке знаний, т.е. проведению переводных и выпускных экзаменов – сравнительно нового явления не только для женских, но и для мужских татарских школ, перенявших опыт проведения экзаменов из практики русско-татарских школ. Женские школы опирались на опыт новометодных мужских школ, но имели свои особенности, связанные, в первую очередь, с проведением мер, способствовавших привлечению внимания общественности к этим школам и их проблемам. Во-первых, это касалось публичности экзаменов, т.е. к ним допускались все желающие, иногда не имеющие никакого отношения к школе и ученицам. Это были, кроме родителей девочек и поддерживающих образованную молодежь представителей местной интеллигенции, просто интересующиеся всеми новшествами в татарском обществе люди. Однако, как видно из публикаций газеты, если в первое время к экзаменам был открыт доступ для всех желающих, то со временем была разработана своеобразная система, которая позволяла посещать эти мероприятия только по специальным пропускам (она практиковалась в наиболее крупных, известных школах). Это было связано с тем, что педагогическое сообщество пришло к выводу о нецелесообразности проведения публичных экзаменов, так как большое скопление людей, во многих случаях далеких от педагогического процесса, негативно влияло на психику подростков, создавало определенные трудности сосредоточения при выполнении экзаменационных заданий (*Вақыт*, 1915, 22 август).

Во-вторых, привлечению внимания общественности служили и организованные в рамках экзаменов выставки ручных работ, выполненных ученицами в течение учебного года на уроках рукоделия и во внеурочное

время. Так, в школе для девочек в Казалинске, открытой в 1914 г. Садретдином Сайфульмулюковым, после успешной сдачи экзаменов 26 апреля 1915 г. была организована выставка ученических работ, с которыми могла ознакомиться женская часть населения, в том числе матери, сестры учениц и другие местные женщины, а 1 и 2 мая было решено открыть доступ к этой выставке и мужчинам. К работам проявили интерес и представители других национальностей, учительницы русских школ (*Вакыт*, 1915, 8 май). Такой же опыт наблюдался и в школе для девочек Гаухар Рамеевой в Каргалинской слободе. После окончания экзаменов, проходивших 3–6 мая, где особый успех ученицы показали по русскому языку, недавно введенному в программу школы, разрешили и мужчинам посетить выставку, где были выставлены платья, пуховые шали и косынки, вязаные носочки, вышитые полотенца, одеяла, картины, выполненные воспитанницами школы и т.д. (*Вакыт*, 1914, 8 май). Таким образом, публичные экзамены и выставки служили повышению интереса к ручному труду, популяризации и распространению различных новых видов вязания, шитья и других женских видов рукоделия среди населения. Проведение выставок было выгодно и с материальной стороны: присутствующим создавалась возможность приобретения изделий, приготовленных силами учениц за определенную плату, что способствовало поддержанию материального положения и учениц, и учительниц, также и школы.

В связи с этим хотелось бы обратиться к опыту женских школ и в плане проведения трудового обучения, которое также активно освещалось на страницах газеты «Вакыт».

Если в первую пору рукоделием занимались во внеурочное время, то позже оно было включено в качестве самостоятельного учебного предмета в программу женских школ. В школе Б.Мукминовой, преобразованной в 1914 г. в семилетнюю, во всех классах, кроме первых и вторых классов начальной школы, три раза в неделю проходили уроки ручного труда (*Вакыт*, 1915, 22 август). Благодаря такой постановке вопроса школа решала несколько задач: формирование художественного вкуса и подготовка будущих матерей – хранительниц домашнего очага, которым прививались навыки и мастерство самостоятельного изготовления одежды всем членам семьи. Однако, судя по материалам газеты, среди родителей находились и те, кто ставил уроки рукоделия выше, чем само обучение и отдавали своих дочерей в школы, преследуя в первую очередь эту цель, т.е. обучение рукоделию. При этом многих не устраивало то, что в школах предпочтение отдавалось обучению «не совсем нужным и, к тому же, затратным», по их мнению, видам ручных работ – плетению кружев, вышиванию салфеток и полотенец и др. Как пишут родители девочек, было бы целесообразнее обучать их более нужным в жизни каждого человека, и семьи в том числе, видам рукоделия – пошиву платьев и рубашек, вязанию (*Вакыт*, 1911, 29 март).

Необходимость налаживания дела обучения ремеслам девочек была определена и отсутствием среди татар хороших портных, умеющих шить женскую одежду, отвечающую требованиям современной моды, в результате чего все больше татарок обращалось к профессиональным швеям других национальностей, что приводило к оттоку капитала. Общественность видела решение проблемы в организации специальных учебных заведений, курсов и мастерских, где могли бы получить образование татарские девушки (*Там же*).

Получение татарскими женщинами профессионального образования по разным направлениям – это была одна из актуальнейших проблем татарского общества, которая находила освещение на страницах газеты. Основы для подготовки кадров для разных отраслей производства среди женщин, получения профессий, обучения в средних и высших учебных заведениях должны быть заложены в школах для девочек. На это указывали наиболее прогрессивная часть населения, сами педагоги женских школ. Так, в мероприятии, посвященном экзаменам в школе Г.Рамеевой, учительницей русского языка Аминой-ханум Габдрахмановой была затронута проблема необходимости продолжения обучения выпускницами женских школ: «Сегодня есть острая необходимость в подготовке мусульманок разным профессиям, особенно востребованы профессии врача, акушерки, фельдшерицы. Настало время, когда нельзя ждать только от мужчин. Необходимо самим, взявшись за руки, выходить на арену» (*Вакыт*, 1914, 9 май).

Газета уделяет внимание материалам, рассказывающим об организации и проведении внеклассных, внеурочных мероприятий в школах для девочек. Литературные вечера, вечера поэзии (в основном, в формате мероприятий, посвященных памяти татарского поэта Габдуллы Тукая), вечера, организованные в связи с религиозным праздником («Бэраэт кичэсе», «Мәүлид кичэсе»), «детские утренники» – сравнительно новые явления в истории татарских школ – вызывали интерес не только у людей, причастных к делу обучения и воспитания, но и у широкой общественности (*Вакыт*, 1910, 8 август; *Вакыт*, 1915, 3 гыйнвар; *Вакыт*, 1915, 27 гыйнвар).

Общеизвестно, что в периодических изданиях начала XX в. достаточно большая роль отводится аналитике. Аналитические публикации на тему необходимости обучения женщин, обустройства дела обучения, формирования нового взгляда на обучение и воспитание девочек и многие другие становились предметом обсуждения во многих газетах, в том числе и в газете «Вакыт». Помимо обзорных статей, написанных представителями интеллигенции, газета обращала пристальное внимание заметкам, просьбам и письмам своих читателей. В разные годы существования на страницах газеты находили отражение публикации, написанные женщинами, где они старались обращать внимание редакции и широкой общественности на свои проблемы, просили совета или помощи. Такие письма приходили из разных уголков России. Так, в письме, написанном воспитанницами школы для девочек из Казалинска в 1906 г., авторы затрагивают актуаль-

ные проблемы в деле обучения девочек о пересмотре целей и задач женского воспитания. Речь идет о необходимости обучения девочек письму, которому до этого не обращалось внимания; о необходимости привлечения в школы прогрессивных учительниц, вооруженных новыми знаниями, отвечающих требованиям современности, хорошо знающих методику преподавания. Авторы письма поднимают проблему воспитания в своем лице «матерей нации»: несмотря на 15 лет своего существования, школа не смогла воспитать ни одну настоящую мать, которая, по их мнению, смогла бы прививать своим детям основы воспитания в духе нового времени. Девушки просят назначить в школу еще одну преподавательницу, а оплатить ее труд предлагают из средств, которые, по их мнению, можно было бы собрать у известных «отцов города», т.е. более зажиточной части населения (*Вакыт*, 1906, 13 июнь).

Другая важная проблема касается охвата учениц обучением. Желание все большего количества женского населения обучаться, столь радовавшее авторов газеты, и неспособность действующих школ охватить всевозрастающее количество учащихся порождали проблему нехватки мест в учебных заведениях, в результате чего девочки вынуждены были возвращаться к прежним учительницам в лице абыстаев, обучающихся по своему усмотрению и без каких-либо методик, по старому методу. Открытие новых школ не всегда было возможным, прежде всего из-за материальных трудностей (отсутствие или нехватка средств и благотворителей, желающих вкладывать свои средства на обучение женщин). Например, такая ситуация в 1910 г. создалась и в школе Ф.Аитовой, которая впоследствии была преобразована в первую в России мусульманскую женскую гимназию. В эту частную женскую школу, которая получила известность среди мусульманской общественности Казани, несмотря на всего лишь годичную историю, в том году было принято только 80 учениц, все остальные абитуриенты остались вне охвата школы (*Вакыт*, 1910, 5 октябрь). Сам факт роста сознания татарских женщин, которые хотят получить образование, соответствующее новым реалиям жизни, радует передовую часть населения. Однако проблемы материального плана, учебно-методического и кадрового обеспечения, вопросы, связанные с нежеланием некоторой, наиболее отсталой, части населения отдавать своих дочерей в школы, где преподаются, помимо религиозных предметов, светские дисциплины, такие как история татар, русский язык, морфология и синтаксис татарского языка, «совсем ненужные» им, которые воспринимались как «вредные для их дальнейшей жизни», создавали совсем иную картину, которая нуждалась в срочном решении. Такая ситуация наблюдалась и со школой для мусульманских девочек, открытой в Новой Татарской слободе Казани, которая была закрыта в 1910 г. именно по этой причине.

Редакция газеты много внимания уделяет разбору писем из разных уголков страны, где авторы, среди которых встречаются преподавательницы и ученицы татарских школ, поднимают проблему недооценки важ-

ности и необходимости обучения женщин разными слоями населения. В одной из таких объемных публикаций под названием «Хатын-кыз мәктүбләреннән» («Из писем женщин»), состоящей из нескольких частей, представлены письма, адресованные редактору и ответы на них со стороны редакции. В статье поднимаются разные, на первый взгляд, вопросы, но по сути относящиеся к одной и той же проблеме. Ученицы женских школ пишут о своем наболевшем, о своем видении проблем и предполагаемых путях их решения. Это говорит о том, что они уже не сомневаются в необходимости получения образования, хорошо понимают, что пришло время, когда нужно стремиться к получению профессии, тем не менее поднимают проблему, обращая, таким образом, внимание к ней той части населения, которая все еще относится с недоверием к школам для девочек.

В первом письме поднимается проблема недооценки женского образования в татарском обществе. Оно написано ярким, образным языком. Интересно письмо и потому, что его автор пытается осмыслить и озвучить проблему в сравнении: «Почему русские наши соотечественники обучают своих дочерей в хороших городских школах, гимназиях, некоторые из них, не довольствуясь только этим, отправляют их в высшие учебные заведения, даже в Европу? Наши же отцы не открывают для нас ни одной даже элементарной человеческой школы; русские тратят все свое богатство на то, чтобы обучать девочек, а наши отцы вовсе не придают значения своим дочерям. Как вы думаете, разумно ли поступают наши отцы? Или тут есть другой секрет?»

Философское размышление над проблемой наблюдается и в ответе на письмо: «Истина одна и состоит она в защите своего права на жизнь на земле. А защита прав человека возможна только при помощи знаний и образования. Необразованные люди не могут сражаться и защищать себя». По мнению редакции, образование и знания необходимы всем женщинам, независимо от их национальности и вероисповедания: «Как же не должны не понадобится знания Фатиме или Гайше для нормальной жизни на земле, когда они нужны Марии, которая живет в том же городе, на той же улице, что и они?! Правила жизни одинаковы для всех». Далее журналист поднимает проблему гендерного равенства: «У нации, где женщины необразованы и небрежны, и мужчины недальновидны; притеснение прав женщин приводит к бесправию и мужчин. Именно поэтому невежество и бескультура нации затормаживает ее дальнейший прогресс. Если учитывать то, что производителями нации являются матери, и девочки, и мальчики получают начальное образование и воспитание у матери, сложно предположить, что из воспитанных необразованными, невежественными матерями вырастут отважные, самоотверженные люди» (*Вақыт*, 1911, 20 гыйнвар).

Если раньше проблема обучения женщин волновала передовую часть населения, просветителей, и, прежде всего, мужчин, то к началу 1910-х гг.

женщины уже сами начинают осознавать суть проблемы. Их волнует не только необходимость обучения, но и отсутствие нормальных школ и хороших учительниц, учебников и программ, т.е. они уже видят проблему изнутри. В другом письме упоминается, что в Каргалинской слободе, которая известна своими мужскими медресе, богословами и благотворителями, образованию женщин уделяется очень мало внимания. Несмотря на то, что, по словам Бибигафифы Габдуллатиповой, за последние 4–5 лет все же построили для девушек 3–4 школы, пользы от них мало, так как нет ни хорошей методики, ни толковых преподавательниц. «Учительница, которая преподавала в прошлом году, уехала; по ее примеру в своем доме начала обучать дочь Хайруллы-хазрата Нафиса-ханум, но, к сожалению, ее обучение доступно только девочкам из богатых семей». Автор письма недоумевает, что «в мусульманском селении с 10 приходами нет ни одной начальной школы, в которой обучались бы девушки!» (*Там же*).

В письме, написанном Н.-ханум из Сибири, поднимается проблема необходимости усовершенствования содержания школ, в первую очередь, в плане налаживания дела воспитания; по мнению автора, существующие школы, к сожалению, пока не способны производить «будущих матерей нации». Автор хорошо понимает важность материнского воспитания, однако не винит сегодняшних мам, которые в свое время сами не получили должного воспитания и поэтому им неподвластно подобающее воспитание своих детей. Здесь необходимо отметить, что автор не ставит под сомнение нравственное воспитание в семье, которое у татар поставлено довольно грамотно и имеет многовековую историю и налаженную систему. Под воспитанием в данном случае она подразумевает умственное воспитание, соответствующее современным реалиям. По мнению Н.-ханум, современная школа обязана воспитывать будущих матерей: «Женщина – это половина нации. Судьба скольких девушек сегодня остается в руках необразованных абыстаев, и это ничуть не волнует их родителей! Вот чему надо удивляться! Хорошее обучение одной девушки выгоднее, чем обучение десяти юношей. Потому что девочка – это будущая жена и мать; став матерью, она должна будет освещать всю семью своей образованностью и просвещением, давать не только своим, но и детям своих соседей прекрасное воспитание – ее дом должен превратиться в полезную школу» (*Там же*). Таким образом, авторы статей и редакция газеты проводят мысль о том, что будущее нации зависит от роли женщины в обществе.

Появление такого плана публикаций говорит не только о повышении роли женщин в жизни общества, но и о росте их самосознания и гражданской позиции. Статьи, где татарские женщины рассказывают о своем бесправном положении, о желании бороться за свои права, в первую очередь за право на образование, публиковались во многих средствах массовой информации, в том числе и в газете «Вақыт». Письмо Загиды Бурнашевой

(«Гыйффэт туташ»), вынужденной уйти из родительского дома из-за разногласий относительно взглядов на жизнь, впервые была напечатана в газете «Вақыт». Девушка призвала общественность защитить себя и многих других татарских девушек в ее лице: «Рассказывая на страницах печати, каким бесчеловечным оскорблениям и преследованиям я подверглась, призываю нацию защитить свою дочь, испытавшую столько мучений на пути к образованию» (*Вақыт*, 1915, 6 сентябрь). В номере за 19 сентября того же года в газете была опубликована другая заметка З.Бурнашевой, в которой она благодарила людей, материально и морально поддержавших ее в трудную минуту (*Вақыт*, 1915, 19 сентябрь).

К этой тематике очень близки публикации (где-то они и пересекаются), в которых авторы поднимают проблему неравенства между мужчинами и женщинами, бесправия женщин, которая связана, прежде всего, с низким уровнем их образования, также невозможностью получения или продолжения образования вследствие их неравного положения в семье. Так, в письме девушки по имени Сахибжамал из Уфимского уезда от 8 марта 1908 г. говорится о выдаче ее, вопреки желанию, за нелюбимого, в результате чего она была не только оторвана от своего любимого дела – обучения девочек, но и была недалеко от суицида. Женщина призывает отцов девушек прислушиваться к мнению и желанию своих дочерей (*Вақыт*, 1908, 8 март). Большинство авторов статей, посвященных женской проблематике, решение многих социальных проблем в жизни женщин видят в их обучении.

Таким образом, вопросы женского образования, обсуждаемые в газете «Вақыт», были одним из самых актуальных. Газета проводила мысль о важности и необходимости женского образования, прежде всего потому, что от уровня образованности и воспитанности женщины зависит будущее нации, так как основным призванием женщины является воспитание нового поколения. От уровня образованности женщины зависело и то, насколько она могла участвовать в жизни своей семьи, народа и страны.

Изучение проблем образования, которые нашли отражение в татарской периодической печати дореволюционного периода, в том числе и в газете «Вақыт», имеет большое значение для исследования истории мусульманского женского образования и народного просвещения в целом.

Источники и литература

1. *Абдуллин Я.Г.* Татарская просветительская мысль. Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. 319 с.
2. *Аминова Л.Я.* История женского образования в Башкирии. Вторая пол. XIX – начало XX в. Уфа: РИО РУНМЦ ОМ РБ, 2005. 186 с.

3. *Амирханов Р.У.* Татарская демократическая печать (1905–1907 гг.). М.: Наука, 1988. 191 с.
4. *Әмирханов Р.* Иманга тугрылык. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 384 б.
5. *Багбостан.* Сәяхәт хатирәләре (Истанбулдан мәктүб) // *Вакыт.* 1914. 25 июнь.
6. *Балтачиева Камәрбану.* Русча уку турында // *Сөембикә.* 1914. №12. Б. 12–15.
7. Бәхетсез татар кызына // *Сибиряк.* 1912. 18 август.
8. *Биктимирова Т.Ә.* Татар хатын-кызлары мәгърифәт юлында. Казан: 2001. 140 б.
9. *Биктимирова Т.Ә.* Ил язмышын салып иңнәренә. Казан: «Алма-Лит», 2006. 239 б.
10. *Бурнаш Заһидә (Гыйффәт).* Мәрхәмәт наменә бер үтенеч // *Вакыт.* 1915. 6 сентябрь.
11. *Ваганов Н.А.* Проблемы образования и воспитания в татарской лериодической печати (1907–1916 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Казань, 2006. 29 с.
12. *Ваһанов Н.Ә.* Татар вакытлы матбугатында мәгариф һәм тәрбия мәсьәләләренә чагылышы (1907–1916 еллар). Казан, 2010. 188 б.
13. *Галихузина Д.С.* Проблема женского образования в освещении журнала «Шура» (1908–1917 гг.) // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки.* 2010. Т.152. Кн.1. С. 58–65.
14. *Госманлы Исмагыйль.* Бәраәт бәйрәме // *Вакыт.* 1910. 8 август.
15. *Гыйффәт З.* Гыйффәт туташ мәктүбә // *Вакыт.* 1915. 19 сентябрь.
16. «Дар-уль-муаллиминь» и «Дар-уль-муаллиматъ» в Уфе // *Мир Ислама.* 1913. Т.II. Вып.X. С. 670.
17. *И.* Каргалыда Гәүһәр ханым Рәмиева мәктәбе // *Вакыт.* 1914. 8 май.
18. Казалыда укучы кызлардан аталарына ачык хат // *Вакыт.* 1906. 13 июнь.
19. *Калмаканов С.* Семипалатта кызлар мәктәбе // *Вакыт.* 1910. 4 ноябрь
20. *Камалия З.* Мөгаллимәләр дикъкатенә берничә сүз // *Мәктәп.* 1913. №8. Б.211–212.
21. Каргалыда Гәүһәр ханым Рәмиева мәктәбе // *Вакыт.* 1914. 9 май.
22. «Кардәш». Ташкентта балалар иртәсе // *Вакыт.* 1915. 27 гыйнвар.
23. Кызлар укыту // *Вакыт.* 1910. 30 сентябрь.
24. Кызлар укыту // *Вакыт.* 1910. 5 октябрь.
25. Кызлар өчен кул һөнәрләре // *Вакыт.* 1911. 29 март.
26. *Махмутова А.Х.* Становление светского образования у татар: борьба во круг школьного вопроса (1861–1917). Казань, 1982. 96 с.
27. *Мәхмүтова А.Х.* Вакыт инде, без дә торыйк... (Жәдитчелек һәм хатын-кызлар хәрәкәте формалашу): очерклар. Казан: Татар.кит.нәшр., 2012. 366 б.
28. *Мозаффария Камилә.* Төркестанда татар ханымнары // *Сөембикә.* 1915. №13. Б. 6–8.
29. *Мозаффария Маһруй.* Мөгаллим вә мөгаллимәләргә ачык хат // *Сөембикә.* 1914. №11. Б. 19.
30. Мөселман кызларының хәлендән // *Вакыт.* 1908. 8 март
31. *Назыйфа Х.* Кыз балаларны яшьли укудан алу // *Шура.* 1915. №12. Б. 373.

32. Оренбург хәбәрләре // Вақыт. 1915. 22 август.
33. Русиядә хатыннар хәрәкәте: (хатыннар образованийесе) // Сөембикә. 1913. №1. Б. 17–18.
34. *Мирхәбиб Сәлахетдинов*. Казалы // Вақыт. 1915. 8 май
35. *Сөләймания Ф.* Мәктәпләремез // Сөембикә. 1915. №14–15. Б. 13–14.
36. Тәһранда кызлар мәктәбе // Сөембикә. 1913. №1. Б. 17–18.
37. *Фәхретдинова Мәрьям*. Казалы кызлар мәктәбендә әдәбият кичәсе // Вақыт. 1915. 3 гыйнвар.
38. Хатын-кыз мәктүбләреннән // Вақыт. 1911. 20 гыйнвар
39. *Хөсәен З.* Дарелмөгаллимат // Сөембикә. 1914. №1. Б. 12.

Л.Р. Муртазина

**«Бер кызны яхшы укыту ун ир бала укытудан да файдалырактыр»
(хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләренен 1906–1918 елларда
«Вақыт» газетасы битләрендә яктыртылышы)**

Мәкаләдә XX гасыр башында татарлар арасында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре яктыртыла. «Вақыт» газетасында дөнья күргән материалларга нигезләнеп, автор XX гасыр башында хатын-кызларга белем һәм тәрбия бирүнең үзенчәлекләренә туктала, аңа хас булган төп билгеләрне аерып күрсәтә. Мәкаләдә хатын-кыз мәгарифенең төрле аспектына хас булган проблемаларга багышланган язмалар тикшерелә, хатын-кыз мәктәпләре ачылу һәм аларның эчтәлеге, кыз балаларны укыту һәм тәрбия бирүнең методик нигезләрен яктырткан мәкаләләргә анализ ясала. Хатын-кыз мәгарифенең әһәмияте, аны оештырудагы каршылыklar һәм авырлыklar, мөселман хатын-кызларының яшәеше һәм социаль активлыгы үсү һ.б мәсьәләләргә багышланган аналитик материалларга зур игътибар бирелә.

Мәкалә әлеге темага караган, «Вақыт» газетасында дөнья күргән, ләкин киң фәнни әйләнешкә кермәгән чыганаclarга нигезләнеп язылган.

Ачкыч сүзләр: «Вақыт» газетасы, мөселман мәгарифе, хатын-кыз, жәдит-челек, хатын-кыз мәгарифе, кызлар мәктәбе, «милләт аналары» тәрбияләү.

L.R. Murtazina

**«A good training of one girl is more profitable than training of ten young men»
(Coverage of the problems of female education
in the newspaper «Vakyt», 1906–1918)**

The article considers the problems of female education among the Tatars at the beginning of the 20th century. The author writes about the main issues in the training and education of women that were relevant at the beginning of the twentieth century. The article analyzes the publications of the newspaper «Vakyt» («Time»), devoted to various aspects of women's education: the opening and activities of women's schools, the content and methodological foundations of teaching and raising of Tatar girls, etc.

Particular attention is paid to analytical materials which raise the problems of organization of women's education, difficulties in obtaining knowledge, and social problems in women's lives. The solution to all these problems depended on the arrangement of the training.

This paper for the first time introduces sources that cover different aspects of the selected problem.

Keywords: newspaper «Vakyt», Islam, woman, Jadidism, female education, schools for girls, education of «mothers of the nation».

Информация об авторе:

Муртазина Ляля Раисовна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: lyalyamur@mail.ru

Муртазина Ләлә Рәис кызы – педагогика фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының Милли мәгариф тарихы һәм теориясе үзәге әйдәп баручы фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Murtazina Lyalya R. – Candidate of Pedagogical Sciences, Leading Scientific Researcher, Center of History and Theory of the National Education, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Земские аптеки Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Лекарственное обеспечение жителей Казанской губернии стало одной из задач земских организаций, решавших во второй половине XIX – начале XX в. задачу доступности медицинской помощи для крестьянского населения. Исследование посвящено истории становления, развития и деятельности земских аптек в условиях российской провинции.

Ключевые слова: лекарственная помощь, земские аптеки, аптекари, история фармации, Казанская губерния.

На протяжении многих веков система здравоохранения оставалась одной из самых важных сторон жизнедеятельности общества. Значительное место при этом занимало обеспечение населения лекарственными средствами. Сегодня одним из важнейших является вопрос о функциях аптек: или решение важной социальной проблемы по обеспечению населения лекарственными препаратами, или коммерческая прибыль? Ответ на этот вопрос искали общественные организации до революции 1917 г., является он актуальным и в наши дни. Изучение исторического опыта, в том числе учет регионального компонента проблемы, необходимо для организации эффективной системы фармацевтической помощи населению.

Исследователи, посвятившие свои работы изучению проблем земской медицины в Казанской губернии в пореформенный период, затрагивали вопрос о развитии земских аптек лишь фрагментарно, сосредоточив основное внимание на врачебном обслуживании населения. Такой подход характерен как для дореволюционного (Моллесон, Петров, Щербаков, Брод, Голубев), так и для советского (Трейман) и постсоветского (Зыятдинов, Павлухин, Миронова, Морозова) периодов развития исторической мысли.

Медицинское обслуживание жителей уездов, включая лекарственное обеспечение населения, стало важнейшим направлением деятельности земских учреждений, введенных в Казанской губернии в 1864 г. в результате правительственных реформ.

Земские аптеки получили название «нормальных» – они соответствовали всем государственным требованиям. Земствам были переданы губернские и уездные больницы Приказов общественного призрения, при которых имелись аптеки без права вольной продажи медикаментов для обеспечения пациентов лекарственными препаратами. Попытки земств добиться от правительства получения льгот для открытия аптек с правом вольной продажи лекарств, доходы от которых шли бы на развитие меди-

цинской помощи населению, не имели успеха. Земские организации вынуждены были выкупать аптеки у частных владельцев на общих основаниях, что могли себе позволить немногие земства, среди этих немногих были некоторые земства Казанской губернии (*Собрание узаконений*, 1897, с.98, 117).

Земские аптеки открывались в городах земскими управами по постановлениям земских собраний. Открытие новых аптек разрешалось земствам только после предварительного освидетельствования, в ходе которого устанавливалось, что аптеки имеют необходимые помещения, могут снабжаться в достаточном количестве аптекарскими товарами, необходимыми реактивами, приборами и т.д.

Конкуренцию земским аптекам составили уездные городские частные или, как их называли, вольные аптеки, которые действовали в соответствии с Уставом Аптечным и под контролем Врачебных управлений губернского правления. В 1864 г. из 10 частных аптек Казанской губернии 5 работали в уездных городах (подсчитано по: *Российский медицинский список*, 1864).

Для открытия новой земской аптеки существовали правовые препятствия. По закону норма открытия новой аптеки для уездных городов составляла 7 тысяч жителей и 6 тысяч рецептов. Для небольших местечек, посадов, селений основную роль играло расстояние между аптеками. Вначале оно было определено в 15 верст, а затем уменьшено до 7 верст (*ПСЗ-2*, т.48, № 52611, с.233–235).

Первая земская аптека в Казанской губернии открылась в 1870 г. в Спасске при земской больнице (провизор Головкин). В 1871 г. начала работать земская аптека в Козьмодемьянске (провизор Шиллерт), в 1873 г. – в Чебоксарах (провизор Брантд), в 1874 г. – в Мамадыше (провизор Панасевич). В 1874 г. из 14 аптек, обслуживавших население Казанской губернии, наряду с четырьмя земскими аптеками в уездных городах работали 3 частные аптеки. В 1879 г. вошла в строй земская аптека в Тетюшах (провизор Кепниг).

К концу 70-х гг. XIX в. сеть земских аптек Казанской губернии включала вольные земские аптеки в городах, аптеки при больницах, обладавшие правом вольной продажи лекарств, а также маленькие аптечки при участковых врачебных участках и фельдшерских пунктах. Аптеки при земских больницах не являлись самостоятельными учреждениями, а потому не учитывались статистикой, однако Циркуляром министра внутренних дел от 8 декабря 1872 г. №1280 им было разрешено продавать лекарства по их заготовительной стоимости и выдавать медикаменты бесплатно по предъявлении полицейского свидетельства о бедности, которое впоследствии заменила справка от земского врача. Аптекарям запрещалось прописывать лекарства и лечить больных.

Аптека Казанского губернского земства, которая работала при губернской земской больнице (Покровская ул.), размещалась на Большой Казанской улице в доме губернского земства. В 1893–1900 гг. ее возглавлял провизор Иван Яковлевич Язык, занимавший должность помощника аптекаря Спасской земской аптеки в 1883–1889 гг. Жил он в квартире при больнице. В 1914–1916 гг. губернской земской аптекой управлял провизор, коллежский асессор Александр Иванович Бужинский (жил в доме Стратонова на Поповой Горе). В конце 90-х гг. в штат Психиатрической окружной лечебницы «Во имя Божьей Матери Всех скорбящих» (Сибирский тракт, свой дом) входил аптекарский помощник Георгий Игнатьевич Баталкин, а в 1916 г. при лечебнице работала аптека, управляющим которой служил провизор, коллежский секретарь Евлампий Иванович Сотников.

Больничные аптеки и аптеки при фельдшерских пунктах и врачебных участках обычно занимали одну небольшую комнату или совмещались с приемной врача. Порой в одном и том же помещении хранились медикаменты, готовились настои и отвары. Аптеки были плохо оборудованы, лекарства, из-за отсутствия перегонных аппаратов, зачастую готовились на прокипяченной воде. За неимением складских помещений нарушались правила хранения лекарств. Подчас роль кладовки играл амбар или специальный подвал. Отмечались случаи замерзания препаратов в зимнее время (Сало, 2007, с.234).

В участковых аптеках, кроме готовых медикаментов, выдавались простейшие лекарства, которые готовили фельдшера, не имевшие специального фармацевтического образования. Земские фельдшеры, получая бесплатно медикаменты от земств, лечили ими в селах и деревнях совсем не бесплатно, и это стало одной из проблем, которую нужно было решать земствам. Несмотря на несовершенство этих аптек, в условиях плохих дорог в сельской местности, неразвитости транспортных средств, при огромных расстояниях между участковыми пунктами и уездными центрами, где имелись аптеки, участковые аптечки играли важную роль в борьбе земских врачей за достижение доступности медицинской помощи.

1 октября 1882 г. в Чистополе земство открыло аптеку под управлением провизора Людомира Витольдовича Пржиборы. В 1891 г. начала работать земская аптека в Свияжске (провизор, коллежский советник Евгений Васильевич Кацеленбоген), в 1896 г. в Царевококшайске (провизор Александр Алексеевич Русанов). В 1900 г. были открыты еще две уездные земские аптеки: в Ядрине (провизор Владимир Николаевич Гиргенс) и Цивильске (провизор Александр Александрович Обетов).

В 1905 г. из 29 аптек в уездах Казанской губернии работало 2 частных городских, 3 частных сельские и 9 земских аптек.

Циркуляром Министерства внутренних дел от 25 февраля 1906 г. №3301276 нормы количества рецептов на одну аптеку были отменены

(*Аптеки, аптекарские магазины*, 1910, с.14–15). Закон от 12 февраля 1912 г. подтвердил право земств открывать «собственные нормальные вольные аптеки в любом количестве – независимо от числа уже имеющих-ся в данном пункте аптек – и произвольно выбирать место для своих аптек». Закон предусматривал «облегченный явочный порядок открытия аптек исключительно городскими и земскими общественными установлениями», хотя и не требовал предварительного (до открытия) осмотра аптеки, но не исключал этой возможности, а Правительствующий Сенат указом от 12 октября 1913 г. за №11285 подтвердил необходимость такого осмотра, чтобы «выявить несоответствия и предложить общественным установлениям их устранить».

Ревизия земских аптек была возложена на местную врачебную инспекцию, а «служащие в аптеках фармацевты за всякие упущения... подлежали ответственности на общем основании» (*Циркулярное постановление МВД от 30 июня 1914 г. №799*, 1916). Ревизор проводил проверку состояния аптеки практически по всем вопросам, начиная от соответствия элементарным санитарным требованиям и заканчивая анализом медикаментов на подлинность.

Закон запрещал продавать, сдавать в арендное содержание или иным образом передавать в чье-либо владение или пользование аптеки, открытые земскими и городскими общественными учреждениями и находящиеся на их содержании (*Устав Врачебный*, 1915, ст. 356(1), 356(3), с.341, 354).

Последней среди земских аптек Казанской губернии в 1916 г. была открыта земская аптека в Лаишеве (провизор Петр Степанович Тульчинский). До этого года медикаменты для больницы и всех приходящих больных приобретались преимущественно из вольной аптеки Старошкевичей (1894–1916) – единственной из сохранившихся в Казанской губернии городской уездной частной аптеки. Земские аптеки вытеснили из уездных городов губернии частный аптекарский бизнес.

Из 42 аптек Казанской губернии в 1916 г. в селах работало 11 частных вольных аптек, земские аптеки были открыты во всех 11 уездных городах, снабжая готовыми лекарствами земские больничные и участковые аптеки. (Подсчитано по: *Российский медицинский список*, 1916; *Обзор Казанской губернии*, 1885–1915 гг.; *Адресная книжка*, 1900; *Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии*, 1914).

Управляющими всех земских аптек Казанской губернии были фармацевты в должности провизоров. Если собственники вольных аптек, как правило, дипломированные фармацевты, они же и управляющие, были в своем большинстве из иностранцев, то среди управляющих земскими аптеками иностранцев было 28,1%, т.е. только каждый четвертый.

Еще одной особенностью работы земских аптек Казанской губернии стала высокая текучесть кадров: управление аптеками неоднократно переходило из рук в руки. В Козьмодемьянске за 46 лет сменилось 7 управляющих, в Мамадыше за 42 года – 9 чел., в Свияжске за 25 лет – 6 чел., в Спасске за 46 лет – 9 чел., в Тетюшах за 37 лет – 12 чел., в Цивильске за 25 лет – 5 чел., в Царевококшайске за 20 лет – 3 чел., в Ядрине за 16 лет – 5 чел. Частая смена провизоров характерна для 70-80-х гг., наименьшая – для начала XX в.

Самый высокий показатель ротации кадров зафиксирован в Тетюшах, где провизоры сменялись в среднем каждые 3 года, самый низкий – в Чистополе, где Людомир Витольдович Пржибора с перерывом в один год проработал в должности управляющего 33 года. Назовем провизоров, занимавших этот пост более 10 лет: Андрей Иванович Чернышев (1891–1903) и Александр Александрович Обетов (1905–1916), г. Козьмодемьянск (А.А. Обетов в 1900–1904 гг. занимал эту же должность в Цивильске); Александр Николаевич Пинегин (1905–1916), г. Мамадыш; Андрей Георгиевич Малов (1905–1916), г. Спасск; Александр Никонович Леушин (1900–1916), г. Царевококшайск.

Оплата труда медицинских работников во всех земствах была примерно одинаковой: врач получал 1500 руб., провизор – 800 руб., помощник аптекаря – 480 руб., смотритель – 300 руб. в год (*Опись городских поселений*, 1885, с.25, 98).

Порядок отпуска лекарств из земских аптек был различный, каждое земство самостоятельно устанавливало размер оплаты. В 1883 г. в Свияжске отпуск лекарств амбулаторным больным, лицам уездного земства проводился бесплатно, а лицам «не земским» за плату по заготовительной цене – «по прейс-куранту», в Тетюшах лекарства из аптеки отпускались по требованиям врачей: бедным местным жителям бесплатно, прочим с уступкой на 25%, в Чистополе продажа медикаментов велась по рецептам и без рецептов, причем существующая по закону в частных аптеках такса за труд при продаже медикаментов из земской аптеки была отменена (*Там же*, с.13, 25, 142, 180; *Обзор Казанской губернии*, 1886, с.79).

В 1889 г. земским аптекам в местностях, не входящих в район действия частных аптек, было разрешено снабжать население лекарствами по собственному усмотрению бесплатно или по сниженной цене (*Собрание узаконений*, 1890, вып. III, ст. 162, с.212).

В земских аптеках Казанской губернии в 1892 г. (это было время, когда в Казанской губернии свирепствовал голод, а вслед за ним эпидемия холеры), ввели бесплатное рецептурное обслуживание покупателей. Это была одна из мер борьбы с последствиями голода и эпидемией.

Таблица 1.

Оборот земских аптек Казанской губернии за 1891 и 1892 гг.

(Составлено по: *Обзор Казанской губернии*, 1892, с.51;*Обзор Казанской губернии*, 1893, с.64).

Земские аптеки (с правом вольной продажи)	Год	Число рецептов			Сумма выручки					
		за плату	бесплатно	итого	по рецептам		по ручной продажи		итого	
					руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Чистопольская	1891	6662	—	6662	2656	51	1693	46	4349	97
	1892	6250	8473	14723	2538	78	1277	87	3816	65
Свияжская	1891	627	—	627	194	21	177	14	371	35
	1892	682	—	682	383	49	1116	44	499	93
Чебоксарская	1891	2552	—	2552	404	85	500	20	905	5
	1892	2855	27129	29984	576	52	994	71	1471	23
Козьмодемьянская	1891	1940	—	1940	674	37	1435	21	2109	58
	1892	2228	15565	17793	735	65	1792	31	2527	96
Мамадышская	1891	2304	—	2304	820	72	724	19	1544	91
	1892	1151	40544	41695	457	28	802	12	1259	40
Тетюшская	1891	2218	—	2218	811	85	876	34	1688	19
	1892	2430	23362	25792	1195	97	1352	29	2548	26
Спасская	1891	1829	—	1829	945	21	779	28	1724	49
	1892	1689	19876	21565	667	19	544	23	1211	42
Итого по уездным земским аптекам	1891	18132	—	18132	6507	72	6185	82	12593	54
	1892	17285	134949	152234	6454	88	6879	97	13334	85
Всего по аптекам губернии	1891	202116	1424	203540	105893	29	32807	96	138701	25
	1892	196873	137372	334345	101596	95	35224	17	136821	12

Таблица 2.

Обороты земских аптек Казанской губернии в 1891 и 1905 гг.*(Составлено по: *Обзор Казанской губернии, 1885–1915 гг.*).

Уездный город	Год	Число рецептов	Сумма выручки		Итого
			по рецептам	по ручной продаже	
Козьмодемьянск	1891	1940	674 руб. 37 коп.	1435 руб. 21 коп.	2109 руб. 58 коп.
	1905	3394	1426 руб.	3606 руб. 75 коп.	5032 руб. 75 коп.
Мамадыш	1891	2304	820 руб. 72 коп	724 руб. 19 коп.	1544 руб. 91 коп.
	1905	63175	293 руб.11 коп.	2355 руб. 35 коп.	2648 руб. 46 коп.
Свияжск	1891	627	194 руб. 21 коп.	177 руб. 14 коп.	371 руб. 35 коп.
	1905	376	104 руб. 87 коп.	762 руб. 72 коп.	867 руб. 59 коп.
Спасск	1891	1829	945 руб. 21 коп.	779 руб. 28 коп.	1724 руб. 49 коп.
	1905	1943	716 руб. 85 коп.	2393 руб. 79 коп.	3000 руб. 64 коп.
Тетюши	1891	2218	811 руб. 85 коп.	876 руб. 34 коп.	1688 руб. 19 коп.
	1905	3504	1241 руб. 22 коп.	2935 руб. 59 коп.	4176 руб. 81 коп.
Чебоксары	1891	2552	404 руб. 85 коп.	500 руб. 20 коп.	905 руб. 5 коп.
	1905	2828	917 руб. 69 коп.	2088 руб. 90 коп.	3006 руб. 59 коп.
Чистополь	1891	6662	2656 руб. 51 коп.	1693 руб. 46 коп.	4349 руб. 97 коп.
	1905	42866	3603 руб. 81 коп.	6502 руб. 67 коп.	10105 руб. 48 коп.
Итого	1891	18132	6507 руб. 72 коп.	6185 руб. 82 коп.	12593 руб. 54 коп.
	1905	128601	14014 руб. 15 коп.	26477 руб. 72 коп.	40491 руб. 87 коп.
Всего по губернии	1891	202116	105893 руб. 29 коп.	32807 руб. 96 коп.	138701 руб. 25 коп.
	1905	391615	145239 руб. 67 коп.	88347 руб. 43 коп.	233587 руб. 10 коп.

* В итог по уездам за 1905 год включены данные по городам Царевококшайску и Цивильску, в которых в 1891 г. еще не было земских аптек.

В 1892 г. резко увечился отпуск бесплатных лекарств по рецептам в целом по губернии (с 1424 шт. в 1891 г. до 137372 шт. в 1892 г.). Отпуск лекарств по рецептам за плату уменьшился на 5243 шт., хотя в денежном отношении сокращение дохода аптек оказалось менее ста рублей. Примечательно, за этот же год выручка от ручной продажи в земских аптеках возросла почти на 700 руб., и общее увеличение дохода земских аптек составило 841 руб.

В то же время доходы собственников аптек в губернии сократились почти на 8 тысяч, и так было по всей России. Это привело к увеличению жалоб в правительство со стороны владельцев частных аптек. Оберегая их интересы, правительство ограничило бесплатный отпуск лекарств. В 1893 г. Медицинский совет Министерства внутренних дел сформулировал решение, согласно которому земские аптеки могли снижать цены на лекарства до 50% по сравнению с аптечной таксой, но при условии, что финансирование аптек и их деятельности будет производиться из доходов аптек, а не из земских средств.

Данные об оборотах аптек, включая земские, печатались в «Медицинских списках...» с 1891 по 1905 г. Посмотрим, как изменились обороты земских аптек за эти 15 лет. Для сравнительного анализа возьмем только те уездные города, в которых земские аптеки работали оба эти года.

В 1891 г. уездные земские аптеки получали примерно равный доход от продажи лекарств по рецептам и ручной продажи, в 1905 г. доход от ручной продажи почти в два раза превышал доход от рецептурной продажи. Число учтенных рецептов за этот период возросло в 7 раз. Увеличение торговли по рецептам за 15 лет говорит о коммерциализации земских аптек. Земства располагали, как показала практика, ограниченными возможностями для бесплатной раздачи лекарств.

Если вычислить стоимость одного рецепта в земских аптеках Казанской губернии, то она снизилась с 34 коп. в 1891 г. до 11 коп. в 1905 г., т.е. более чем в три раза, иными словами, лекарства стали более доступными потребителю. При этом общий доход земских аптек от продажи лекарств по рецептам за 15 лет возрос более чем в 2 раза, выручка от ручной продажи увеличилась за тот же период более чем в четыре раза. Итоговая вырученная сумма выросла с 12594 руб. в 1891 г. до 40492 руб. в 1905 г., т.е. более чем в 3 раза.

Для губернии в целом характерно развитие земского аптечного дела, общий доход аптек за 15 лет увеличился почти на 60%: более чем в 2 раза возросла ручная продажа, в 1,3 раза вырос отпуск лекарств по рецептам, число которых стало почти в два раза больше. Наибольший доход получала земская аптека Чистополя, второго города Казанской губернии по числу жителей и по всем экономическим и социально-культурным показателям, наименьший – земская аптека Свияжска, города, ближе остальных уездных городов располагавшегося к Казани, где издавна было развито аптечное дело. Самые высокие темпы развития показали аптеки в Тетюшах и Чебоксарах, их доходы за 15 лет поднялись более чем в 3 раза.

«Азбукой земской медицины является принцип ее бесплатности и общедоступности. Такой же азбукой является ее коммерческое направление и недоступность платных услуг для неимущих классов. Строй земской аптеки и главные направления ее деятельности не согласовывались с основными принципами земской медицины» (Недешев, 1910, с.368).

Уездные аптеки не располагали возможностями для осуществления сложных технологических процессов производства лекарственных средств, часть лекарств закупалась в крупных аптеках Казани в готовом виде. К концу XIX в. уровень земских аптек заметно возрос, появились аптечные лаборатории и склады, а в больничных аптеках не редко были заняты дипломированные фармацевты. Нормальным вольным земским аптекам, имеющим хорошо оборудованные лаборатории, по постановлению Медицинского совета от 16 апреля 1896 г. №196 было разрешено производство галеновых препаратов. Создание таких лабораторий способствовало снижению зависимости от фармацевтических фирм.

Общая социально-экономическая отсталость страны в конце XIX в., неразвитость российской химической промышленности, в сравнении с западноевропейской, обусловили зависимость России от импорта лекарственных препаратов, увеличивая цены на медикаменты. Чтобы решить эту проблему, практически во всех уездах Казанской губернии при уездных земствах действовали склады медикаментов, задача которых заключалась в снабжении аптек медицинских участков необходимыми лекарственными препаратами, перевязочными средствами, аптечной посудой, медицинскими инструментами или бесплатно, или по доступным ценам.

В 1893 г. фирма «Кешнер А.Ф. и К^о» открыла в своем доме на Большой Проломной улице склад медикаментов для сельских и земских аптек. В 1895 г. в Казани действовало 3 аптекарских склада: военного ведомства и земств губернского и уездного (*Спутник по Казани*, 1895, с.610–611).

Склад Казанского уездного земства работал при уездной аптеке, которая размещалась на ул. Жуковского в здании земства. В 1889 г. аптекой заведовал провизор Конрад Гоноратович Старошкевич, служивший до этого (с 1883 г.) управляющим Спасской земской аптекой. В 1894 г. Старошкевич открыл свою аптеку в Лаишеве. В 1893–1916 гг. аптеку Казанского земства возглавлял провизор Федор Андреевич Антоновский. Он же управлял складом и жил при нем, помощником при складе служил Александр Иванович Конгельм.

В течение более 20 лет Антоновского избирали председателем Казанского фармацевтического общества. Н.П. Загоскин в 1895 г. отметил: «Фармацевтическое общество, основанное в 1888 году, проявляет весьма слабые признаки своего существования» (*Там же*, с.407). В 1910 г. общество размещалось в здании аптеки Казанского уездного земства. В руководство общества входили: председатель правления провизор Федор Андреевич Антоновский, секретарь – провизор Григорий Викторович Майзельс, казначей, провизор Александр Иванович Конгельм. Членами правления были избраны магистр формации Николай Иванович Крамер,

провизоры Юлий Федорович Бренинг и Генрих Васильевич Девриен, аптекарские помощники: Владимир Степанович Дубовников и Иван Ильич Нимкеров (*Вся Казань*, 1910, с.170, 193).

В годы Первой мировой войны значительно изменились условия работы земских медицинских учреждений, включая аптеки. Это было связано не только с мобилизацией части медиков на фронт, но и с уменьшением поставки лекарств из-за границы, а дефицит медикаментов приводил к росту цен. Фармацевтическая промышленность в России была развита слабо, обеспечивая потребности населения в лекарственных средствах лишь наполовину. Несмотря на принятые меры, полностью ликвидировать лекарственный голод в условиях войны не удалось (*Марухес*, 1915, с.19–29).

В начале XX в. в России насчитывалось 3373 аптеки, из них земских аптек – 160, то есть 4,74% (*Веселовский*, 1909, т. 1, с.400). В Казанской губернии земские аптеки составляли в 1901 г. 33,3% (из 30 аптек – 10 земских), а в 1916 г. – 26,1% (из 42 аптек – 11 принадлежали земствам). Практически эти данные на порядок выше общероссийских показателей. Однако они не отражают реального состояния дел в уездах Казанской губернии.

Таблица 3.

**Обеспеченность сельских жителей
больницами/пунктами в Казанском уезде в конце XIX в.**
(Подсчитано по: *Адресная книжка Казанской губернии*, 1900, с.9–11)

Уезд	Кол-во жителей в уезде	Кол-во жителей в уездном городе	Кол-во сельских жителей	Кол-во сельских земских больниц/пунктов	Кол-во жителей в среднем на 1 сельскую земскую больницу/пункт
Казанский	349217	121508	227709	5	45542
Козьмодемьянский	104888	5172	99716	3	33272
Лаишевский	176188	3743	172445	3	57482
Мамадышский	198760	4213	194547	1	194547
Свияжский	129561	2363	127198	3	42399
Спасский	175460	2779	17268	3	5756
Тетюшский	187453	4754	182699	3	60900
Царевококшайский	113241	1654	111587	4	27897
Цивильский	165905	2337	163568	5	32714
Чебоксарский	129109	4568	124541	3	41514
Чистопольский	307224	20161	287063	4	71766
Ядринский	156057	2467	153590	3	51197
Всего	2191058	186956	2004092	40	50102

По данным российской переписи, крестьянство в губернии в 1898 г. составляло 1926681 чел., или 83,7% всего населения (*Адресная книжка Казанской губернии*, 1900, с.13). Земские аптеки обеспечивали лекарствами земские больницы и медицинские пункты в селах своего уезда, следовательно, мы можем с полным основанием утверждать, что одна больничка или пункт получали бесплатные медикаменты или лекарства по льготным ценам в среднем на 50102 жителя. По уездам эта цифра колебалась от 5756 жителей (Спасский уезд) до 194547 человек (Мамадышский уезд).

Эти данные дают основание сделать неутешительный вывод: значительная часть населения провинции была лишена медицинской помощи, включая и снабжение лекарствами. Состояние аптечного дела в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. в целом отражало общее состояние медицинского обслуживания жителей России.

Развитие сети земских аптек тормозилось двумя факторами. С одной стороны, недостатком средств у местных органов управления для открытия и содержания медицинских пунктов в селах губернии, а существующие лечебные учреждения из-за ограниченности финансовых средств не могли закупать большие объемы лекарственных препаратов в частных аптеках. С другой стороны, отсутствие привычки у сельского населения прибегать к профессиональной медицинской помощи приводило к ограничению спроса на медикаменты и тормозило развитие аптечной сети на селе. Практика бесплатного снабжения лекарствами была опробована в Казанской губернии в 1891 г., бесплатная выдача лекарств земскими аптеками получила распространение с начала XX в. Земства оказались опасным конкурентом частным аптекам, в небольших уездных городах Казанской губернии аптекари совершенно разорились.

Тем не менее земские организации с самого начала своего создания способствовали увеличению доступности лекарственной помощи населению и оказали положительное влияние на повышение качества медицинского обслуживания населения. Положительным результатом работы земства стало льготное, а в некоторых случаях бесплатное лекарственное обеспечение населения.

Источники и литература

1. Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915/ Издание Казан. Губ. Стат. Комитета. Казань: Издание Казанского Губернского Статистического Комитета, 1914. XLIII, 819 с.

2. Адресная книжка Казанской губернии на 1900 год / сост. М.Н. Пинегин. Казань: Тип. Губ. правл., 1900. 453 с.

3. Аптеки, аптекарские магазины и торговля лекарственными веществами. Сборник законов и решений Правительствующего Сената об учреждении аптек, аптекарских магазинов, химических лабораторий и о торговле ядовитыми и сильнодействующими веществами. М.: Ф.В. Бусыгин, 1910. XII, 96 с.

4. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. 1: Бюджет; медицина; общественное призрение; народное образование. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. XVI, 724 с.

5. Вся Казань. Адресная и справочная книга на 1910 год. Казань: Издание Товарищества «Вся Казань», Типо-литография И.С. Перова, 1910. 422 с.

6. *Марухес Е.И.* Вопрос о медикаментах в связи с войной // *Общественный врач.* 1915. №1. С. 19–29.

7. *Недешев И.К.* О земской вольной аптеке. Доклад // Труды XVII губернского съезда членов врачебно-санитарных организаций Московского земства. 15–24 мая 1910 г. Вып. III. Сообщения по врачебно-санитарным вопросам с приложением карты лечебниц Московской губернии. Издание Московского губернского земства. М.: Т-во «Печатня С.В. Яковлева», 1910. С. 368–381.

8. Обзор Казанской губернии... [по годам]. Обзоры за 1885–1889, 1891–1896 гг.: Прил. ко всепод. отчету казан. губернатора. Казань: Тип. Губ. правл., 1885–1915.

9. Обзор Казанской губернии за 1885 год. Прил. ко всепод. отчету казан. губернатора. Казань: тип. Губ. правления, 1886. [4], 101, [89] с.

10. Обзор Казанской губернии за 1891 год. Казань: тип. Губ. правления, 1892. [4], 88, [75] с.

11. Обзор Казанской губернии за 1892 год. Казань: тип. Губ. правления, 1893. [4], 114, [85] с.

12. Опись городских поселений Казанской губернии / сост. секр. Стат. ком. А. П. Орловым. Вып. 1: Лаишев; Свияжск; Заштатный г. Арск; Козьмодемьянск; Заштатный г. Троицкий Посад; Чебоксары; Заштатный г. Мариинский Посад (Сундырь); Тетюши; Чистополь; Казань: тип. Губ. правл., 1885. 185 с.

13. ПСЗ–2. Т. 48. № 52611. С. 233–235.

14. Российский медицинский список, изданный медицинским департаментом Министерства внутренних дел, на 1864 год. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1864. [8], VII, 328 с.

15. Российский медицинский список, изданный Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, на 1916 год. Списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек по сведениям на 1 мая 1916 г. Пг.: тип. М-ва внутр. дел, 1916. XXVI, 1194 с.

16. *Сало В.М.* История фармации в России. М.: Изд-во «Литтера», 2007. 256 с.

17. Собрание узаконений и распоряжений правительства по врачебной и санитарной части в империи. СПб.: [Медицинский департамент], 1897. № 1 (3 янв.) – 137 (30 дек.). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1897.

18. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1890. № 1 (2 янв.) – 127 (29 дек.). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1890.

19. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. проф. Н.П. Загоскина. Казань: Универ. тип., 1895. 806 с.

20. Устав Врачебный, изд. 1905 г. и по прод. 1912 и 1913 гг., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постатейными разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями / сост. Л.А. Ко-

лычев. Неофициальное изд. Пг.: издание юридического книжного магазина В.П. Анисимова, 1915. VIII, 660 с.

21. Циркулярное постановление МВД от 30 июня 1914 г. №799 «Об отнесении расходов по командировкам чинов врачебной инспекции для осмотра аптек на счет казны. (В отмену циркуляра МВД по бывшему Медицинскому Департаменту от 18 августа 1890 г. №1087)» // Российский медицинский список, изданный Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, на 1916 год. Списки врачей, ветеринарных врачей, зубных врачей, фармацевтов и аптек по сведениям на 1 мая 1916 г. Пг.: тип. М-ва внутр. дел, 1916. С. 3–4.

Л.М. Свердлова

XIX гасырның икенче яртысы – XX гасыр башында Казан губернасының коммерция даруханәләре

Басма шәһәр һәм авылларда шәхси даруханәләрне өйрәнү мисалында Казан губернасында фармацевтика тармагын торгызу һәм үстерү мәсьәләләрен тикшерүгә багышланган. Мәкәлә нигезенә шактый киң күләмле басма һәм архив чыганакларын, статистика материалларын анализлау һәм гомумиләштерү салынган. 1864–1917 елларда Россия даруханәләре эшчәнлегенә хокукый базасына анализ ясалды, Россия провинциясе шартларында коммерция фармациясе үсешенә гомуми этаплары һәм үзенчәлекләре ачыкланды һәм билгеләнде.

Ачыкч сүзләр: Казан губернасы, провинциядә фармация тарихы, даруханә хокукы, ирекле даруханә, даруханәчеләр.

L.M. Sverdlova

Zemstvo pharmacies of the Kazan province in the second half of the XIX – early XX centuries

Medical provision of residents of the Kazan province became one of the tasks of Zemstvo organizations that solved the problem of accessibility of medical care for the peasant population in the second half of the XIX – early XX centuries. The research is devoted to the history of formation, development and activity of Zemstvo pharmacies in the conditions of the Russian province.

Keywords: medicall aid; Zemstvo pharmacies, apothecaries, history of pharmacy, the Kazan province.

Информация об авторе:

Свердлова Людмила Михайловна – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань); e-mail: sverdlm@yandex.ru

Свердлова Людмила Михайловна – тарих фәннәре кандидаты, доцент (Казан шәһәре).

Sverdlova Lyudmila M. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Kazan).

Социально-экономическое положение лашманов (на примере анализа челобитных 1723 г.)

В статье исследуются информативные возможности таких источников, как челобитные для раскрытия социально-экономического и правового положения приписанного к Адмиралтейству сельского податного населения (лашманов). Отмечается необходимость привлечения массовых источников для полного выявления характерных «нужд» населения, занятого на заготовках корабельных лесов и в адмиралтейских работах.

Ключевые слова: лашманы, Казанское адмиралтейство, Поволжье, челобитная, 1723 год, служилые татары, заготовка корабельных лесов.

Расширение источниковой базы для изучения истории судостроения петровской эпохи, социально-экономического положения приписанного к Адмиралтейству населения продолжает оставаться актуальным. На наш взгляд, необходимо обратить внимание на такие источники, как челобитные. Челобитная являлась документом подданных государства, составленным в связи с теми или иными неудовлетворительными обстоятельствами в их социально-бытовой жизни, обязательно оформлялась на имя царя (императора), писалась на гербовой бумаге и, как правило, рассматривалась в местной канцелярии. В петровский период рост количества челобитных можно объяснить резким усилением роли государства, жесткой эксплуатацией и регулированием жизнедеятельности его подданных в самых различных сферах. Реформы Петра I привели к развитию делопроизводства, появлению многочисленных организаций, рассматривавших делопроизводственную документацию.

В этой связи большой познавательный интерес представляет документ петровской эпохи, отложившийся в фонде «Контора Казанского адмиралтейства. г.Казань» Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ), – «Книга записная челобитным» за 1723 год (далее – «Книга...»), включающий опись поступивших челобитных от населения в Канцелярию у дел корабельных лесов в Казани¹ (РГАВМФ, ф.237, оп.1, д.16, л.1–146). В этом новом государственном учреждении должны были решаться дела, относящиеся к заготовкам корабельных лесов, их охране и порядке использования, а также любые другие дела, если

¹ Канцелярия была открыта в 1718 г. и действовала под различными названиями вплоть до 1728 г. («Канцелярия кабинетных и корабельных дел в Казани», «Канцелярия корабельных лесов»), в дальнейшем была переименована в Казанскую лесную контору (1728–1733 гг.), затем в Казанскую адмиралтейскую контору (1733–1830 гг.) (Лашманы, 2018, с.5).

они касались работников Казанского адмиралтейства и заготовщиков корабельного леса (лашманов).

Всего с 1 января по 31 декабря 1723 г. в канцелярию поступило более 1122 челобитных (абсолютно точное количество не было установлено, так как в описи есть пропуски). В документе приведено краткое содержание челобитных от представителей разных слоев населения, территориально проживавших (по административному делению на тот период) в Казанском и Свияжском уездах Казанской губернии, Алатырском уезде Нижегородской губернии, Симбирском уезде Симбирской провинции, Пензенском, Саранском и Керенском уездах Пензенской провинции, Касимовском и Темниковском уездах Шацкой провинции и некоторых др. Наибольшее количество челобитных поступило от приписанных к Адмиралтейству служилых татар, чувашей и мордвы, а также от ясачных и помещичьих крестьян, часть текстов исходила от работников и служащих Казанского адмиралтейства.

Целью данной статьи является изучение различных аспектов социально-экономического и правового положения приписанного к Адмиралтейству сельского податного населения (лашманов). Для достижения цели ставятся задачи дать представление о содержащейся массивной информации в «Книге...» за 1723 год и попытаться проанализировать различные вопросы, нашедшие отражение в челобитных приписанного к Адмиралтейству для заготовки корабельных лесов населения.

Вся информация о челобитных в «Книге...», как и полагается в петровское время, датирована и записана в хронологическом порядке². В документе зафиксированы имена и фамилии челобитчиков, их сословное положение, место жительства, основное содержание просьбы или заявления, размеры пошлины³ за подачу челобитной. Кроме того, указывались имена и фамилии канцелярских служащих, на рассмотрение которых поступали жалобы. Отделения (столы), ведавшие делопроизводством, в казанской конторе по старинке именовались «повытьем». Больше всего челобитных поступило в повытье Ивана Скугаревского⁴. Имена других слу-

² Порядок ведения делопроизводственной документации при Петре I начал жестко регламентироваться. Так, указ от 15 февраля 1717 г. предписывал на всех бумагах в присутственных местах писать дату написания челобитной, а канцелярским служащим отмечать в тех же челобитных дату ее подачи (*ПСЗ-1*, т.5, №3068, с.489). Сам формуляр челобитной был утвержден указом «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. (*ПСЗ-1*, т.7, №4344, с.147, 150). При этом письменная форма волеизъявления челобитчика была основной.

³ С каждой подаваемой челобитной собиралась пошлина в размере 4 деньги (1 деньга была равна 0,5 коп.). Размер пошлины для челобитных был узаконен в 1700 г. (*ПСЗ-1*, т.4, №1743, с.2). Указанный размер пошлины действовал вплоть до 1763 г. (*ПСЗ-1*, т.16, №11988, с.460).

⁴ Скугаревский Иван Сергеевич – подьячий Канцелярии у дел корабельных лесов в Казани, а затем канцелярист Казанской лесной конторы. Родовое имя

жащих казанской канцелярии, занимавшиеся аналогичными делами: Лукьян Матвеев, Андрей Скугаревский, Андрей Андреев, Иван Власьев (Власов), Михаил Рожков (*Там же*, л.1–146).

В значительной части челобитных поднимались следующие вопросы: разрешение пользоваться заповедным лесом на домовые нужды; владение и пользование поместными землями; прием в рекруты вместо челобитчиков другого человека («наймита»); строительство церкви, мельниц, кожевенного «завода»; неплатежи заемных денег, незаконные порубки заповедных лесов, грабежи и побои. Из всего перечисленного в количественном отношении преобладали челобитные о разрешении пользоваться заповедным лесом на домовые нужды и о незаконных порубках заповедных лесов, что с учетом недавних жесточайших указов Петра I о запрете рубить корабельные леса и о наказаниях за самовольную порубку, представляется закономерной реакцией населения⁵.

В «Книге...» мы отдельно выделили 293 челобитных, принадлежащих служилым татарам, чувашам и мордве, и рассмотрели эту группу документов более подробно (см.: Приложение 1).

В количественном отношении подавляющая часть челобитчиков ходатайствовала об освобождении (отставке) от работ по заготовке корабельных лесов (245 документов). При этом в каждой челобитной могла содержаться просьба об отставке от одного до нескольких человек. Причины отставки были различными. В 87 случаях канцелярский работник не стал записывать причины такой просьбы. 76 челобитчиков выразили желание исключить из рядов умерших, еще 23 – старых и больных. Среди препятствовавших участию в заготовке корабельных лесов болезней назывались: дряхлость, слепота, глухота, скорбь, падучая скорбь, ожог тела. В некоторых случаях указывались подробности обстоятельств смерти или искалечения. Напри-

находилось в д. Скугаревка Симбирского уезда (ныне с. Скугаревка Тереньгульского р-на Ульяновской обл.).

⁵ Указом от 27 мая 1720 г. все леса по обе стороны Волги – на 50 верст и ее притоков – Камы, Вятки, Суры и др. – на 20 верст были объявлены заповедными, установлена смертная казнь за незаконную вырубку (*ПСЗ-1*, т.6, №3593, с.200–202). Указ от 17 января 1722 г. запрещал рубить дуб не только в заказных рощах, но и в любом другом месте. Нарушителей закона ждали суровые наказания: штраф по 15 рублей за каждое корабельное дерево, а за прочие леса – по 10 рублей за дерево. За большое количество порубок наказывали вырезанием ноздрей и ссылкой на каторгу (*ПСЗ-1*, т.6, №3967, с.654–656). В последующем эти законы были смягчены: за самовольную рубку заповедных лесов – пойманных штрафовали, максимальное наказание составляло 10 лет каторги или же били кнутом и высылали на галерную работу на 20 лет (*ПСЗ-1*, т.6, №4028, с.200–202; именной указ от 6 июня 1722 г.); штраф за незаконную рубку одного дерева был снижен до 5 рублей. Смертная казнь применялась лишь в случае умышленного поджога корабельного леса (*ПСЗ-1*, т.7, №4379, с.174–181; инструкция обер-вальдмейстеру от 3 декабря 1723 г.).

мер, служилый татарин д. Ибра Алатской дороги Казанского уезда Байтерчак Асаналеев просил о «выключении» от работы задавленного намертво валом Иртушки Абдрязкова (*Там же*, л.110). Служилый татарин с. Каменный Брод Темниковского уезда Давид мурза Уразов просил «об отставке ево от работы карабельных лесов, понеже он обжегся» (*Там же*, л.74об.). Примечательно, что в документах ни разу не было упомянуто слово «недуг», столь характерное для письма того времени.

Как известно, в 1719 г. была проведена первая ревизия. Наряды на корабельную работу среди приписанного к Адмиралтейству населения определялись согласно ревизским сказкам. Однако неполнота материалов 1719 г. вынудила власти провести повторный учет. Итоговые результаты первой ревизии были зафиксированы в Генеральной ревизии 1722 г., в которой отдельной строкой записывались умершие за последние 3 года лица мужского пола, а также лица с увечьями. Тем не менее при определении нарядов на работу умершие и увечные по-прежнему были включены в общие списки. Именно поэтому в 1723 г. Канцелярия у дел корабельных лесов была завалена челобитными служилых татар, чувашей и мордвы с просьбами освободить их от повинности по заготовке корабельных лесов за умерших, увечных и престарелых родственников и односельчан. Как мы можем убедиться на примерах, подобные челобитные фактически оставались без рассмотрения – умершие числились в списках, за «мертвых душ» приходилось отрабатывать до наступления следующей ревизии. Например, в челобитной служилого татарина д. Каратай Арской дороги Казанского уезда Илметя Утякова от 1 июля 1723 г. содержалась просьба о «выключении» от работы умершего его сына Ибрашки (*Там же*, л.73об.). Тот же Ибрашка Илмаметев значился умершим в ревизских сказках второй ревизии за 1748 г., но в них годом его смерти указан 1729 г. (*РГАДА*, ф.350, оп.2, д.1157, л.63)⁶.

⁶ Есть и некоторые другие похожие несоответствия дат в рассматриваемой «Книге...» 1723 года и в ревизских сказках второй ревизии 1748 г. Так, в челобитной служилых татар д. Тюгелбаево (Бездна) Ногайской дороги Казанского уезда Стенки Янбаева и Янки Курмашева от 5 июля 1723 г. содержится просьба о «выключке» от работы умерших Таринки Таубатырева и Биктемирки Янкина (*РГАВМФ*, ф.237, оп.1, д.16, л.76об.). В ревизских сказках 1748 г. первый значится наряженным в Баку в 1723 г., оттуда не вернулся, а второй записан умершим в 1724 г. (*РГАДА*, ф.350, оп.2, д.1157, л.95об., 97). Но, как известно, отправка 5000 служилых татар в Баку состоялась в 1724 г., а не в 1723 г. В челобитной служилого татарина д. Большие Тиганы Ногайской дороги Ахмета Тарасова от 16 июля 1723 г. содержалась такая же просьба о «выключке» от работы умерших татар Кармыша Карабаева, Бикметки Биктеева и Калейки Саферова (*РГАВМФ*, ф.237, оп.1, д.16, л.84). Эти же работники в ревизских сказках второй ревизии значатся умершими: первый – в 1724 г., второй – в 1728 г., третий – в 1722 г. (*РГАДА*, ф.350, оп.2, д.1157, л.104об., 106, 118). Подобные несоответствия дат в документах можно объяснить только неточностью сведений в ревизских сказках.

В 17 челобитных крестьяне просили освободить от работ по заготовке корабельных лесов, взамен обязываясь платить по 2 рубля в денежном эквиваленте (точно так же, как это было предусмотрено в Воронежской губернии). Распространенными были просьбы об исключении от работ по заготовке корабельных лесов пропавших без вести родственников и односельчан (13 случаев), беглых людей (9 фактов), рекрутированных в армию (6 фактов). Приведем несколько примеров. Служилый татарин д. Алпарово Ногайской дороги Казанского уезда Мосейка Абрамов просил, чтобы с их деревенских людей не требовали наряда за своих же беглых людей в Уфимском уезде, которые были обратно возвращены, но снова сбежали (РГАВМФ, ф.237, оп.1, д.16, л.39). Служилый мордвин д. Куроедовка Симбирского уезда Жадей Аркаев подал челобитную о «неспрашивании его в работу корабельных лесов» вместо беглого нанятого им новокрещена Никиты Лаврентьева (*Там же*, л.4об.). Служилый татарин д. Верхний Чепкас Горной стороны Ногайской дороги Казанского уезда Бимет Утеев просил об освобождении от работы корабельных лесов своего работника – ясачного чуваша Иррезейку Илентеева из д. Имет, который в материалах переписи значился в его дворе, «а ныне явился при полку в салдате в Казани» (*Там же*, л.98).

Как можно убедиться из вышеприведенных примеров, среди выполнявших «корабельную работу» имелись ясачные крестьяне, нанимавшиеся к служилым татарам, чувашам и мордве, при этом некоторые из ясачных в переписи были написаны вместе со служилыми и фактически выполняли эту работу. В «Книге...» зафиксировано четыре случая «о выключении из работы работников, которые написаны на ясак». Естественно, такое могло произойти при желании самих ясачных людей отказаться от работы и подачи соответствующей челобитной. Так, ясачный татарин д. Мрали Арской дороги Казанского уезда Канышка Юнусов просил о «неспрашивании с него в работу корабельных лесов работника» (*Там же*, л.59об.). В данном случае он сам, будучи ясачным татаринном, нанимался на работу вместо служилого, с него же почему-то, вероятно, по неведению, спрашивали работника, а не с того служилого татарина, который его нанимал.

Мы выделили в отдельную группу 3 челобитные служилых татар с просьбой не высылать их на работы по заготовке корабельных лесов вместо наемных ясачных работников, которые проживали вместе с ними. Стоит оговориться, что одна из этих челобитных подавалась сторонним лицом – служилый татарин д. Уренбаш Симбирского уезда Дюсей Бектекеев сообщал о проживании в доме его односельчанина Ижбулатки Ишметева ясачного мордвина Алмяша Висканова с детьми, которые были приписаны к «корабельной работе», несмотря на то, что не состояли в служилом сословии (*Там же*, л.139). Сложно сказать, чем мотивировался человек, подавая челобитную, и чего хотел этим добиться. В другом случае служилый татарин д. Шихирдан Горной стороны Ногайской дороги Казанского уезда Калим Телметев просил «о неимании с него в работу кара-

бельных лесов за ясадного чувашенина Иренкейку» (*Там же*, л.11). Здесь так же не вполне ясно, на чем основывалась надежда челобитчика в удовлетворении просьбы – он как служилый татарин сам и должен был выполнять «корабельную работу». Мотив обращения служилого татарина д. Мочалей Симбирского уезда Калметя Ураева более понятен – он добивался, чтобы с него не спрашивали за черемиса Бориску Мишкина, который временно проживал у него во время работы по заготовке корабельных лесов, а спрашивали с того двора, в котором этот работник был написан – с татарина той же деревни Тоймета Кабищева (*Там же*, л.57об.).

В челобитных выявлено две просьбы об освобождении от «корабельных работ» из-за бедности («за скудостью») – кажется, весьма своеобразная причина для отставки (*Там же*, л.99). В текстах зафиксирован еще один специфический довод для освобождения от «корабельных работ» – казанский слободской служилый татарин Ахмет Байгузин просил освободить его от работ в обмен на безвозмездно поставленную чернилу в Канцелярию правления корабельных лесов (*Там же*, л.17). Кроме того, в 4-х челобитных причиной для освобождения от работы указано малолетство работника. При этом в качестве ответчика чаще всего назывались организаторы отправки работников на «корабельную работу». Так, служилый бобыль д. Бикбулатово Пензенского уезда Мустайка Байбулатов жаловался на сотника Нурмамеля Курмашева за наряд неподходящего по возрасту его малолетнего сына Ураская, «о чем бьет челом и напред сего и о допросе по тому делу сторонних людей» (*Там же*, л.67). Челобитная служилого татарина д. Труевских Вершин Саранского уезда Айдара Анисимова была направлена против выборного Уразая Айдарова «с товарищи» за то, что они заставляли работать его брата недоросля (*Там же*, л.113об.). Последние два случая можно рассматривать как жалобы на злоупотребления местных властей. В последующем (особенно к 1760-м гг.) жалобы лашманов на чиновников, злоупотребляющих полномочиями, выросли многократно (см.: *Лашманы*, 2018, с.54–94).

Кроме вышерассмотренных челобитных с просьбами о полной отставки от «корабельной работы», в «Книге...» зафиксировано 3 документа об освобождении от чрезмерных нарядов по причине двойного написания работников в переписи. Служилый чуваш д. Мамечерова Симбирского уезда Мамечерка Маметев обращался с просьбой об исключении из «корабельной работы» своего шурина Пектемирки Ягилдина, который числился в ревизских сказках двух деревень и был вынужден наряжаться на работу за двоих (*РГАВМФ*, ф.237, оп.1, д.16, л.66об.). Трудно сказать, решались ли подобные вопросы оперативно после обращения и решались ли вообще. Однако официально от двойного написания в ревизских сказках можно было открепиться только в следующую ревизию. Например, в служилотатарской деревне Большие Тиганы Ногайской дороги Казанского уезда было выявлено четыре случая повторного написания людей в ревиз-

ских сказках первой ревизии, исключить их из списков удалось только во время проведения второй ревизии (РГАДА, ф.350, оп.2, д.1157, л.110).

В «Книге...» значится 8 случаев самовольного ухода с корабельной работы наемных людей. На них, как правило, жаловались наниматели – служилые татары. Но и среди наемных работников большей частью были служилые татары (в шести случаях из восьми). При этом как наемные работники, так и их наниматели чаще всего проживали в одних или в соседних населенных пунктах. Самовольный уход заключался в отлучке от работы раньше положенного времени. Служилый татарин д. Кадомка Алатырского уезда Кадей Алтынбаев жаловался на служилого татарина д. Семеновская Башкиртку Степанова, который им был нанят на работу, но «неотжив до сроку сошел» (РГАВМФ, ф.237, оп.1, д.16, л.145). Невыполнение положенного объема работы наемными людьми оборачивалось значительными убытками для самих нанимателей. Так, служилый татарин д. Ямбулатова Зюрейской дороги Казанского уезда Аит Ермаков «с товарищи» насчитали 22 рубля убытков (*Там же*, л.118об.).

В то же время некоторые наемные работники сами подавали челобитные с требованиями о выплате недоплаченных сумм за их работу – всего выявлено 4 таких факта. Три челобитчика были в ясачном, один в служилом сословиях. Ясачный татарин д. Кульга-Куюк Галицкой дороги Казанского уезда Килмаметка Иштяков жаловался на казанских слободских служилых татар – на десятника «Тохтамыша Уразаева с товарищи в неплатеже по найму их в годовой работе у корабельных лесов родных заработных денег четырех рублей» (*Там же*, л.36).

Челобитные затрагивали различные аспекты жизнедеятельности крестьян, в том числе и не связанные с заготовкой корабельных лесов. В 3-х документах содержались просьбы служилых татар о разрешении им отлучиться с места жительства в Уфимский уезд для сыска беглых людей. Так, казанские слободские служилые татары Кутла Московов и Сеин Кутлин «били челом» отпустить одного из них в Уфимский уезд «для сыску беглых татар» (*Там же*, л.9). Другой казанский слободской служилый татарин Мукминка Аблаев просил не начислять штрафных денег за позднее возвращение из Уфимского уезда (*Там же*, л.33). Бывшие в бегах в Уфимском уезде, но обратно вернувшиеся 4 челобитчика ходатайствовали об определении их обратно на работу корабельных лесов. Например, служилый татарин д. Новый Мочалей Алатырского уезда Михаил Михалкин просил, чтобы его определили на работу по заготовке корабельных лесов с последующим проживанием в д. Майтяк Симбирского уезда (*Там же*, л.54).

В первые десять лет после приписки крестьян к Адмиралтейству наряды по заготовке корабельных лесов были продолжительными – работа длилась и по полгода, и круглый год. Естественно, лашманам необходимо было следить за состоянием собственного хозяйства в деревне. 3 челобитные посвящены «отпуску» их домой раньше срока. Так, Роман мурза Тимофеев сын князь Мангушев из д. Ломаты Алатырского уезда хлопотал

«об отпуску ево челобитчика для нынешней деловой поры в дом ево» (*Там же*, л.98). Челобитная датирована 23 августа 1723 г., можно догадаться, что князь имел в виду страдную пору.

Еще 2 челобитчика ходатайствовали отпустить их с работы по торговым делам. В челобитной казанского слободского служилого татарина Ермака Нуркина речь шла о разрешении отпустить его «для торга» на Макарьевскую ярмарку (*Там же*, л.63об.). Другой служилый татарин просил такое же разрешение для поездки его в Астрахань с товаром (*Там же*, л.113об.). Вышеназванные примеры свидетельствуют, что, несмотря на обременения новыми повинностями и налогами, торговая деятельность для служилых татар оставалась в приоритете.

Некоторым приписанным к Адмиралтейству крестьянам, наоборот, как-то удавалось избегать корабельной повинности, что вызывало недовольство их соседей (выявлено две жалобы). Так, например, служилый татарин д. Айдарово Пензенского уезда Давыд Айдаров жаловался на своих односельчан Бибарису мурзу Бибаеву и Бараку Симакову, которые не работали с ним на заготовке лесов и никого вместо себя не нанимали (*Там же*, л.2об.).

В случаях возникновения крайне тяжелых непредвиденных обстоятельств некоторые служилые татары не были в состоянии оплачивать государственные сборы. Так, после пожара, случившегося в городе Касимов, местные служилые татары, которым был назначен денежный платеж вместо работы в корабельных лесах, просили об освобождении от сбора в связи со случившимся несчастьем (*Там же*, л.4об.). Похожий случай произошел с казанскими слободскими служилыми татарами Ибрашем Утягановым и с четырьмя его товарищами, которые добивались дополнительной отсрочки от работ по заготовке корабельных лесов «за оскудением от пожару» (*Там же*, л.30).

Тексты челобитных содержат ценнейшую информацию о семейно-бытовых проблемах местных жителей. В них наиболее ярко проявляются личностные начала, так как их содержание в подавляющем количестве случаев касается отдельных людей, при этом факты из их жизни часто передаются в личностной окраске, события описываются с точки зрения личного восприятия челобитчика. Так, служилый татарин д. Малые Чилны Казанского уезда Калейка Сюлеев просил выдать ему калымных денег, не полностью оплаченных женихом (*Там же*, л.5–5об.). Другой служилый татарин из д. Унса Саранского уезда Зелейка Бектемиров ходатайствовал допросить служилого же татарина д. Уст-Узы Пензенского уезда Любайку Итеева, уведшего с поля его родную сестру (вероятно, произошло похищение невесты) (*Там же*, л.8об.). Аналогичный случай произошел в д. Умызу Саранского уезда с дочерью Девляши Айбулатова. Отец обвинил татарина той же деревни Резяпку Ураева в краже своей дочери Назии (*Там же*, л.53об.). Другой служилый татарин д. Красный Остров Алатырского уезда Девят Мамаев, наоборот, требовал от своей дочери Девкезилки вый-

ти замуж (*Там же*, л.9об.). К семейно-бытовым проблемам можно отнести темы еще 3-х челобитных о побоях и краже. Например, казанский слободской служилый татарин Абдул Надыров пожаловался на татарку Ураксалтанку Иштерякову за разгром его огорода и устройство «бойни» (*Там же*, л.69). Похожих примеров можно привести много.

В челобитных крестьяне-лашманы нередко жаловались на своих же односельчан. Например, служилый татарин д. Кадомка Алатырского уезда пожаловался на служилого татарина той же деревни Уразая Дуева, который, в отличие от остальных, не выдал «подможных» денег на отправку в Санкт-Петербург определенных с их деревни людей на плотничью работу (*Там же*, л.1). Отметим, что особые наряды по строительству Петербурга для служилых татар и чувашей впервые были узаконены в указе Петра I от 12 мая 1708 г. казанскому воеводе Н.А. Кудрявцеву (*Письма*, 1918, с.165). Указ предусматривал набор 5 тыс. татар, чувашей и черемис и отправку их на строительные работы в Петербург. Обеспечивать работников продовольствием и «подможными» деньгами на дорогу должны были сельские общества. Такая отработочная повинность рассматривалась как своеобразная замена воинской повинности. Вскоре высылки служилых мурз и татар Казанской, Азовской и Нижегородской губерний на строительные работы в Петербурге стали ежегодными и, как известно, продолжались вплоть до их приписки к Адмиралтейству в 1718 г. (*Файзрахманов*, 2014, с.108–113). Данный источник доказывает, что высылка служилых татар в столицу на строительные работы была продолжена и в последующие годы.

Содержание некоторых документов раскрывает проблемы во взаимоотношениях между татарскими мурзами и их крестьянами. Так, ясачный татарин д. Средняя Атна Алатской дороги Казанского уезда Кадырмаметка Абдюшев пожаловался на Калея мурзу Ишмурзина князя Яушева из д. Кошар за увоз у него хлеба. Сам Яушев считал, что он отбирает положенный оброк у своего крепостного (*РГАВМФ*, ф.237, оп.1, д.16, л.58об.). С одной стороны, мурзы Яушевы считали себя владельцами земель и крестьян, что подтверждалось царскими грамотами, тем не менее, постепенное низведение некогда привилегированного положения татарских мурз до состояния ясачных крестьян в петровский период только набирало обороты. Мурзы постепенно теряли владельческие права на своих дворовых. Отсюда идут корни непризнания дворовыми людьми своих прежних хозяев (см.: *Файзрахманов*, 2016, с.255–263). Со своей стороны, лашманы (служилые татары) также подавали челобитные, заступаясь за своих подопечных. Например, Халей мурза князь Яушев из той же д. Кошар пожаловался на дворянина Ивана Черникова Онучина, который, по его мнению, незаконно вел розыск в отношении его дворового человека, содержавшегося во время следствия в тюремном дворе (*РГАВМФ*, ф.237, оп.1, д.16, л.78об.). В данном случае мы можем говорить о патронатном отношении хозяина, заступавшегося за своего дворового.

Описываемые в челобитных ситуации, требовавшие административно-правового регулирования, касались самых различных сторон жизнедеятельности людей. К примеру, в челобитной служилого татарина д. Алпарово Ногайской дороги Бекбулата князя Булатова сообщалось о находившемся в бегах шурине Калмете Мамееве из д. Демкино, который был застрелен во время облавы (*Там же*, л.118). О пересмотре налогообложения ходатайствовал крестьянин д. Ромодан Ногайской дороги Казанского уезда Салтанка Янгулов, обвинив комиссара Дмитрия Аристова в незаконном сборе с него банных денег (*Там же*, л.143). Служилые татары д. Муслимово Ногайской дороги во главе с Муслимом мурзой Муратовым просили передать им по указу наливную мельницу на речке Бахте (*Там же*, л.80). Сотник из д. Шанталы Ногайской дороги Ураз Кайбердин просил об отставке его с должности (*Там же*, л.95).

В еще одной челобитной касимовский татарин Ногай Танатаров с товарищами ходатайствовали об уменьшении наполовину причитающихся с них денежных сборов, по сравнению с другими же касимовскими служилыми татарами, обосновывая это тем, что они раньше «служили в холопстве у Касимовского царевича» (*Там же*, л.79об.). Имеется единичный случай ходатайства для освобождения от податей за умерших отцов – служилые татары д. Шелдовиц Керенского уезда Женгай Ишмамметев, Темир Павлов просили «о невзятье с них за умерших отцов их всяких податей» (*Там же*, л.99). Так же всего одна челобитная поступила от приписанных к Адмиралтейству крестьян о разрешении пользоваться заповедным лесом на домовые нужды – от других крестьянских сословий таких просьб было бесчисленное количество.

В редких челобитных, адресованных в Казанскую контору корабельных лесов, были задействованы работники Казанского адмиралтейства. Так, вдова солдата Ивана Беспалова Агафья Иванова пожаловалась на мачтового дела мастера Семена Чернавского, который, по ее мнению, держал в качестве домовой прислуги ее дочь Лукерью Иванову, не имея на то крепостных прав (*Там же*, л.76). В ряде челобитных поднимался вопрос о выплате жалованья. Канатного дела ученики Анисий Леханов, Герасим Никифоров просили выдать им денежное и хлебное жалованье без вычета, вероятно, часть жалованья должна была быть вычтена по каким-то причинам (*Там же*, л.81). В челобитной корабельного подмастерья грека Костянтина Иванова речь шла о выдаче ему денежного жалованья с 1 сентября 1722 г. по 1 сентября 1723 г. (*Там же*, л.82об.). Находившийся при делах корабельных лесов кузнец Иван Смородин просил прибавку к жалованью (*Там же*, л.118).

В заключение можно отметить, что челобитные как исторический источник требуют дальнейшего изучения. Они – важнейший источник для изучения повседневного быта населения. Челобитные расширяют наше представление о происходивших исторических событиях в социокультурном плане – в определенной степени раскрывают социокультурную среду,

на фоне которой происходили события. Их содержание разнообразно и отражает широкий спектр проблем разных категорий населения. Кроме того, в челобитных имеется достаточно большой информационный потенциал для реконструкции жизни общества и его взаимодействия с государством. В рассмотренном источнике, помимо прочего, они отражают новые явления, связанные с началом строительства в Казанской губернии морского флота и с заготовками корабельных лесов, социально-бытовые аспекты жизнедеятельности лашманов. Челобитные свидетельствуют о тяжелом материальном положении, социальной и правовой незащищенности лашманов, обремененных государственными повинностями и ограниченными многочисленными запретами. «Книгу...» с записями о челобитных за 1723 год можно рассматривать как массовый источник, позволяющий с большой степенью полноты выявить характерные «нужды» населения за конкретный год.

Приложение 1

**Классификация содержания лашманских челобитных
в Канцелярию корабельных лесов (1723 г.)**
(Составлено по: *РГАВМФ*, ф.237, оп.1, д.16, л.1–146)

№	Содержание челобитных	Кол-во
1а.	Отставка от работы корабельных лесов (причины не указаны)	87
1б.	Отставка от работы корабельных лесов (причины указаны) – всего 158 В том числе по следующим причинам:	
	1. Смерть («чтоб за умерших в работу карабельных лесов не спрашивать», «о выписке из книг умершаго от работы карабельных лесов», «об исключении из работы карабельных лесов умершего», «о выключении из работы задавленного намертво валом»)	76
	2. Старость и болезни, в том числе: – Старость («за старостью из работы карабельных лесов выключить») – всего 13 – Старость и слепота («об отставке от работы карабельных лесов за старостью и за слепотою») – всего 2 – Старость и скорбь («об отставке за старостью и за скорбью от работы карабельных лесов») – всего 2 – Старость и дряхлость («об отставке за старостью и за дряхлостью от работы карабельных лесов») – всего 1 – Слепота («об отставке за слепотою от работы карабельных лесов») – всего 1 – Скорбь («об отставке за скорбью от работы карабельных лесов») – всего 1 – Падучая скорбь («о выключке за падучею скорбью») – всего 1	23

	– Слепота и глухота («об отставке за слепотою и за глухотою») – всего 1 – Ожог тела («об отставке ево от работы карабельных лесов, понеже он обжегся») – всего 1	
	3. Замена натуральной повинности по заготовке карабельных лесов денежным налогом («чтоб вместо работ карабельных лесов платил указные деньги с человека 2 рубли»))	17
	4. Пропажа без вести («о выключении из работы пропалого», «об отставке от работ без вести пропавшего», «об исключении от работ без вести пропавшего»)	13
	5. Бегство («о неспрашивании в работу карабельных лесов за беглого», «чтоб за высланных из Уфимского уезду служилых татар, которые вторично бежали, их деревенских людей в работу карабельных лесов не спрашивать», «об отставке от работ карабельных лесов беглого»)	9
	6. Отдача в рекруты («о выключении из работы карабельных лесов работника ясажного чувашенина, которой по переписи написан во дворе у него челобитчика, а ныне явился при полку в салдатах в Казани», «об исключении от работ работника, который отдан в рекруты», «об исключении из работы взятого в рекруты», «на приемыша, который бежал и нанялся в рекруты»)	6
	7. Исключение нежелающих дальше продолжать работу по заготовке карабельных лесов ясачных работников, которые фактически выполняли эту работу вместо приписанных к Адмиралтейству служилых людей («о выключении из работы работников, которые написаны на ясак», «о не спрашивании с ясажного татарина в работу карабельных лесов работника»)	4
	8. Просьбы служилых татар не высылать их на работы по заготовке карабельных лесов вместо наемных ясачных работников, которые проживали вместе с ними («о неимании с служилого татарина в работу карабельных лесов за ясажного чувашенина», «чтоб за черемисина, который написан во дворе у другого татарина, а у него челобитчика жил на время в работу карабельных лесов не спрашивать», «в житье у него ясажного мордвина с детьми, которые к работе написаны»)	3
	9. Бедность («об отставке за скудостью»)	2
	10. В обмен на безвозмездную поставку чернил («чтоб ему ставит в канцелярию правления карабельных лесов чернил безденежно, а ево б от работы карабельных лесов отставили»)	1
	11. Жалобы на привлечение к работе по заготовке карабельных лесов несовершеннолетних («о неимании в работу карабельных лесов за малолетством», «в наряде в работу неположенного малолетнего», «об отставке ево за малолетством от работы карабельных лесов», «на выборного с товарищи, что они заставляли работать недоросля»)	4
2	Об исключении лишних нарядов по заготовке карабельных лесов с дважды написанных в ревизских сказках лашманов («о выключении из работы карабельных лесов ..., которой написан в работу в дву в	3

	деревнях», «чтоб ево к работе числить в один ряд, понеже он написан вдвоя», «чтобы работу у карабельных лесов работать в один ряд, понеже написан в дву деревнях»))	
3	Побег наемных работников от работы по заготовке карабельных лесов («о допросе ... в побеге от работы карабельных лесов, которой по найму до сроку не отработал», «в невыработании по найму до сроку у работы карабельных лесов», «в побеге по найму от работы от заготовности на морские суда лесов», «по делу (отлучившегося) в наемном наряде в работу недоросля», «в не работе по найму у карабельных лесов», «на служилого татарина, которой у него нанят в работу и неотжив до сроку сошел»))	8
4	Требования наемных работников доплатить им все положенные выплаты за работу по заготовке карабельных лесов («о допросе служилого татарина в неплатеже ему за работу у карабельных лесов достальных денег», «в неплатеже по найму их в годовой работе у карабельных лесов родных заработных денег четырех рублей», «в заработных у работы карабельных лесов в деньгах»))	4
5	Отлучка с места жительства в Уфимский уезд для сыска беглых людей («об отпуску из них одного человека в Уфимской уезд для сыску беглых татар», «о неимании с него за пересрочку, что он отпущен был в Уфимской уезд и на срочное число не явился штрафных денег», «об отлучке в Уфимский уезд для сыску беглых»))	3
6	Просьбы определить в работу карабельных лесов людей, бывших в бегах в Уфимском уезде, но обратно вернувшихся («определить в работу карабельных лесов», «о определении ево в работу карабельных лесов, понеже выслан от Уфинского уезду»))	4
7	Просьбы отпустить в дома с работ по заготовке карабельных лесов раньше срока («об отпуске их служилых татар», «об отпуску их ис Казани для работы карабельных лесов в дома на месяц», «об отпуску ево челобитчика для нынешней деловой поры в дом ево»))	3
	Просьбы отпустить с работы по торговым делам («об отпуску ево для торгу на Макарьевскую ярмонку и о даче ему проезжаго указу», «об отпуске в Астрахань с товаром»))	2
8	Жалобы на уклоняющихся от лашманской работы («не работают и напред в работе не были», «в неработании у карабельных лесов»))	2
9	Пожары («о неимании с них положенных вместо работы карабельных лесов денег для пожарного раззорения», «чтоб им за оскудением от пожару в работе карабельных лесов дать сроку»))	2
10	– Семейно-бытовые вопросы («о допросе в неотдаче достальных калымных денег», «о допросе в увозе с поля сестры ево челобитчиковой», «о повелении идти замуж дочери», «в краже дочери ево») – всего 4 – Побои («в потраве в огороде овощу и в боево», «о бое») – всего 2 – Кража («об увозе сена другим татаринном») – всего 1	7
11	Жалоба на односельчанина, не участвовавшего в сборе общественных денег («неотдача подможных денег за Санкт-Петербургскую посылку в плотнишную работу»))	1

12	– Жалоба ясачного татарина на отобрание мурзой князем Яушевым у него хлеба («в приезде к нему в дом и в увозе хлеба») – Покровительство своего дворового человека мурзой князем Яушевым («на дворянина в неправом розыску дворового человека ево, которой держится на тюремном дворе по розыскному делу»)	2
13	Непредвиденная смерть («о застреленном на поимке шурине ево»)	1
14	Жалоба на незаконный сбор денег («на комиссара во взятые с него банных денег»)	1
15	Передача водяной мельницы («о даче им указу ... на речке Бахте наливной мельницы»)	1
16	Отставка сотника («об отставке ево из сотников»)	1
17	Просьба касимовских татар уменьшить наполовину причитающийся с них денежный сбор («об определении их в Касимовской татарской слободе половинным окладом против служилых татар, которой оклад положен на них вместо работы карабельных лесов»)	1
18	Освобождение от податей за умершего («о невзятые с них за умерших отцов их всяких податей»)	1
19	Разрешение пользоваться заповедным лесом на домовые нужды («о даче на домовые нужды лесов»)	1
	Итого	293

Источники и литература

1. Лашманы в строительстве российского флота: сборник документов и материалов / сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата И.З. Файзрахманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 584 с.

2. Письма и бумаги Петра Великого. Петроград, 1918. Т. 7. Вып. 1.

3. ПСЗ–1. Т. 16. № 11988.

4. ПСЗ–1. Т. 4. № 1743.

5. ПСЗ–1. Т. 5. № 3068.

6. ПСЗ–1. Т. 6. № 3593.

7. ПСЗ–1. Т. 6. № 3967.

8. ПСЗ–1. Т. 6. № 4028.

9. ПСЗ–1. Т. 7. № 4344.

10. ПСЗ–1. Т. 7. № 4379.

11. РГАВМФ. Ф. 237. Оп. 1. Д. 16.

12. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1157.

13. *Файзрахманов И.З.* История Казанского адмиралтейства (1718–1830 гг.) / науч. ред. И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 264 с.

14. *Файзрахманов И.З.* Взаимоотношения татарских помещиков и их дворовых людей во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (на примере рода Яушевых) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 8. Казань, 2016. С. 255–263.

И.Ж. Фәйзрахманов

**Лашманнарның ижтимагый-икътисади хәле
(1723 елгы челобитныйларны анализлау мисалында)**

Мәкаләдә Адмиралтействога беркетелгән салым түләүче авыл халкының (лашманнарның) ижтимагый-икътисади һәм хокукый хәлен ачыклау максатында челобитная дигән чыганакның мәгълүмати мөмкинлекләре тикшерелә. Корабль урманнарын эзерләүдә һәм Адмиралтейство эшләрендә мәшгуль халыкның типик "ихтыяжларын" тулы ачыклау өчен массакүләм чыганакларны жәлеп итү зарурилыгы билгеләнә.

Ачыкч сүзләр: лашманнар, Казан адмиралтействосы, Идел буе төбәге, челобитная, 1723 ел, йомышлы татарлар, кораб урманнарын эзерләү.

I.Z. Faizrahmanov

Socio-economic status of lashmans (on the example of the petitions of 1723)

The article explores the informative possibilities of such sources as petitions for disclosing the socio-economic and legal status of the rural taxable population assigned to the Admiralty (lashmans). The need to attract mass sources for the complete identification of the characteristic "needs" of the population employed in the harvesting of ship scaffolding and in the admiralty works.

Keywords: the lashmans, Kazan Admiralty, the Volga region, the petition, 1723, service Tatars, harvesting of ship scaffolding.

Информация об авторе:

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: istorkazan@mail.ru

Фәйзрахманов Илшат Жәүдәт улы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының яңа тарих бүлегә өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Faizrahmanov Ilshat Z. – Candidate of Historical Sciences, Senior Scientific Researcher of the Department of New History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Марьям Губайдулловна Нигматуллина:
неизвестная представительница династии Буби

Статья посвящена Марьям Нигматуллиной – представительнице знаменитой династии просветителей Буби, имя которой до сих пор оставалось неизвестным. В период с 1917 по 1920-е гг. М. Нигматуллина являлась участницей татарского советского нацистроительства во внутренней России, а затем национально-освободительного движения народов Туркестана против большевистской оккупации. Вместе со своим мужем Али Рызой она сражалась в рядах армии Энвер-паши. В статье предпринята попытка восстановить основные этапы жизненного пути М.Нигматуллиной. Биографический материал, касающийся ее жизни, собран в ходе исследования малоизвестных и неизвестных татарской исторической науке источников, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: династия татарских просветителей Буби, Марьям Губайдулловна Нигматуллина (Атмаджа), Бухарская Народная Советская Республика, татарская эмиграция, Али Рыза, Энвер-паша, Молла Нафиз, Заки Валиди Тоган, Гариф Карими.

Высокая социальная роль татарской мусульманской женщины выразилась не только ее активным участием в образовательно-педагогической, просветительской, журналистской и иных областях жизни в мирное время. История знает примеры того, как татарская женщина брала в руки оружие и плечом к плечу с мужчинами шла в бой. И речь идет не только о древней или средневековой истории.

В настоящей статье будет рассказано об одной татарской женщине, которая всего лишь сто лет тому назад сражалась вместе со своим супругом за свободу и независимость Туркестана. Речь идет о Марьям Губайдулловне Нигматуллиной – дочери Губайдуллы Габдулгаллямовича Нигматуллина¹, старшего брата знаменитого татарского религиозного деятеля и педагога Габдуллы Нигматуллина (Буби) (1871–1922). Поэтому, прежде чем перейти к фигуре самой Марьям-ханум, необходимо сказать несколько слов о ее отце.

Губайдулла Нигматуллин оставил след как талантливый педагог-реформатор и видный деятель татарского национального образования, ав-

¹ В настоящее время известно, что у Губайдуллы Нигматуллина было двое детей: Фидаи Губайдуллович (1906–1932) и Зыя Губайдуллович (1908–1941) (см.: [Электронный ресурс]. URL: https://tt.wikipedia.org/wiki/Гобэйдулла_Буби (дата обращения: 26.04.2020)). Мое утверждение о том, что у него также была дочь Марьям, основывается на воспоминаниях З.В. Тогана и, отчасти, на публикации Гюльджан Сём (см. ниже).

тор учебников по географии, физике, естествознанию, этике, грамматике татарского языка², а также как успешный предприниматель. Вместе со своим младшим братом Габдуллой Буби он открыл новую страницу в истории татарского национального образования. В частности, историк А.Х. Махмутова пишет, что Губайдулла Нигматуллин сыграл «значительную роль в духовном становлении Г.Буби» (*Махмутова*).

В 1895 г. Габдулла Буби, с благословения своего отца, приступил к масштабной реорганизации системы и содержания преподавания в Иж-Бобьинском медресе³. Работу по реформированию медресе Габдулла Буби проводил вместе со своим старшим братом Губайдуллой, который осенью того же года вернулся из Стамбула, завершив учебу в передовом турецком учебном заведении «Мектеб-и Фунун Мулькиййе»⁴. Губайдулла Нигматуллин, получивший светское образование в одном из лучших учебных

² Г.Нигматуллин написал следующие учебники: «Кавагыйде төркия» (Грамматика тюркских языков), 1898; «Мохтасар жәгърәфия» (Краткая география), 1898; «Жәгърәфия гомумия» (Общая география), 1898; «Кыйраэт төрки» (Книга для чтения на тюркском языке), 1899; «Мохтасар гыйльме халь» (Основы религии), 1907; «Кыйраэте фәнния» (Книга для чтения по науке), 1909; «Кечек жәгърәфия» (Малая география), 1910 и др.

³ Иж-Бобьинское медресе – татарское мусульманское учебное заведение в селе Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии, открытое в 1781 г. С 1895 г. в медресе осуществлялась поэтапная реформа и с 1907 г., наряду с исламскими дисциплинами (арабский яз., персидский яз., логика, этика и нравственность, Коран, хадис, история ислама), в его стенах начали преподаваться турецкий, русский и французский языки, общая история, философия, политэкономия, арифметика, геометрия, физика, химия, астрономия, география, ботаника, медицина, психология, педагогика, физическая культура. В период с 1908 г. до разгрома медресе российскими властями в 1911 г. в нем ежегодно обучалось 500 студентов (шакирдов). Образовательный уровень медресе соответствовал уровню российских университетов (см.: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wikiwand.com/tt> (дата обращения: 26.03.2020)).

⁴ «Мектеб-и Фунун Мулькиййе» (турецк.: Mekteb-i Fünûn-ı Mülkiyye) – основанное султаном Махмудом II в 1858 г. учебное заведение нового типа, фактически – университет, для подготовки квалифицированных должностных лиц широкого профиля. Было организовано преподавание арабской каллиграфии, турецкой литературы, архитектуры и строительных технологий, арифметики, статистики и статистического учета, геометрии, космографии, физики, геологии, географии, естественной истории, биологии, истории, экономической политики. Много внимания уделялось праву и законоведению – учащиеся знакомились с новыми османскими законами и законодательством (Каванин-и-Джадида-и салтанат-и сениййе), с соглашениями Османского государства с зарубежными государствами (Муахедат-и-Девлет-и-Алиййе) и законодательством зарубежных стран (хукук-и-миляль). Также преподавались исламское право (фикх), торговое законодательство, бухгалтерский учет, административный процесс, гражданское и уголовное право, судопроизводство (см.: [Электронный ресурс]. URL: <https://islama-nsiklopedisi.org.tr/mekteb-i-mulkiyye> (дата обращения: 26.04.2020)).

заведений Турции, «был генератором идей, можно сказать, мозговым центром преобразований. Братья, очень разные по характеру, хорошо дополняли друг друга», – пишет А.Махмутова.

В итоге два брата превратили медресе в селе Иж-Бобья в выдающийся очаг татарского мусульманского просвещения всероссийского масштаба, «подобного которому не было в то время не только у татар, но, пожалуй, и во всем мусульманском мире» (Махмутова, 2019), и это при том, что татарское образование в Российской империи, за редким исключением⁵, не имело систематической поддержки со стороны государства.

Также нельзя обойти вниманием мать Марьям-ханум Насиму Файзуллину (1887–1939). Брак Губайдуллы и Насимы-ханум состоялся благодаря тому, что Губайдулла учился в Стамбуле вместе с младшим братом отца Насимы Харисом Файзи. Род Файзи дал много знаменитых людей: помимо просветителя и педагога Хариса Файзи, из этого рода вышли видный драматург Мирхайдар Файзи, композитор Джаудат Файзи и др. Следовательно, спутница жизни Губайдуллы Буби Насима была представительницей интеллигентного и просвещенного рода. Насима-ханум Буби долгие годы преподавала уроки татарского языка и литературы в медресе «Иж-Буби» и в других школах⁶.

Также нужно учитывать роль, которую в деятельности реформированного медресе сыграла родная сестра братьев Нигматуллиных – Мухлиса Габдулгаллямовна Нигматуллина (Буби) (1869–1937), которая в сотрудничестве со своими братьями и их женами – Насимой-ханум и Хуснифатимой-ханум (Там же, с.162) – уже в 1901 г. создала в селе Иж-Бобья женскую школу с шестилетним курсом обучения. Уровень религиозных знаний и общей образованности Мухлисы Буби был настолько высок и общепризнан в высших кругах российского мусульманского сообщества, что на I Всероссийском мусульманском съезде, проходившем в Москве 1–11 мая 1917 г.⁷, она была избрана одним из шести шариатских судей-кадиев Цен-

⁵ Данные о ежегодном финансировании шести мусульманских медресе суммой в размере 500 руб. из городской казны г. Оренбурга приводятся в статье о состоявшемся в мае 1915 г. судебном процессе над сыном Ризаэтдина Фахретдинова – Габдрахманом (см.: Ханипова, Назыпова, 2019). Однако, насколько факт выделения финансовых средств для татарских медресе соответствует действительности, остается неизвестным, ввиду ненадежности заявившего об этом лица.

⁶ См.: [Электронный ресурс]. URL: http://medresebubi.ru/biografija/gubajdulla_nigmatullin-bubi/ (дата обращения: 09.05.2020).

⁷ I Всероссийский мусульманский съезд был продолжением четырех предыдущих Всероссийских мусульманских съездов, которые проходили нелегально в Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге в 1905–1906 и 1914 гг. Разница в нумерации связана с тем, что после Октябрьской революции 1917 г. было принято решение с 1917 г. начать нумерацию съездов заново. Инициатором проведения съезда стала мусульманская фракция Государственной думы IV созыва.

трального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири, что было неслыханным делом в истории ислама.

Рождение и воспитание Марьям-ханум Нигматуллиной в подобной семье и окружении родственников, увлеченных общим благородным делом, конечно же, не могло не сказаться на ее духовном и интеллектуальном развитии. Кроме этого, перипетии славной и, одновременно, трагической истории этой выдающейся татарской семьи также напрямую отразились на судьбе Марьям-ханум.

К сожалению, на данный момент информации о Марьям Нигматуллиной и о ее жизненном пути крайне мало. Например, еще только предстоит установить дату ее рождения и кончины. Однако уже удалось обнаружить ряд источников, изучение которых позволяет положить начало изучению биографии Марьям-ханум Нигматуллиной. В настоящее время мы имеем на руках пять источников, которые в том или ином объеме предоставляют прямую и косвенную информацию о Марьям-ханум:

- 1) упоминание о ней, содержащееся в воспоминаниях З.В. Тогана;
- 2) вступительная статья Али Бадемджи к подготовленному им изданию мемуаров Моллы Нафиза (Mirza Pirnefes Türkistanlı) (см.: *Bademci*, 2015);
- 3) собственно сами мемуары Моллы Нафиза;
- 4) небольшая по объему дневниковая запись, которую Молла Нафиз посвятил Марьям-ханум;
- 5) небольшая интернет-публикация турецкого исследователя Рамазана Балджи.

Практически вся информация о Марьям-ханум была почерпнута косвенным образом, а именно: из сообщений З.В. Тогана, вступительной статьи Али Бадемджи, воспоминаний Моллы Нафиза и из публикации Р. Балджи. Из них непосредственно о самой Марьям-ханум свидетельствуют только дневниковые записи Моллы Нафиза и публикация Рамазана Балджи.

Впервые имя Марьям Губайдулловны всплывает в воспоминаниях Заки Валиди Тогана⁸, которые он опубликовал в 1967 г. в Турции и которые в 1998 г. были переизданы в Уфе в переводе на русский язык. З.В. Тоган, не акцентируя внимание на Марьям-ханум, упоминает ее лишь в связи с именем ее мужа Али Рызы-бея (Ali Rıza Bey): «Попавший в плен к рус-

⁸ Заки Валиди Тоган (Валидов Ахмет-Заки, 1890–1970) – видный военнополитический деятель, лидер башкирского национально-освободительного движения (1917–1920 гг.); активный участник и один из лидеров антибольшевистского сопротивления в Туркестане (1920–1923 гг.); публицист; историк, востоковед-тюрколог, доктор философии (1935), профессор, почетный доктор Манчестерского университета (1967). В 1923 г. эмигрировал и обосновался в Турции (см.: [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Валидов,_Ахмет-Заки (дата обращения: 22.04.2020)).

ским в ходе Первой мировой войны Али Рыза стал руководителем военной школы, организованной младобухарцами. Вместе с ним были его супруга, татарка Марьям-ханум (дочь известного мусульманского религиозного деятеля из казанских тюрок Губайдуллы Буби)» (Тоган, 1998, с.181).

На данный момент неизвестно, когда, при каких обстоятельствах состоялось знакомство Марьям-ханум и Али Рызы-бея, а также место и дата их бракосочетания. Однако можно уверенно утверждать, что офицер османской армии в звании капитана (yüzbaşı) Али Рыза попал в плен в ходе Сарыкамьшской операции на Кавказском фронте (1914–1915), которая ознаменовала вступление Османского государства в Первую мировую войну и закончилась полным разгромом турецких сил. О том, что юзбаша Али Рыза оказался в плену именно в ходе боев при Сарыкамьше, свидетельствует интернет-публикация Рамазана Балджи (см.: *Balci*).

Контрнаступление российской армии на этом фронте привело к пленению большого количества турецких военных. По разным данным, речь идет о 15000–60000 человек (Гусева, 2016). С ноября 1914 г. основная масса пленных шла транзитом через Сызрань и Самару: «Только в период с 22 марта по 28 марта 1915 г. через станцию Самара проследовало более 66 тыс.» пленных (Там же, с.97). Многие из них были больны и помещались в местные госпитали, больницы и лазареты. Турецких пленных размещали на Кавказе, отправляли на Украину, в Центральную Россию, в Сибирь и даже в далекую Маньчжурию (Сибгатуллина, 2010, с.205).

В годы Первой мировой войны российские мусульмане «создали многочисленные благотворительные общества, которые оказывали моральную и материальную поддержку турецким военнопленным» (Там же, с.216). География подобных обществ и организаций была широкой: Астрахань, Екатеринбург, Казань, Кострома, Москва, Нижний Новгород, Оренбург, Пенза, Симбирск, Тамбов, Тобольск, Тюмень, Уфа, Царицын, Челябинск – фактически везде, где проживали татары. Поэтому где бы ни оказывались пленные турки на территории России, между ними и местным татаро-мусульманским населением, так или иначе, налаживались связи и даже создавались семьи. Многие турки даже после освобождения предпочли поселиться в татарских деревнях, создав семьи и приняв татарские обычаи и уклад жизни (Там же, с.217).

Исходя из вышесказанного, браки между пленными турками и татарскими женщинами не были чем-то экстраординарным. Поэтому знакомство Али Рызы и Марьям-ханум не является исключением. Полагаю, оно произошло позже уже после Октябрьской революции 1917 г., поскольку в это время также создавались и активно работали комитеты по оказанию помощи турецким военнопленным. В частности, в 1918 г. в Оренбурге «активно действовал Комитет вспоможения пленным туркам, организованный при местном комиссариате по мусульманским делам» (Гусева, 2016, с.105).

Предположение о том, что Али Рыза и Марьям Нигматуллина познакомились благодаря ее участию в деятельности одной из таких организаций уже в советский период, косвенно подтверждается воспоминаниями Моллы Нафиза. Он писал: «...она вынужденно примкнула к большевикам, и благодаря своей мудрости и сильному характеру, оказалась в рядах выдающихся лидеров той среды. Она вошла в узкий круг вождей большевизма и добилась поддержки со стороны своих новых товарищей» (*Türkistanlı*, 2016, s.363).

Благодаря работе в органах советской власти Марьям Нигматуллиной удалось спасти большое количество турецких пленнх, организовав их возвращение на Родину. Сообщается, что ради освобождения турецких военнопленных Марьям-ханум пожертвовала все свои сбережения, доставшиеся ей в наследство от ее отца. Речь идет о сумме в 10000 золотых рублей. Благодаря этому благородному поступку ей удалось освободить и организовать возвращение на Родину 1800 турецких военнопленных⁹. Впоследствии с одним из освобожденных ею военнопленных, а именно с капитаном (*yüzbaşı*) османской армии Али Рызой, у Марьям Нигматуллиной возникли отношения, и она вышла за него замуж (*Türkistanlı*, 2016, s.364).

Дату создания новой семьи установить пока невозможно, однако имеются основания предположить, что это произошло в 1918 г. или в 1919 г. Об этом косвенно свидетельствует фотография, сделанная в период службы Али Рызы в армии Энвера-паши¹⁰ (т.е. в 1921–1922 гг.).

На фотографии, которую З.В. Тоган приводит в своей книге (*Тоган*, 1998), запечатлена группа турецких офицеров (вероятнее всего, бывших военнопленных), служивших у Энвера-паши в период с ноября 1921 г. по август 1922 г. В числе офицеров присутствует и Али Рыза, сфотографировавшийся вместе с дочерью, которой на вид не более 3–4-х лет (*Илл. 1*).

О том, что у Марьям-ханум и Али Рызы в туркестанский период их жизни уже была трехлетняя дочь по имени Алия, свидетельствует в своих воспоминаниях и Молла Нафиз. Таким образом, ориентируясь на возраст изображенной на фотографии девочки, можно допустить, что церемония никаха Али Рызы и Марьям Нигматуллиной состоялась в 1918 г. либо в 1919 г. Если судить по записям Моллы Нафиза, в 1923 г. маленькой Алие было три года (*Türkistanlı*, 2016, s.350). Следовательно, девочка появилась на свет в 1920 г.

⁹ См.: Держатель аккаунта Twitter под ником *Rusya Araştırmaları Enstitüsü* (Институт Российских исследований) [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/tusepcenter/status/1172663819602034688> (дата обращения: 02.05.2020).

¹⁰ Энвер-паша (Исмаил Энвер, 1881–1922) – генерал османской армии, военный и политический деятель. Военный министр Османского государства во время Первой мировой войны. Один из руководителей басмаческого движения в Туркестане. В 1914 г. Энвер-паша выступил за военный союз Турции с Германией и содействовал вовлечению Турции в Первую мировую войну.

Также из воспоминаний Моллы Нафиза следует, что после того, как русские большевики резко изменили свою политику по отношению к нерусским народам, в особенности – к мусульманам, Али Рыза и Марьям-ханум приняли решение перебраться в Бухару (*Türkistanlı*, 2016, s.364).

В те годы в Бухаре происходили важнейшие события: 2 сентября 1920 г. частями Красной Армии под командованием М.В. Фрунзе¹¹ и при поддержке туркестанских национальных формирований, представленных младобухарцами¹² и местными большевиками, был ликвидирован Бухарский эмират. Это позволило младобухарцам и большевикам взяться за создание в Бухаре Советской республики, с которой РСФСР 13 сентября 1920 г. заключила договор, признав ее независимость. Правительство Бухары в лице Ревкома и Совета назиров (комиссаров) было сформировано 14 сентября, а 8 октября 1920 г. была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика (БНСР). Военным комиссаром (назиром) БНСР был назначен Абдулхамид Арифов (1894–1925)¹³.

Али Рыза, как бывший кадровый военный, оказался востребованным при строительстве вооруженных сил БНСР. Из воспоминаний З.В. Тогана следует, что Абдулхамид Арифов, занимавший пост военного министра с марта 1921 г. по март 1922 г.¹⁴, поручил бывшему военнопленному, назначенному «заместителем военного назира Бухары» (*Абдуллаев*, 2009, с.201), организовать военную школу. Также Али Рыза-бей руководил созданием жандармерии (*Тоган*, 1998, с.46). Возможно, в то же время ему было присвоено звание полковника, соответствующее его высокой должности.

В сентябре и октябре 1921 г. Али Рыза все еще работал в военном комиссариате Бухарской Республики. З.В. Тоган, находившийся в Туркестане с осени 1920 г., сообщал о том, что в этот период времени Али Рыза передавал ему письма от Энвера-паши, который в это время был в Москве (*Там же*, с.67).

Еще с весны 1919 г. в Туркестане наращивала свою активность Красная Армия, перед которой стояла задача окончательно утвердить на этих территориях власть Москвы. Кроме этого, Кремль ставил перед военными более масштабную задачу, а именно – завоевание, через Туркестан, Афганистана и Ирана (*Абдуллаев*, 2009, с.194). Параллельно разрабатывалось

¹¹ Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) – революционер-большевик, советский государственный деятель, военачальник Красной армии во время Гражданской войны, военный теоретик.

¹² Младобухарцы – представители национально-демократического движения, возникшего на территории Бухарского эмирата (1756–1920) в начале XX в. на базе движения джадидов.

¹³ См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/cnt2.php?st=1510161553> (дата обращения: 02.05.2020).

¹⁴ См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/cnt2.php?st=1510161553> (дата обращения: 01.05.2020).

вторжение в Иран с территории оккупированного большевиками Азербайджана (*Гасанлы*, 2012, с.139).

Марионеточное правительство БНСР было вынуждено проводить политику, навязываемую из Москвы. В результате оно выступало на стороне красноармейцев, которые «приступили к массовым продовольственным заготовкам для нужд Красной Армии. Зерно, мясо и другие продукты вывозились из Восточной Бухары в Закаспий... насильственное изъятие продуктов или “продразверстку” Советская власть проводила за границей своего государства» (*Абдуллаев*, 2009, с.182), поэтому население новообразованной Бухарской Республики, и, в целом, Туркестана, испытало на себе бесчинства, творимые пришельцами с севера под прикрытием местных властей. Осознавая опасность сложившейся ситуации, председатель Совнаркома Бухарской Республики Файзулла Ходжаев (1896–1938) в июне 1921 г. послал в Москву на имя В.И. Ленина депешу следующего содержания: «Мясная разверстка в республике была выполнена с помощью русских вооруженных отрядов и вызвала ненависть масс к русским вообще и Красной Армии в частности» (*Там же*).

Кроме этого, недовольство народа вызывал тот факт, что красноармейцы и их командиры занимали для своих нужд школы, мечети и других священные, почитаемые местным населением места. Вооруженные пришельцы разрушали и разбирали немногочисленные деревянные жилища на дрова, оскверняли мечети. Таким образом, население стало воспринимать новую власть как организованную и вооруженную массу грабителей, вымогателей и осквернителей религии (*Там же*).

Ненависть масс к захватчикам выразилась в возникновении стихийного национально-освободительного движения, которое в советской историографии сознательно было названо несущим в себе негативный смысл словом басмачество, т.е. разбойничество. Повсеместно стали вспыхивать бунты против красных, население стало оказывать вооруженное сопротивление, которое переросло в вооруженное восстание.

Именно в этот критический момент, предположительно в конце октября (*Абдуллаев*) или, согласно данным З.В. Тогана, 20 декабря (*Тоган*, 1998, с.69) 1921 г. Энвер-паша внезапно оказывается в Бухаре. Он начинает знакомиться с обстановкой, проводя встречи с руководителями республики и лидерами национально-освободительного движения Туркестана, в частности с З.В. Тоганом. К тому времени Энвер-паша уже убедился в том, что изначально выбранный им путь сотрудничества с большевиками оказался неверным и решил присоединиться к басмаческому движению. З.В. Тоган писал о мотивах этого решения Энвера-паши следующее: «Свои окончательные решения, связанные с деятельностью в Туркестане, он принял здесь, после прибытия в Бухару, и подтолкнул его к этому решению отказ русских предоставить ему возможность встретиться с

*Джемал-пашой*¹⁵. *Вдобавок консул Юрнев*¹⁶ *позволил себе едва прикрытую угрозу по адресу самого Энвера-паши» (Тоган, 1998, с.76).*

Таким образом, для реализации своих планов Энвер-паша решил воспользоваться недовольством населения политикой правительства БНСР и, в целом, действиями русских, выступавших от имени советской власти в Туркестане. Он считал, что и нарастающее басмаческое движение в Туркестане даст ему *«шанс реализовать планы создания панисламистского государства или конфедерации государств. Во главе такой конфедерации он видел, конечно, свою Турцию, ярым патриотом которой он оставался до последнего своего вздоха. До конца своей жизни Энвер-паша не терял связи со своими сторонниками в Стамбуле и Анкаре и готовил почву для триумфального возвращения на родину» (Абдуллаев).*

То, какие планы на самом деле вынашивал Энвер-паша, не касается темы, рассматриваемой в настоящей статье. Однако отмечу, что поскольку Энвер-паша поставил перед собой задачу свержения советской власти в Средней Азии, то к нему присоединились влиятельные лица из правительства БНСР, среди которых были и Али Рыза (Абдуллаев, 2009, с.201), его начальник А. Арифов и даже глава БНСР Ф. Ходжаев.

Освободительная война, которую возглавил Энвер-паша, закончилась поражением туркестанцев. Сам он погиб в бою с красными 4 августа 1922 г. Документ о «мученической смерти уважаемого Энвера-паши» (*shahid məxtərəm Ənvər-paşa xəzrətlərə*) с указанием даты и коротким описанием места и обстоятельств гибели героя был заверен печатью и подписью заместителя (*Naib*) Энвера-паши полковника (*miralay*) Али Рызы (Илл. 2).

По данным Моллы Нафиза, в БНСР Али Рыза занимал пост командующего Бухарской оперативной армией, а затем, после смерти паши, – пост командующего Южным фронтом (*Türkistanlı*, 2015, s.341). Командуя силами туркменских моджахедов в районе между Керки и Афганистаном, Али Рыза сковал силы красных, засевших в гарнизоне городка Керки, не давая им творить бесчинства на прилегающих территориях. Вместе с Али Рызой находилась и его семья – Марьям-ханум, которая работала сестрой милосердия в госпитале, и маленькая Алия.

После окончательного поражения в Туркестане остатков армии Энвера-паши Али Рыза и Марьям-ханум были вынуждены эмигрировать в Афганистан. Это произошло в 1923 г., поскольку в воспоминаниях З.В. Тога-на имеется информация о том, что он случайно встретился с Али Рызой в

¹⁵ Джемал-паша (1872–1922) – османский военный и политический деятель-младотурок; во время сотрудничества с большевиками вынашивал идею с помощью Афганистана начать борьбу в Индии против Англии и при содействии Советов присоединить к своим исламским войскам туркестанцев (Тоган, 1998, с.58).

¹⁶ Юрнев (Константин Константинович Юренёв (Кротовский), 1888–1938) – полномочный представитель РСФСР в Бухаре (с 16.05.1921 г. по 01.02.1922 г.).

первой декаде июня 1923 г. на территории Афганистана, в местечке Бедгах (что на пути между Гератом и Кабулом). Из дальнейшего повествования З.В. Тогана становится известно, что в то время Али Рыза, Марьям-ханум и их дочка держали путь из Кабула в Турцию (*Тоган*, 1998, с.181). Поскольку их путь лежал через Иран, то достигнув Мешхеда, они некоторое время жили на съемной квартире в ожидании турецкой визы (*Türkistanlı*, 2015, s.341). В Мешхеде к ним присоединились Молла Нафиз вместе с другими соратниками (*Там же*).

24 октября 1923 г. турецкое консульство в Мешхеде выдало визы, а 4 декабря Али Рыза, Марьям-ханум с дочкой Алией, а также Молла Нафиз и еще более дюжины бывших повстанцев покинули Мешхед¹⁷. Далее Молла Нафиз описывает их трудный и долгий путь к турецкой границе. Путники передвигались верхом на конях и на двух верблюдах, которых Али Рыза взял с собой для продажи в случае необходимости. Часть путников шла пешком. Молла Нафиз отмечает необычайную выносливость и несгибаемый характер Марьям-ханум. 15 декабря небольшой караван достиг города Эстерабад (Гёрган), что недалеко от юго-восточного «угла» Каспийского моря. Здесь в последние дни их совместного путешествия Молла Нафиз и вписал в свои воспоминания главу о Марьям-ханум, перевод которой приведен в конце статьи.

В последний момент Али Рыза едва не привел группу к полному провалу. Во время званого ужина, который для «турецких офицеров» устроил командующий Северным фронтом Ирана Ахмет Казак Хан и на который были приглашены валий (мэр) города, начальник службы безопасности и даже советский консул, присутствовавшие пожелали услышать от Али Рызы о его приключениях в русском плену. Али Рыза, который, со слов Моллы Нафиза, любил прихвастнуть, начал рассказывать и в итоге разошелся настолько, что выложил не только историю своего пленения и выпавших на его долю мук, но и информацию о службе в Бухаре, об участии в боевых действиях против большевиков на стороне Энвера-паши, о своей борьбе с красными, будучи командующим Южным фронтом.

Ошеломленный такими откровениями, советский консул обратился к местным властям с просьбой задержать этих людей, которые, мол, лишь выдают себя за бывших военнопленных турецких офицеров, а на деле являются бунтовщиками, воевавшими против советской власти и поэтому их нужно передать советской стороне. В итоге группа была взята под охрану в том же доме, выделенном Ахметом Казак Ханом для их проживания.

¹⁷ Всего в группе собралось 18 человек, среди которых было четверо татар, коих М.Нафиз называет «тюрками Севера». В их числе был и Ариф Карими (Мухаммед-Гариф Кэрими) – родной брат видного татарского общественного деятеля, писателя, издателя, публициста, хозяина типографии «Фатих Кэрими басмаханәсе» Фатиха Гильмановича Карими (1870–1937).

Осознавая, какой их ждет конец, Молла Нафиз нашел возможность послать телеграмму послу Турции в Тегеране Мухиддину-паше, в которой сообщил о беде, приключившейся с группой турецких офицеров по пути на Родину. Это помогло: путники были переведены из статуса «задержанных» в статус «почетных гостей». Однако путь в Турцию был закрыт. Новый 1924 год путникам пришлось встретить в Гёргане, а затем их ждала дорога в Тегеран, куда они прибыли 20 января. 24 января состоялась встреча с послом Турции в Иране. Посол Мухиддин-паша объяснил, что не может оказать помощь странникам по официальной статье расходов, поэтому он помог им тем, что продал своего породистого коня и повозку-фаэтон, а выручку в размере 300 иранских туменов¹⁸ передал путникам. Эти деньги были необходимы им для того, чтобы добраться до турецкой границы, или как минимум до Тебриза (в 526 км к северо-западу от Тегерана), где путникам следовало прийти в турецкое консульство и предъявить сопроводительное письмо от Мухиддин-бея, чтобы уже там получить посильную помощь. 75 туменов из общей суммы были переданы семье Али Рызы в качестве подарка от Мухиддина-паши.

5 февраля 1924 г. пути Моллы Нафиза и семьи Али Рызы разошлись, поскольку последние решили добираться до Турции по окончании зимних холодов, дабы не рисковать здоровьем Алии. Молла Нафиз, Нафи-бей и остальные путники покинули Тегеран и отправились в Турцию.

Али Рыза и Марьям-ханум с дочкой благополучно добрались до Анкары весной 1924 г. Об этом свидетельствует последнее упоминание З.В. Тогана об Али Рызе, которое заканчивается такими словами: *«Позже, в Турции, мы с ним встречались многократно. Они жили в Анкаре в доме, предоставленном им Фавзи-пашой, до самой своей кончины. Али Рыза-бей после присоединения к паше был участником и очевидцем всех его приключений»* (Тоган, 1998, с.181).

Из перевода, а именно из фразы: *«Они жили в Анкаре в доме, предоставленном им Фавзи-пашой, до самой своей кончины»* следует, что Али Рыза и Марьям-ханум жили в доме Фавзи-паши¹⁹ до своей смерти. Однако, я полагаю, что переводчик допустил ошибку, неверно переведя притя-

¹⁸ Тумен (персидский туман) – официальная денежная единица Персии с 1825 по 1932 г. В середине XIX в. 1 персидский туман был равен 4 российским рублям (в одном рубле было 1,199 граммов чистого золота).

¹⁹ Фавзи-паша (тур. Mustafa Fevzi Çakmak Paşa; 1876–1950) – османский и турецкий военный деятель, маршал, премьер-министр Турции (1921–1922) и ближайший сподвижник Кемаля Ататюрка. Именно Фавзи-паша остановил отступление турецкой армии и не позволил греческим войскам захватить Анкару. В 1920–1921 гг. занимал должность первого заместителя премьер-министра Турции, затем был назначен премьер-министром страны (с 24 января 1921 г. по 9 июля 1922 г.). В 1924 г. принял решение уйти из политики и посвятить себя военной службе, сложив полномочия депутата парламента. С 3 марта 1924 г. по 12 января 1944 г. являлся начальником Генштаба Вооруженных сил Турции.

жательное местоимение в турецком словосочетании, которое в оригинале, как я предполагаю, имело вид *ölümüne/vefatına kadar*. В таком виде фраза должна переводиться следующим образом: *до его кончины*. То есть в этой фразе говорится о смерти одного человека. Если бы речь шла о смерти двух человек одновременно, т.е. Али Рызы и его супруги (что само по себе маловероятно), то фраза имела бы несколько иной вид, а именно: *ölümlerine/vefatlarına kadar*. Из этого я делаю вывод, что З.В. Тоган имел в виду смерть Фавзи-паши, который умер в 1950 г.

Благодаря помощи Фавзи-паши, Али Рыза, вместе со своим сослуживцем по туркестанской кампании Нафи-беем, продолжил служить в турецких вооруженных силах (*Bademci*, 2015, с.15). О том же, как сложилась жизнь Марьям-ханум (или на турецкий лад – *Мерьем*) в Турции, судить сложно, поскольку каких-либо источников информации, кроме нескольких слов в воспоминаниях З.В. Тогана, в настоящее время не обнаружено.

Однако благодаря любезной помощи моего бывшего студента, коллеги и хорошего друга Ильяса Мифтахова, проживающего в Турции, мне удалось получить ссылку на документ, имеющий отношение к семье Али Рызы. Речь идет о передаче на основе закона №716 господину Али Рызе и его супруге госпоже Марьям Атмаджа, проживавшим в районе Калаба в Анкаре, дома в Стамбуле. Документ датирован 12 ноября 1945 г. Он хранится в Республиканском архиве Министерства государственных архивов Турции под номером 30–18–1–2. Таким образом, можно предположить, что в конце 1945 г. семья Али Рызы переехала в Стамбул.

Можно было бы сказать, что после этого следы Марьям-ханум теряются. Однако обратимся к размещенной в интернете фотокопии полуистлевшей газетной вырезки с некрологом по Марьям Атмаджа (*Илл.3*)²⁰. В этом посте названо имя ее отца *Ufah Ubeydullah Efendi*, т.е. «Губайдулла эфенди из Уфы»²¹, и имя ее супруга – Али Рыза. Сама Марьям-ханум в некрологе фигурирует под фамилией Атмаджа (Atmaca). Некролог под названием «Скончалась турецкая женщина-патриот» (*Vatanperver Bir Türk Kadını Vefat Etti*) был опубликован в газете «Tasvir» и сопровождается фотографией Марьям-ханум, однако время сделало свое – качество фотографии очень низкое.

²⁰ См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://onedio.com/haber/ruslara-esirdusen-1800-askeri-babasindan-kalma-altinlarla-kurtaran-kahraman-turk-kadini-merguem-atmaca-867501> (дата обращения: 07.05.2020).

²¹ Уфа упоминается в связи с тем, что после разгрома медресе «Иж-Буби» в 1911 г. Губайдулла Нигматуллин был заключен в тюрьму, а после освобождения в ноябре 1912 г. он перевез свою семью в Уфу, где они жили приблизительно до 1924 г. (см.: [Электронный ресурс]. URL: http://medresebubi.ru/biografija/gubajdulla_nigmatullin-bubi (дата обращения: 09.05.2020)).

Однако в результате поисков была обнаружена более качественная фотография Марьям-ханум с ее автографом следующего содержания (Илл.4):

Meryem
Atmaca
1941
سنه سنده الدرמש رسم

Перевод: *Марьям Атмаджа. Мой снимок, сделанный в 1941 году.*

Фамилия Атмаджа является, скорее всего, фамилией, которую Али Рыза взял в период реформы 1935 г., когда турецкий парламент принял решение о введении в Турции фамилий на европейский лад.

После появления интернет-публикации Р.Балджи в интернете появились короткие видеосюжеты, в которых Марьям-ханум упоминается как героическая турчанка, пожертвовавшая своим наследством ради спасения жизней турецких военнопленных²². О том, откуда она была родом, дочерью какого народа является и какие на ее долю выпали испытания, не говорится ни слова.

Наконец, осталось изложить некоторые соображения по поводу даты смерти Марьям-ханум. Она в настоящий момент неизвестна. Однако имеются некоторые источники, согласно которым можно определить год ее кончины. Основным источником пока еще остается фотокопия фрагмента полосы газеты «*Tasvir*» с некрологом, но текст обрывается по горизонтали в нижней части. В нем сообщается, что Марьям Атмаджа умерла накануне. Однако дата выхода номера газеты также отсутствует.

По обе стороны полосы с некрологом располагаются соседние полосы с информацией на другие темы. Они также фрагментарны и оборваны по вертикали примерно посередине полосы так, что читается только половина размещенного в них текста.

Мной был произведен анализ доступных для чтения фрагментов текста на этих полосах. Удалось выяснить, что некролог с сообщением о смерти Марьям Атмаджа появился в тот момент, когда газета публиковала материалы о внешнеполитических трениях между СССР и Турцией по поводу Ирана, имевших место осенью 1945 г. и весной 1946 г. В частности, очевидно, что в газетном сообщении речь идет о сосредоточении советских войск на территории Ирана вблизи турецкой границы и об ожидании предъявления политических требований к Турции со стороны правительства СССР. Действительно, подобное обострение отношений между двумя странами имело место, и состояние дел отражалось в турецкой прессе. В

²² Подобные видео на YouTube можно найти по запросу *Meryem Atmaca*.

частности, сообщение о происходящем размещала газета «Tanin» в номере от 14 марта 1946 г. (*Uzman*, 2018, s.123).

Исходя из вышеприведенных данных, можно сделать вывод о том, что Марьям-ханум Атмаджа покинула этот мир весной (возможно, в марте) 1946 г. Однако точную дату ее рождения и смерти еще только предстоит установить.

Перейдем теперь к воспоминаниям о Марьям-ханум, которые оставил Молла Нафиз. Этот соратник Энвера-паши, известный также под именами Мирза Пирнефес (*Mirza Pirnefes*) и Нафиз Тюркер (*Nâfiz Türker Bey*), занимал должность начальника разведки (*Umumi Muhaberat Müdürü*) в штабе турецкого генерала в те годы, когда он возглавил национально-освободительную борьбу туркестанцев против большевистской агрессии. Воспоминания Моллы Нафиза «Басмач в чалме» («*Sarıklı Basmacı*») были опубликованы в Турции в 2010 г. и переизданы в 2015 г. под редакцией Али Бадемджи (*Bademci*, 2015). В своих достаточно объемных мемуарах Молла Нафиз несколько раз упоминает имя Марьям-ханум, и, не скрывая своего восхищения героизмом и самоотверженностью этой женщины, считает своим долгом посвятить ей и отдельную главу.

Воспоминания Моллы Нафиза (ум. в 1975 г.) (*Bademci*, 2015, s.32) являются единственным на данный момент основательным источником, из которого можно почерпнуть некоторые сведения непосредственно о Марьям-ханум – о ее человеческих качествах и «самоотверженном участии в борьбе за существование и единство тюркского мира» (см.: *Приложение*).

Такова вкратце история жизни одной татарской женщины, о которой я узнал, казалось бы, случайно – просто листал страницы книги «*Sarıklı Basmacı*» в один из дней, когда имел счастье работать в Турецком историческом обществе в Анкаре. Я искал материалы о Мусе Бигиеве, и поиски привели меня к осознанию того, что великий татарский мыслитель не был сторонним наблюдателем грандиозных процессов, имевших место в Туркестане в первые годы после Октябрьской революции, что он горячо поддерживал национально-освободительную борьбу туркестанцев. Я имею все основания предполагать, что он принимал в них непосредственное участие. Поэтому мое внимание и привлекла книга воспоминаний Моллы Нафиза – нет ли в ней упоминаний о Мусе Бигиеве? Таковых не оказалось, но взгляд упал на одну строку в оглавлении: *Meryem Hanım*.

Что движет человеком в такие моменты? Почему меня потянуло вдруг познакомиться с этой главой поближе? Что привело меня, уже знающего, что речь в ней идет о моей соплеменнице, в один из крупнейших книжных магазинов турецкой столицы, где мне удастся приобрести единственный (!) оставшийся в нем экземпляр этой книги, после выхода которой прошло уже четыре года?

Как бы там ни было, мой небольшой рассказ о неизвестной, но героической татарской женщине стал результатом следования моему призванию. И я счастлив, что мне выпала честь вернуть ее имя моему народу.

Список иллюстраций (см. на цв. вклейке) и их источников:

Илл.1. Али Рыза с дочкой (1921–1922 гг.). Источник фотографии: (*Тоган*, 1998).

Илл.2. Свидетельство о мученической смерти Энвера-паши (1922 г.). Источник фотокопии: [Электронный ресурс]. URL: https://web.facebook.com/ismailenverpasa/posts/10156537113282916?comment_id=1015652651517916 (дата обращения: 02.05.2020). В представленной фотокопии документа на турецком языке должность и звание Энвера-паши имеют вид: Turan İhtilal Orduları Başkomutanı ve Türkistan Cephesi Kumandanı ve Emir-i Leşker-i İslâm-ı Buhara Enver Paşa (Главнокомандующий Освободительной армии, Командующий Туркестанским фронтом, Эмир Исламского Войска Бухары).

Илл.3. Фотокопия газетной вырезки с некрологом, посвященным Марьям-ханум Атмаджа. Источник фотокопии газетной вырезки: [Электронный ресурс]. URL: <https://onedio.com/haber/ruslara-esir-dusen-1800-askeri-babasindan-kalma-altinlarla-kurtaran-kahraman-turk-kadini-meryem-atmaca-867501> (дата обращения: 07.05.2020).

Илл.4. Марьям-ханум Нигматуллина (Атмаджа). Фото 1941 г. Источник фотографии: [Электронный ресурс]. URL: https://www.pinterest.ru/pin/448671181619674026/?nic_v1=1aoqdO%2Bg95dDP1KHу3jSozLZ9a6kiz98k4G1SS6ypOTjddpY5yvZb2T6RRyYCEv7oK (дата обращения: 09.05.2020).

Приложение

*Марьям-ханум*²³

Поскольку настала очередь, я не пойду дальше, пока не расскажу вкратце о Марьям-ханум. Я не знаю имени ее семьи и не расспрашивал ее об этом. Скажу только, что она не была из тех, кто превозносится за счет имен своих предков, начертанных на надгробных камнях. Она была очень привязана к своей родине и народу. Лично я считаю для себя делом чести изложить известную мне информацию о ее самоотверженном участии в борьбе за существование и единство тюркского мира. Я не очень хорошо знаю о тех краях, где родилась эта самоотверженная Аиша Северных тюрков. Она, должно быть, была родом либо из Казани, либо из Уфы. Однако, откуда бы она ни была родом, она была настоящей тюркской женщиной.

Мне известно, что она росла и воспитывалась в богатой семье. Она имела наилучшее образование, основанное на национальных и модернистских началах. В Октябрьской революции, которая потрясла Россию в 1917

²³ См.: *Türkistanlı*, 2015, s.363–365; *Bademci*, 2015.

году, она вынужденно примкнула к большевикам, и благодаря своей мудрости и сильному характеру, оказалась в рядах выдающихся лидеров той среды. Она вошла в узкий круг вождей большевизма и добилась поддержки со стороны своих новых товарищей. В то время, когда большевики повернулись лицом к нерусским, эта мудрая женщина извлекла максимум пользы из своего высокого статуса. Привлекая на свою сторону противников большевизма, она спасла бесчисленное количество людей от несчастий и даже смерти. Среди тех, кто благодаря стараниям этой женщины спас свою жизнь и смог вернуться на Родину, был и ее будущий муж Али Рыза, и сотни турецких офицеров, которые попали в русский плен в ходе Первой мировой войны. Она вышла замуж за одного из спасенных ею офицеров – Али Рызу-бея, и они оба рука об руку стремились принести пользу Родине под прикрытием большевизма. В то время, когда с целью укрепления своей власти в России большевики стали избавляться от тех, в верности которых они сомневались, она и ее муж Али Рыза-бей поняли, что в сложившихся условиях больше нет возможности приносить пользу своему народу. Тогда они переехали в Бухару. Поскольку в тот момент только что была провозглашена Бухарская Республика, то они хотели найти там для себя какую-нибудь ответственную работу. Юзбаши Али Рыза-бей был приведен к командованию воинским подразделением, сформированным под названием Оперативная армия Бухарской Республики (*Buharâ Cumhuriyeti Hareket Ordusu*).

Как я уже говорил выше, в то время, когда Энвер-паша присоединился к туркестанским басмачам, он [Али Рыза] вместе с президентом Османом Ходжой²⁴ в союзе с лидерами Национального правительства поднял восстание против большевиков в Душанбе. Позже они влились в движение

²⁴ Осман Ходжа (1878–1968) – узбекский интеллектуал, просветитель, издатель, историк и исследователь, один из лидеров среднеазиатского джадидизма; один из ключевых участников антимонархической революции в Бухаре, лидер политического движения и партии младобухарцев; один из основателей БНСР. С октября 1920 г. по декабрь 1921 г. работал в высших должностях БНСР (в августе 1921 г., на II съезде Советов БНСР, Осман Ходжа был избран председателем ЦИК Советов БНСР). Являлся одним из инициаторов и основателей Бухарской Красной армии (БКА). Выступал за самостоятельность БНСР и ее руководителей, за самостоятельность Бухарской Красной армии, а также за независимую внутреннюю и внешнюю политику молодой республики. Пытался организовать вывод Рабоче-крестьянской Красной армии с территории БНСР, но в ответ на эти действия нанеся себе несколько противников как среди руководителей БНСР, так и среди руководителей РСФСР, которая являлась фактически опекуном БНСР. Впоследствии покинул ряды бухарских революционеров. После неудачной попытки мятежа против красноармейского гарнизона в Душанбе в январе 1922 г. он бежал в Кабул, а далее – в Турцию. Являлся одним из критиков и противников «советской оккупации Средней Азии», писал и издавал книги и статьи об истории и культуре Туркестана и Средней Азии.

Энвера-паши и стали подчиняться его приказам. После того, как в Восточной Бухаре окончательно испортились их отношения со сторонниками эмира Сеида Алим-хана²⁵, стоявшими на кадимистских позициях, они перебрались в Афганистан. В это время Марьям-ханум все еще оставалась в Бухаре, затем она также перебралась к мужу в Кабул. Когда к враждебности последователей Сеида Алим-хана прибавилась и вражда большевиков, Али Рыза-бей вместе с другими руководителями БНСР, не признававшими усиления влияния большевиков в этой республике, по приказу Энвера-паши был отправлен служить в Туркменистан. Как раз в это время Марьям-ханум приехала к месту службы мужа в селение Керки²⁶. Она принимала участие в сражениях, мужественно билась в первых рядах вместе с моджахедами. По мере усиления боев и увеличения количества раненых работала в передвижных госпиталях, занимаясь их лечением. Через ее заботливые руки прошли сотни раненых бойцов. Она, не зная усталости, самоотверженно работала посреди тяжелого запаха крови и гноя, позабыв о собственных нуждах, став образцом добродетели. Однако этой Аише с Северной границы тюркского мира даже этих трудов словно было мало. Она до конца жизни служила народному делу среди туркмен Кызылкума, несмотря на то, что на ее руках была трехлетняя дочь Алие-Севим. И даже в этих условиях она готова была продать во имя дочери своего верблюда с целью покрыть дорожные расходы своих соратников.

В этот момент я взглянул на ее лицо, и мое чувствительное сердце ушаченно забилося, и на глаза навернулись слезы. Ее выражающие бесконечную веру пронизательные и мудрые глаза, сверкающие на изможденном лице, смотрели на меня так, словно бы осознавали чувство благодарности, которое я испытывал по отношению к ней. «Большое Вам спасибо, Марьям-ханум». Маленькая Алия спала. Закончился и чай, приготовленный Хамрахкулом...

²⁵ Сеид Алим-хан (Сеид Мир-Мухаммад Алим-хан, 1880–1944) – 12-й эмир Бухарского эмирата (правил с 4 декабря 1910 г. по 30 августа 1920 г.). После начала революции 1917 г. в Российской империи и манифестаций в Бухаре обрушился на сторонников демократических реформ с репрессиями. После завоевания Бухары Красной армией бежал на восток Бухарского эмирата, а затем в Афганистан, где получил убежище. В Афганистане Сеид Алим-хан поддерживал Белое движение, сотрудничал с Британской империей, в надежде вернуть власть и возродить эмират.

²⁶ Керки – город в Туркмении, административный центр Керкинского этрапа Лебапского ваялата. Расположен на востоке Туркмении, на левом берегу Амударьи.

Источники и литература

1. *Bademci, Ali*. Türkistan'da Enver Paşa'nın Umumî Muhaberat Müdürü Molla Nâfiz'in Hâtıraları. Sarıklı Basmacı. İstanbul: Ötüken Neşriyat A.Ş., 2015. 400 s.
2. *Balcı, Ramazan*. Meryem Atmaça Kimdir? O Bir Kahraman Türk Kadınıdır [Электронный ресурс]. URL: <https://www.haberasi.com/meryem-atmaca-kimdir-ruslarin-elinde-bulunan-1800-turk-askerini-altinlarini-vererek-kurtaran-kahra-man-turk-kadinidir/405/> (дата обращения: 07.05.2020).
3. *Türkistanlı, Mirza Pirnefes*. Enver Paşadan Sonra Doğu Buhara / *Bademci, Ali*. Türkistan'da Enver Paşa'nın Umumî Muhaberat Müdürü Molla Nâfiz'in Hâtıraları. Sarıklı Basmacı. İstanbul: Ötüken Neşriyat A.Ş., 2015. S. 33–393.
4. *Uzman, Nasrullah*. II. Dünya Savaşı Sonrasında Sovyet Talepleri ve Türkiye'nin Tepkisi // Akademik Bakış. Cilt 11. Sayı 22. Yaz 2018. S. 117–142.
5. *Абдуллаев К.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: Ирфон, 2009. 573 с.
6. *Абдуллаев К.* Смерть «Летучего голландца Востока» [Электронный ресурс]. URL: <https://vladislavvolkov.livejournal.com/39444.html> (дата обращения: 01.05.2020).
7. *Гасанлы Дж.* «Иранская эпопея большевиков» и углубление конфликта на Южном побережье Каспия (1920–1921 гг.) // Кавказ & глобализация. Т.6. Вып.1. 2012. С.137–166.
8. *Гусева Ю.Н.* Турецкие военнопленные Первой мировой войны в Самарской губернии // Новый исторический вестник. 2016. №2 (48). С. 97–112.
9. *Махмутова А.Х.* Габдулла Буби (1871–1922). [Электронный ресурс]. URL: <http://tatarlarnefteka.blogspot.com/2012/09/1871-1922.html> (дата обращения: 03.12.2019).
10. *Махмутова А.Х.* Мухлиса Буби (Бобьинская): к 150-летию со дня рождения // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2019. №9. Т.1. С.160–171.
11. *Сибгатуллина А.Т.* Контакты тюрков-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 264 с.
12. *Тоган, Заки В.* Воспоминания: Книга 2. Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1998. 366 с.
13. *Ханитова И.И., Назыпова Л.Р.* Дважды обвиненный... Новые документы о деятельности Габдрахмана Фахретдинова // Историческая этнология. 2019. Т.4. №1. С.179–198.

А.Г. Хайретдинов

Гобәйдулла кызы Мәрәм Нигъмәтуллина: Бубыйлар нәселенә нәмәгълүм вәкиле

Мәкалә мәшһүр мәгърифәтче һәм татар мәгарифенә күренекле эшлекләре Бубыйлар нәселенә элгә кадәр билгеле булмаган вәкиле – Гобәйдулла кызы Мәрәм Нигъмәтуллинага багышлана. 1917–1920 елларда М.Нигъмәтуллина эчке Русиядә татар дәүләтчелеген аякка бастыру белән шөгыйльләнгән, соңыннан Төркестан халыкларының большевиклар һөжүменә каршы милли азатлык көрәшендә катнашкан. Ире төрек офицеры Гали Рыза әфәнде белән бергәләп Әнвәр-паша

алып барган сугышка үз өлешен керткән. Мәкаләдә М.Нигъмәтуллина узган тормыш юлының төп вакыйгаларын тергезү омтылышы ясалды. Бу каһарман ханымның тормышына караган мәгълүмат татар тарих фәннәдә киң таралыш тапмаган һәм бөтенләй мәгълүм булмаган чыганаclarга һәм фактларга таянып тупланды. Бу яктан караганда ул мәгълүматларның күбесе фәнни әйләнешкә беренче мәртәбә кертелә.

Ачкыч сүзләр: Бубыйлар нәселе, Гобәйдулла кызы Мәрәм Нигъмәтуллина (Атмажа), Бохара Халык Совет Республикасы, татар мөһажирлеге, Гали Рыза, Әнвәр-паша, Молла Нафиз, Зәки Вәлиди Тоган, Гариф Кәрими.

A.G. Khayrutdinov

**Maryam Gubaidullova Nigmatullina:
an unknown representative of the dynasty of Bubi**

The article is dedicated to Maryam Nigmatullina, – a representative of the famous Bubi dynasty, – educators and prominent figures of Tatar education, – whose name has remained unknown until now. In the period from 1917–1920, M. Nigmatullina was a participant of the Tatar Soviet nation-building in inner Russia, and then took a direct part in the national liberation movement of the peoples of Turkestan against the Bolshevik occupation. Along with her husband, Ali Riza, she fought in the army of Enver Pasha. In the article an attempt was made to restore the main stages of life of M. Nigmatullina. Biographical material concerning the life of M. Nigmatullina was collected in the course of research of sources and facts that are little known and unknown to Tatar historical science and are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: dynasty of Tatar enlighteners Bubi, Maryam Gubaidullova Nigmatullina (Atmadja), Bukhara people's Soviet Republic, Tatar emigration, Ali Riza, Enver Pasha, Molla Nafiz, Zaki Validi Togan, Garif Karimi.

Информация об авторе:

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: khaidar67@mail.ru

Хәйретдинов Айдар Гарифетдин улы – тарих фәннәре кандидаты, доцент, ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының диннәр тарихы һәм ижтимагый фикер бүлеге өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Khayrutdinov Aydar G. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Scientific Researcher, Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

«Крестьянское сознание как фактор системных кризисов в России (XVII–XX вв.)»*

Участники круглого стола:

1. Годовова Елена Викторовна, д.и.н., доцент Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Оренбург).

2. Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., зав. отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань).

3. Кузнецов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры философии Челябинского государственного университета (г. Челябинск).

4. Люшкин Дмитрий Иванович, к.и.н., доцент Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

5. Марченя Павел Петрович, к.и.н., доцент, зам. начальника кафедры философии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя (г. Москва).

6. Субботина Анна Михайловна, к.и.н., с.н.с. Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (г. Ижевск).

И.К. Загидуллин. Уважаемые участники круглого стола! Докладчик сегодняшнего научного мероприятия – наш московский коллега Павел Петрович Марченя – является известным историком, отчасти и крестьяноведом, крупнейшим специалистом по массовому сознанию русского крестьянства начала XX в., переломной эпохи в истории России. Ведя большую преподавательскую и научно-организаторскую работу, будучи заместителем начальника кафедры философии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя (и, до недавнего времени, еще и доцентом Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета), Павел Петрович является соавтором и редактором очень интересного и перспективного научного проекта «Народ и власть» (Москва).

Уважаемый Павел Петрович, прежде чем перейти к теме круглого стола, скажите, пожалуйста, несколько слов об этом проекте.

* Круглый стол был проведен 14 ноября 2019 г. в рамках VI Всероссийского научного форума «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» на тему «Институты сельского самоуправления в Волго-Уральском регионе как исторический феномен (XVIII – 20-е гг. XX в.)», организованного отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

П.П. Марченя. Уважаемые коллеги! Проекту, который я имею честь представлять сегодня, недавно исполнился небольшой юбилей. Десять лет назад, 23 октября 2009 г., в Институте социологии РАН, совместно с общенациональным научно-политическим журналом «Власть» научный проект «Народ и власть» (который первоначально назывался «Народ и власть: История России и ее фальсификации») провел Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Материалы этого Стола, ставшего таким образом первым научно-представительским мероприятием нашего проекта, журнал «Власть» с невиданной по нынешним временам щедростью опубликовал по частям сразу в шести номерах за 2010 г. – и так получилось, что это вызвало большой резонанс в исторической науке и общественном сознании в целом.

На волне этого интереса было решено провести второй круглый стол Проекта, получивший название «Крестьянство и власть в истории России XX века» и состоявшийся 12 ноября 2010 г., тоже на базе ИС РАН и журнала «Власть». И на этом же круглом столе была достигнута имевшая долговременные последствия договоренность с продолжателями знаменитого крестьяноведческого семинара «Современные концепции аграрного развития» о совместном проведении теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» на базе Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинки»).

Несколько первых заседаний этого семинара мы провели вместе, в относительно единой институциональной форме. Потом они свой семинар «Современные концепции аграрного развития» несколько изменили – и теперь он уже проводится в основном в другой форме, в формате «Чаяновских чтений». А в рамках нашего семинара, сохранившего название «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» и ставшего полностью автономным, состоялась серия различных «междисциплинарно-крестьяноведческих» и «крестьяно-россиеведческих» мероприятий, в том числе Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство».

На нем (как и на Первом, который мы успели провести совместно) концепция «Крестьянской революции», начатая в свое время еще Виктором Петровичем Даниловым, получила развитие уже в новом прочтении, на базе многих новых работ современных крестьяноведов, где рамки Крестьянской революции фактически раздвигаются до победы сталинизма в нашей стране. И сталинизм в таком контексте рассматривается не как чужеродное крестьянству явление, а как явление, органически созвучное крестьянству и крестьянскому сознанию, потому как, если есть, условно говоря, крестьянский бунт, который по традиции и сейчас часто продолжают называть «бессмысленным и беспощадным», то почему бы и не быть тогда «бессмысленной и беспощадной» власти, которая является обратной стороной этого процесса? Но на самом деле понятно, что все гораздо сложнее. Просто в рамках нашей имперской патерналистской системы

Сталин может рассматриваться не только как «крестьяноборец», тиран и гонитель крестьян, но и как «крестьянский царь».

В общем, в итоге состоялся еще целый ряд мероприятий, было опубликовано шесть сборников Проекта, достаточно объемных. На пять из этих шести сборников, к нашему удивлению, были опубликованы рецензии, например, в главном руссиеведческом журнале США «The Russian Review» (в том числе профессором Майклом Меланконом, одним из редакторов серий издательства «Slavica» в Университете Индианы, специализирующимся на исследовании революционного опыта в России). Американцы заинтересовались почти всеми сборниками, кроме одного, который назывался «Русское крестьянство и Первая мировая война» (видимо, почему-то эта тема им показалась неинтересной). Отклики были на эти сборники и материалы круглых столов также еще примерно в двух десятках журналах, которые входят в Web of Science и Scopus, и почти в сотне публикаций в ведущих рецензируемых изданиях, входящих в Перечень ВАК. На сегодняшний день уже около 400 ученых приняли участие в мероприятиях проекта «Народ и власть», и мы надеемся, что и кто-то из присутствующих сегодня на этом Форуме тоже откликнется на наше приглашение к сотрудничеству. В частности, в декабре 2019 г. в РГГУ запланированы конференция «Российская власть как фактор исторического процесса» и круглый стол «Империя как форма бытия российской цивилизации» – будем рады вас увидеть в Москве. Это то, что касается истории нашего проекта.

Понятно, что с таким названием проекта, как «Народ и власть», мы не могли не обратить особого внимания на проблему крестьянства. Из трех направлений, которые стали значимыми в рамках деятельности Проекта (1. «Прошлое и настоящее системных кризисов российской истории»; 2. «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы»; 3. «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»), в рамках последнего «крестьянский вопрос» мы рассматриваем как узловую вопрос руссиеведения, как вопрос, в котором аккумулированы все остальные «больные вопросы» русской истории.

Стоит подчеркнуть, что я исхожу сейчас не только из классического определения Теодора Шанина, из широко известной хрестоматии «Великий незнакомец» – определения, ограничивающего того, кто является крестьянином, от того, кто крестьянином не является. Речь идет о постановке вопроса гораздо шире. Если говорить о событиях столетней давности, когда формировалась новая оболочка российской цивилизации, то крестьяне были не просто абсолютным большинством населения России, но они определяли качество всей страны и всех происходящих в ней процессов.

Конечно, сейчас, спустя столетие, уже нельзя всерьез говорить о том, что крестьяне в буквальном смысле слова остаются большинством нашего населения, но крестьянское сознание – как сознание для России архетипическое, матричное, в котором сконцентрированы социокультурные коды российской цивилизации, – остается господствующим, определяющим.

Тому, кто не изучал происходившие в свое время события на сельских сходах, сложно говорить об адекватном понимании того, что происходит, скажем, на заседаниях Госдумы. Сложно говорить и об адекватном прочтении того же, например, современного молодежного протестного движения тому, кто не изучал крестьянский протест в его различных формах в нашей истории. То есть, как любит повторять один из участников нашего проекта Владимир Валентинович Бабашкин, крестьянства в современной России, возможно, уже и нет, но вот «крестьянственность» как базовая ментальная характеристика всей России, как качество самой российской цивилизации осталась. И в этом смысле тот период, который сейчас у нас вырисовывается, он называет «посткрестьянским»...

Но вернусь к теме, которая заведомо провокационно сформирована, – «Крестьянское сознание как фактор системных кризисов в России». В нашей историографии уже сложилась традиция выделять три главных системных кризиса в России, которые принято называть словом «Смута». Это «Смута Семнадцатого века», «Смута Семнадцатого года» и Смута, которая началась три десятилетия назад – и которая в принципе пока еще не закончена.

Что собой представляет «Смута», если не апеллировать ни к каким источникам, не сыпать цитатами, не жонглировать цифрами? Все это есть – и несложно это найти и прочесть в интернете, почти все наши публикации есть в открытом полнотекстовом доступе в Соционете РАН, с ними можно познакомиться достаточно подробно тому, кому это интересно... А сейчас я очень коротко скажу так (понимаю, что все сильно упрощаю, утрирую, но без редукции говорить об этом невозможно): Смута в России – это перезагрузка системы взаимодействия власти и общества, которая начинается с того, что в массовом/крестьянском сознании в определенный момент власть просто перестает восприниматься как *«своя»*. Это не значит, что десакрализуется сама власть, – десакрализуется ее конкретно исторический носитель. Сама власть в крестьянском сознании сакральна, а вот ее носители, в случае их десакрализации, уже не могут крестьянами считаться властью. Это и есть то, с чего начинаются все смуты в российской истории. После чего возникает несколько «центров власти», каждый из которых пытается доказать, что он и есть подлинная, не *«самозванная»*, не *«чужая»* – «своя» власть. Они борются фактически, если по сути говорить, за то, чтобы в сознании крестьянства – в сознании большинства, в сознании того самого субстрата, который и определяет качество российской цивилизации, – стать «своими». Потому что крестьянское сознание апеллирует этими двумя архаическими координатами «свой–чужой» – и третьего здесь, в общем-то, не дано. После этого происходит «перебор вариантов» (который, собственно, и является событийным рядом всех наших смут) – до тех пор, пока не найдется та власть, которая вновь будет признана *своей*. То есть в таком смысле, с точки зрения социологического функционализма, любая смута начинается с *дисфункции* власти, а закан-

чивается *эвфункцией* власти. Крестьяне «бегут» – бегут *от власти*, которую признали *чужой*, к *Власти*, которую вновь готовы признать «своей».

Вот если с такой точки зрения рассматривать все три наши смуты, то в них есть очевидное типологическое сходство. Все они начинались примерно одинаково. Во всех были «самозванцы», которые не выдержали проверку крестьянским сознанием. И все они (кроме последней, о конце которой, к сожалению, говорить пока преждевременно) заканчиваются тем, что Империя становится еще более сильной, чем была раньше («Империя» – не в юридическом смысле, а как способ организации массового сознания, *Империя* как зона действия *Императива*, который рассматривается в крестьянском сознании как «свой»).

Примером иллюстрации такой модели понимания «смут» являются события 1917 г. Понятно, что крестьянство испытывало презрение к тому «позитивному» праву, которое совершенно не было согласовано с пониманием *Правды* и *Справедливости* крестьянской поземельной общиной, «миром». И речь идет отнюдь не о так называемом «правовом нигилизме», не об этом ярлыке, который используют как клеймо для определения негативных характеристик нашего народа, а о том, что культурные агенты одной цивилизации негативно относятся к тому, что предлагается агентами другой цивилизации. Когда элиты действуют неадекватно по отношению к массовому/крестьянскому сознанию, тогда и возникает ситуация «нигилизма», который в таком случае связан не столько с «отсталостью» правовой культуры, сколько с проблемой цивилизационной идентичности. Понятно, что важными характеристиками крестьянского сознания были: абсолютное неприятие самой идеи частной собственности на землю, идея не «правового государства», а правого Государя; идея не Конституции, а Царя; идея не какого-то абстрактного «гражданского общества» и «общегражданского патриотизма», а конкретного служилого государства и общинного партикуляризма; идеи и ценности не «многопартийности», а соборности; не «договорной», а патерналистской власти; не «рыночной», а моральной экономики; не «накопительской» (протестантской), а потребительской (православной) трудовой этики; были, конечно, и определенный авторитарный коллективизм с неприятием индивидуализма, и сильные антибуржуазные установки и т.д. И возможно, *негативизм*, местами радикальный негативизм крестьян к тем навязываемым «городскими самозванцами» новым «правовым ценностям», которые общиной воспринимались как неправые – то есть *противоправные*, – было бы правильнее рассматривать как проявление развитого правового чувства, а не пресловутого «правового нигилизма». Но, еще раз оговорюсь, подобные оценки – это вопрос скорее не юридический, а аксиологический, это вопрос выбора цивилизационной идентичности.

Так или иначе, но если в таком ключе мы будем рассматривать политические силы, которые тогда стремились к власти (а это, упрощенно говоря, в 1917 г. были четыре главные партии, справа налево: кадеты, меньшевики, эсеры и большевики), и если мы будем сравнивать те коды, кото-

рые объективно были заложены в реальной деятельности этих партий, с теми кодами, которые были сконцентрированы в крестьянском сознании, то, пропуская очень большой объяснительный ряд, мы можем сказать, что альтернативы большевикам в 1917 г. *не было*. В крестьянском сознании – просто не было. Либералы были абсолютно чужды крестьянскому сознанию во всех своих проявлениях. Речь идет даже не только о частной собственности на землю, но просто об органическом, эстетическом, этическом и всех прочих контекстах. Если первоначально кадетам и давался какой-то аванс, чтобы воплотить что-то в жизнь, то очень быстро они превратились в глазах крестьянства в повинных в смуте оборотней – и после этого с ними, в принципе, уже стало все понятно. Меньшевики сами уступили инициативу кадетам. Они считали крестьянство «аморальным классом» (и ведь не стеснялись даже об этом говорить!), незрелым для европейских ценностей. Смысл такой политики в условиях смуты был откровенно самоубийственным. Эсеры мнили себя самой могущественной партией, однако, по большому счету, все их «могущество» базировалось только на лозунгах, которые они сами же и отказались реализовывать, как только у них на это появилась реальная юридическая и политическая возможность. Парадоксально, но в специальной литературе до сих пор популярно мнение, что именно эсеры были реальной «демократической альтернативой» большевикам... Но как можно всерьез их рассматривать в качестве «демократической альтернативы», если «демос» они не поддержали – и не только не соответствовали его ожиданиям, но и выступали в принципе против того, что делал демос? Как можно считать их «альтернативой», если они, вместо того, чтобы претворять в жизнь свои – и демоса – лозунги, наоборот, стали «доказывать свою приверженность» каким-то абстрактным «демократическим идеалам»? А вот у большевиков идеи и лозунги (в том числе и перехваченные у отступившихся от них эсеров) были действительно созвучны крестьянскому сознанию. «Русская идея», хоть в официальной (*Православие – Самодержавие – Народность*), хоть в неофициальной (*За Веру, Царя и Отечество*) трактовке, большевиками преемственно была продолжена, переосмыслена, заменена (*Коммунизм – Диктатура – Партийность/Советскость*), если хотите, «подменена» – но, во всяком случае, она была (а у других-то ее просто не было!).

Таким образом, крестьянское сознание можно рассматривать и в качестве фактора Русской смуты, и в качестве актора ее преодоления. Вот присутствующий здесь мой коллега и участник нашего проекта Дмитрий Иванович [Люкшин] сегодня говорил, что смута революцией не может закончиться. А я считаю, что в России – может. И так оно, на мой взгляд, сто лет назад и произошло... Готов ответить на вопросы.

А.М. Субботина. Уважаемый Павел Петрович, Вы рассматриваете смуты по циклическому принципу и выделяете три смуты?

П.П. Марченя. Их могло быть и больше, и меньше. Это не какой-то циклический принцип, не сезонный, не календарный, это принцип наступления на грабли. Как только власть, вместо того, чтобы быть *своей* своему

народу, начинает действовать неадекватно времени, месту, собственному населению и своему предназначению, так и начинается смута. Здесь нет цикличности в том смысле, что это можно прогнозировать по каким-то срокам и периодам, здесь дело не во временных рамках.

А.М. Субботина. Вы сравниваете смуты «Семнадцатого века» и «Семнадцатого года» по причинам или по следствиям?

П.П. Марченя. Все смуты начинаются с того, что элиты действуют неадекватно к тем характеристикам массового сознания, о которых я сейчас пытался очень коротко сказать. И все заканчиваются возвращением власти, способной этим характеристикам резонировать.

В.А. Кузнецов. Ситуация повторяется не только в нашей стране. Как только, например, мы возьмем Францию в период Великой Смуты, берем работу К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Вы откройте, и вы увидите кальку 1917 г. и сегодняшних лет, посмотрите по пунктам. Есть общие закономерности таких явлений. И не важно, русские это крестьяне или нет, XVII век это или 1917 год – все одинаково.

И.К. Загидуллин. Уважаемый Павел Петрович, по Вашим критериям, по сути, кампания коллективизации должна была вписаться в эти принципы. Государство, исходя из классовых принципов и с целью достижения ускоренных темпов индустриализации, выступало против крестьянского населения.

П.П. Марченя. Во-первых, коллективизацию, в большинстве своем, проводили руками тех же самых крестьян. В этом смысле, это, как говорится, «плоть от плоти и кровь от крови». Но дело даже не в этом. Коллективизация вполне вписывается в модель моральной экономики. Как община, в случае угрозы ее существованию, может ограничить права своих членов, так и государство, в случае угрозы своему существованию как целому, может нарушить права отдельных групп своего населения. То есть в этом смысле Советская империя в то время ничего против этой логики не сделала. Это как раз вполне в русле крестьянского сознания. Более того, вся система, которая была выстроена большевиками и закреплена сталинским режимом, по сути дела, превратила всю страну в одну большую общину, макрообщину, или мегаобщину, которая жила по законам крестьянского мира. Даже календарь выходных и праздников был согласован с установками крестьянской общины. Авторитарный коллективизм, демократический централизм, подавление индивидуализма, готовность жертвовать частью ради целого – это характеристики крестьянской общины.

И.К. Загидуллин. Мы не имеем источников, раскрывающих отношения крестьянских масс к Смуте начала XVII в. Можно ли проводить такие четкие параллели с ситуациями в XVII в. и в 1917 г.?

П.П. Марченя. Как в XVII в., так и в 1917 г. центральным вопросом был вопрос о цивилизационной идентичности элит. Как только под угрозу ставится существование России как целого, преемственность российской цивилизации с ее сущностными характеристиками, то крестьянство из нормального властобоязливового класса превращается фактически в реали-

зующую иммунный механизм цивилизации силу, крестьянство вышвыривает чужеродные носители из российского организма – в этом смысле, что в XVII в., что в 1917 г.

И.К. Загидуллин. Уважаемый Павел Петрович, Ваше выступление идет в философском русле. Мне кажется, следовало бы дать четкое определение понятию «крестьянское сознание». Мы традиционно рассматриваем общественное сознание конкретных социально-сословных групп. При региональном/этническом подходе возникают еще новые нюансы. Так, в XVII в. большую роль играло сознание казачества, а крестьянство выступало, скорее, пассивным элементом...

П.П. Марченя. Я говорю сейчас не о крестьянстве как классе, а о крестьянстве как цивилизационном носителе определенного типа сознания – сознания матричного, архетипического для исторически конкретной цивилизации. Возможно, многие сейчас захотят бросить в меня камень, но в этом смысле и казацкое сознание – это милитаризованная ипостась того же крестьянского сознания. Поэтому никакого противоречия я здесь не наблюдаю: цивилизационная идентичность была нарушена элитами – и цивилизационная идентичность была восстановлена народом. Еще раз подчеркну: я говорю не о крестьянстве, а о крестьянском сознании – сознании, выступавшем базовой архетипической матрицей для практически любых проявлений массового сознания в России, о сознании, многие принципиально значимые качества которого характерны и для казаков, и для солдат, и для рабочих, и для многих других категорий населения, – в определенных условиях именно эти характеристики и определяли тогда настроения и поведение любого скопления людей. Не будет большим преувеличением сказать, что всякая большая аудитория тогда фактически обращалась в крестьянскую...

По поводу «философского» подхода среди историков... Любая попытка предложить не просто результаты полевых эмпирических исследований, а какое-то теоретическое моделирование – она всегда в известном смысле будет философской. Но если возникает иллюзия, что не хватает эмпирической базы, тогда я мог бы апеллировать и к тем книгам, изданным нами, – она, эта база, там, безусловно, есть, и можно говорить об этом долго. Однако сейчас я говорю не о группах, не о социальных стратах, не о классах, а об определенных характеристиках, которые присущи именно такому типу сознания. Скажите, чем принципиально, по этим характеристикам, казак отличается от крестьянина? Он является коллективистом? Он является сторонником именно не «правового государства», а правого Государя? Он является противником частной собственности на землю тех, кто ее не обрабатывает? Ну и т.д. Если мы сейчас пройдемся по основным характеристикам такого сознания, то казак и крестьянин – это носители одного типа сознания. Они отличаются какими-то другими характеристиками, но не идеологией и психологией в таком контексте.

И.К. Загидуллин. В этой связи возникает вопрос о православном духовенстве. В XVII в. приходские духовные должности, как правило, пере-

давались по наследству. Фактически только при Петре I, с открытием духовных семинарий, постепенно сформировалась система комплектования сословия духовенства по критерию профессиональных знаний. В этой связи православное духовенство также необходимо внести в эту систему координат?

П.П. Марченя. Я согласен, что и духовенство, которое выросло из крестьянских семей, и так называемый рабочий класс, лишь недавно и неокончательно переехавший из деревень, и солдаты, и казаки – в этой же системе координат. Я говорю не о количественных, а о качественных характеристиках. Вы можете дать определение казаку, так, чтобы мне стало понятно, чем принципиально он отличается от крестьянина?

И.К. Загидуллин. В разные исторические эпохи определение казачества было разным. Скажем, во время Смуты начала XVII в. донские казаки, которые не включали Донскую землю в состав Московского государства, придерживались интересов суверенности своего сообщества. Казаки Яика и Терека также культивировали самостоятельность собственных анклавов и противились попыткам интеграции Москвы в состав Русского государства. В 1917 г. и в Гражданскую войну казачество – опора царизма – боролось с большевиками и красноармейцами – крестьянами в шинелях.

В.А. Кузнецов. Уважаемые коллеги, поддержку нашего выступающего. Мы до сих пор не перешли грань крестьянского сознания во всем нашем обществе. Он подчеркнул, что крестьянское сознание не против власти. Оно всегда реагирует на поведение элит, например, на поведение поляков, на поведение цариц и т.д. и т.д., на всех. Во время революции 1917 г. – на Николая II, на его окружение и т.д. Сейчас то же самое. Не против власти. Власть сакральна для народа. Само сознание осталось крестьянским до сих пор. Если Европа примерно с 1960-х гг. переходит к новому типу сознания, то мы остались на прежнем уровне и, скорее всего, еще лет 50 в нем, наверное, будем.

Е.В. Годовова. В тему анекдот. «При общении с коллегами используйте термин «доколе», при общении с начальством – «воистину». Поэтому вот оно, наше сознание, смотря в какой ситуации мы оказываемся. Владимир Александрович прав. Мы всегда будем уважать эту власть с одной стороны, а с другой стороны, будем ее полоскать, и будем недовольны тем, что происходит.

Д.И. Люкшин. Уважаемые коллеги, я позволю себе сосредоточиться на двух аспектах нашей дискуссии. Судя по ее характеру и накалу, намечается некая новая тематика для совместных исследований, которые, судя по всему, способны быть достаточно плодотворными и привлечь внимание научной общественности. Это, во-первых, проблема презентации сельского бытия в политическом поле, которая, на мой взгляд, не потеряла актуальности и по сей день. Во-вторых, говоря о терминах «свой–чужой», мне бы хотелось немного развить идеи Павла Петровича. Когда мы определяем крестьянское сознание в рамках категорий «свой–чужой», то категории «свой» как таковой в отношении к власти там не существует. В рам-

ках моральной экономики понятие «свое» – слишком широкое. Это все, что не подпадает под определение «чужой». Крестьянство как группа культуры готово принять любую власть, оно способно к этому, открыто к общению. Соответственно, смуты начинаются не с того, что крестьянство что-то делает, а с того, что власть перестает выполнять свои функции. И здесь я солидарен с докладчиком: крестьянство начинает нести социогенерирующие функции, т.е. принимает на себя те обязательства, которые власть либо не хочет, а скорее всего, из-за различных причин не может выполнять.

П.П. Марченя. Спасибо, Дмитрий Иванович. Но вот по поводу того, что крестьянство не знает категории «свой» как таковой в отношении к власти и не способно признать власть *своей*: станет ли о *чужой* власти крестьянин говорить «Царь-батюшка», «Царица-матушка»? Царь для крестьянства в России, если это нормальное историческое время, а не смута, – он как раз *свой*.

Д.И. Люкшин. Я о том же – что власть для крестьянина чужой быть не может.

П.П. Марченя. Может. Самозванцы, дармоеды, мироеды...

И.К. Загидуллин. Уважаемые коллеги, стоит вспомнить о религиозности населения, хотя только религиозным компонентом крестьянское сознание оценивать невозможно. Представители посткрестьянского общества в последней Смуте – поколение атеистов.

П.П. Марченя. Говорить о «поколении атеистов» не вполне корректно. Русская религиозность не в том, что поп всегда прав, а как раз в том, что каждый человек служит некой великой целостности, жаждет причастности к истории в ее эсхатологическом контексте, он хочет *Правды* до конца и во всем. И в этом смысле он действительно и глубоко религиозен. Как только он видит фальшь на местах... Мы же помним, что происходило в том же самом 1917 г. с церквями, с батюшками и т.д. Свою поверхностную нерелигиозность крестьянство очень наглядно показало. А вот если мы будем говорить о религиозности в контексте русского желания Правды, то тогда эту характеристику французскому, к примеру, крестьянству не понять, потому что в Европе такой глубины религиозности не было.

И.К. Загидуллин. То, что крестьяне изменили отношение к церкви и к священникам – это совершенно другое. Речь идет о церковных институтах, которые являлись придатком государственной власти, проводили политику законопослушности. Но эти институты внедряли в крестьянские массы веру в Бога. Их нужно отличать. Разве у атеистов не произошла трансформация сознания крестьянства? Поколение советских людей, которое встретилось в 1990-х гг. с кризисом, – ведь это поколение, воспитанное в пионерско-комсомольском духе.

П.П. Марченя. Я не считаю советский период нерелигиозным. Просто церковная религиозность замещается иными формами. На смену ей приходит вера в светлое будущее для всех – она религиозна по своей природе. И готовность жертвовать собой ради достижения этой цели – она

религиозна, она никакими материальными причинами и не может быть обусловлена. Опять-таки к вопросу о «своих» и «чужих»: крестьянство многократно доказывало свою способность к мобилизации и подвигу, если оно рассматривало защищаемые ценности как *свои*. При Сталине, например, в той же Великой Отечественной войне, – сложно представить, что в ответ на отсутствие хлеба начнется то, что началось при Николае II в феврале 1917 г., причем даже без всякого реального голода. Вспомним, что было при блокаде Ленинграда – ведь тогда люди даже на такое были готовы. Можно ли представить подобное поведение при ситуации, когда власть не считается *своей*? Был бы тот подвиг, то самопожертвование, тот героизм, тот отказ от протеста, если бы это не рассматривалось как *свое*? По сути, это религиозное поведение. Поэтому за поверхностным, формальным советским атеизмом можно на самом деле разглядеть глубокую неформальную религиозность.

А.М. Субботина. Уважаемые коллеги, хотелось бы продолжить тему «свой–чужой». Крестьяне выбирают свою власть, оказывается, это чужая власть. Нельзя ли рассматривать, что для крестьянства власть – она в принципе чужая. Все за пределами общины – это чужое. И если власть начинает вмешиваться, то она чужая.

П.П. Марченя. В нормальное историческое время крестьянам глубоко наплевать, что происходит в городах. В смутное время они вынуждены выходить на историческую сцену – они объединяются для решения таких вопросов, перед которыми все противоречия снимаются, так как стоит вопрос о выживании целого, о выживании матери всех общин – о выживании российской цивилизации. И они успокаиваются и вновь становятся равнодушными к делам власти только тогда, когда видят, что пришла власть, адекватная их сознанию, их ценностям. Ильдус Котдусович говорил о «трансформации» сознания... Я бы это слово с осторожностью употреблял. Трансформации происходят на поверхностном уровне. А когда мы с вами говорим об архетипах, то они практически не подвержены историческим изменениям, они могут менять только форму, одежду, лозунги, но, по сути, они остаются такими же, как века назад. Сейчас часто, во многом с легкой руки Владимира Прохоровича Булдакова, который много об этом писал в своей «Красной смуте», при описании поведения масс в смутные времена любят использовать слово «архаизация» – и используют его в основном с резко негативным оценочным оттенком. Я же предлагаю вспомнить, какое значение слову «архе» придавали еще древние греки, когда искали первоначало, первооснову, физис, базис всего существующего. В этом смысле «архе» – это то, что было, когда еще ничего не было, это основа всего. Оно не «трансформируется». И носитель «архе» для российской цивилизации – это носитель крестьянского сознания...

А.М. Субботина. То есть крестьянское сознание может существовать без самих крестьян?

П.П. Марченя. Да. Ну, скажем, вот сейчас – сколько у нас крестьян? А можем ли мы сказать, что сознание большинства сегодня уже перестало быть «крестьянским»?

И.К. Загидуллин. Павел Петрович, может вопрос поставить по-другому? Поскольку мы рассматриваем общественное сознание крестьянства, в современном постиндустриальном обществе, когда основная часть населения страны проживает в городах, правомерно выделить общественное сознание рабочих, национальной интеллигенции и т.д.?

П.П. Марченя. Крестьянское сознание в широком смысле принципиально отличается от сознания классового, сословного, корпоративного, группового и т.п. тем, что оно является носителем качества цивилизации. В этом смысле, рабочие, солдаты, попы, которые вышли из крестьянства, – в ситуации Смуты они все выступают как носители крестьянского сознания. Между ними все классовые, сословные и прочие противоречия уходят на второй план, когда на первый план выходит вопрос о выживании целого. В этом смысле крестьянство – это субстрат массы, субстрат массового. А масса не знает различия между социальными стратами, классами и пр.

И.К. Загидуллин. Павел Петрович, кажется, Вы очень широко рассматриваете заявленную тему.

П.П. Марченя. Широко, да. Но я об этом предупреждал в самом начале. Есть более узкие сюжеты. Есть и эмпирические обоснования. И кому интересно, тот все это легко найдет в наших работах.

В.А. Кузнецов. Уважаемые коллеги, все же не стоит абсолютизировать фактор религиозности. Занимаясь философией более сорока лет, я убедился, что настоящей религиозности так и не было в Европе. Сознание язычества оставалось прежним и в Европе, и у нас. Народ был нерелигиозным, суеверным, церковь смирилась с некоторыми языческими обрядами. Это одно. Когда читаешь литературу этого периода, документы XIX века, документы начала XX века. В них казаки отпускают такие слова в адрес царя, но не трогают слово «Отечество». Вот эта психология – она остается. Берите Пугачевский бунт – идут, разоряют церкви, выбрасывают иконы, разбивают, рубят иконы топорами. Берем Европу – момент крестьянской большой смуты, переход в протестантизм – это тоже показатель протеста, который выразился в этом большом движении. Если брать религиозных фанатиков, то фанатики большую роль не сыграли. Фанатики есть везде. Это к теме религиозности.

И.К. Загидуллин. Уровень религиозности населения в различные исторические эпохи является данностью и полноценным религиозным состоянием, с которым мы должны работать, другого нет. Если сравнивать книжные тексты, представленные в первоисточниках ценности, и религиозное учение, к овладению которых стремится паства, то мы должны говорить о синкретизме.

П.П. Марченя. Я думаю, у нас здесь проблема все-таки очевидно терминологическая. Нужно четко отличать религиозность от воцерковленности, от формальной конфессиональной принадлежности, от наличия

или отсутствия тех или иных атрибутов. Религиозность заключается в том, что человек «чает жизни будущего века», что он хочет «нового неба и новой земли», что он хочет жить по Правде, с большой буквы, хочет найти связь свою со смыслом истории, с «Концом истории», с тем, что будет после смерти – в этом религиозность, а не в церкви. Поэтому, если сравнивать двух людей, один из которых говорит, что Бог есть, но я буду жить так, как я сейчас живу, и другой жизни мне не надо, а другой человек говорит, что Бога нет, но при этом ищет жизни истинной, то понятно, кто из них религиозен, а кто – нет.

В.А. Кузнецов. Когда удваивается мир, то ищется справедливость. И тогда Бог заменяет справедливость.

П.П. Марченя. Стоит учитывать и обратную сторону религиозности. При нашем духовном максимализме, когда не дают «жить по правде», созидательно, возникает угроза впасть в другую крайность, разрушительную. Почему и существуют такие противоречивые оценки нашего крестьянства и народа в целом: то «Богоносец», то «зверь», то «икона», то «топор», то «ангел», то «скотина»... Но предложенная объяснительная модель позволяет достаточно рационально (хотя, разумеется, тоже предельно редуцированно) объяснить и феномен такого «оборотничества». Сознание, в котором хранится «архе» цивилизации, выполняет функции ее иммунитета, нетерпимости к «чужому». Но ведь иммунитет в организме может быть не только исцеляющим, но и губительным. Точно так же, крестьянские массы, когда их вывели из равновесия и вынудили вступить в игру, убедительно показали в 1917 г., что наш народ имеет не только огромный положительный потенциал, но и его обратную сторону...

Думаю, пора подытоживать. Еще раз, напоследок, несколько максимально утрированных тезисов авторской редукции темы крестьянского сознания как фактора системных кризисов в России – на примере событий 1917 г. и в плане «извлечения уроков» для современности...

Итак, повторю: крестьянское сознание можно рассматривать в качестве носителя и хранителя самого «качества» России как самобытной цивилизации, ее «почвы» и социокультурных кодов, оно выполняет ведущую роль в ее выживании и самовоспроизводстве. В условиях Смуты, сопровождавшейся разрывом традиционных идеологических и психологических связей, объединяющих власть и массы Империи, временной утратой легитимной центральной власти и ее поиском (цивилизационно обусловленным выбором) – именно крестьянское сознание было реальной доминантой всей политической истории. Именно в нем этот самый исторический выбор (отбор) и происходил, именно оно и интегрировало все важнейшие массовые процессы и детерминировало причинно-следственную модель поведения масс, задавало последовательность и диапазон («коридор») событийного ряда так называемой «Великой русской революции».

Политическая функция крестьянства гораздо сложнее сложившихся в историографии схем: оно не было просто «полигоном», «социальной базой» или «союзником» тех или иных политических партий и прочих ин-

ституционально организованных сил, оно оказывало мощнейшее многоаспектное воздействие на весь ход общественных процессов самим традиционным укладом своей жизни, психологическими стереотипами, выработанными общиной, системой своих базовых ценностей и эгалитарных «радикально-консервативных» устремлений. Более того, крестьянство оказывало на партии гораздо большее влияние, чем партии на крестьянство. Оно являлось могущественнейшей силой, с которой никто не мог безнаказанно позволить себе не считаться и на которую никто не мог самонадеянно в полной мере опереться.

Теоретические представления о нигилистичности крестьянского правового и политического сознания оторваны от исторической практики. Именуемый «нигилизмом» негативизм является функциональным проявлением механизма самозащиты исторически конкретной цивилизации. Отсутствие резонанса с системообразующими параметрами сознания общинного «мира» у политических элит «старой» России, претендовавших на наличие «исторической альтернативы», означало невозможность их реального политического будущего в отечественной истории (то есть фиктивность пресловутой «альтернативы»). Игнорирование исторического опыта и особенностей массового сознания в «новой» России (в своих важнейших характеристиках сохраняющих преемственность с матричным «крестьянским сознанием» России «старой») делает не только бессмысленными, но и опасными любые масштабные попытки проведения всевозможных «модернизаций», «оптимизаций» и прочих «инноваций», если они претворяются в жизнь в «антирезонансе» с базовыми установками, ценностями и ожиданиями масс: в лучшем случае подобные «перестройки» так и останутся юридическими фикциями, в худшем – они реально способны снова спровоцировать очередные социальные катаклизмы.

Поэтому крестьяноведение в современной России не сводимо к изучению «аграрной истории», оно остается одним из важнейших направлений россиеведения, способом и мерой понимания самой России, не только ее прошлого, но и ее настоящего и будущего.

Вот, вкратце, на мой взгляд, главное по этой теме.

И в заключение хочу поблагодарить организаторов этого Форума и в свою очередь приглашаю уважаемых коллег из Казани и из всех других городов и регионов принять участие в дискуссиях нашего проекта – проекта «Народ и власть».

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 94(470.57)"1905"

*Х.З. Багаутдинова, Л.Ф. Байбулатова,
И.К. Загидуллин*

Петиция мусульман города Стерлитамак Уфимской губернии 1905 г.

В данной публикации дан анализ текста петиции, составленной в апреле 1905 г. на адрес Комитета министров татарскими купцами – уполномоченными мусульманской общины уездного города Стерлитамак Уфимской губернии. На основе анализа сделан вывод, что предпосылкой и причинами написания данного документа явилось стремление стерлитамакских мусульман к достижению гражданского и религиозного равноправия, возникшее в ответ на «политику доверия к общественным силам» имперской власти.

Ключевые слова: мусульманская община города Стерлитамак, петиции, Первая русская революция 1905–1907 гг., гражданские права, религиозно-духовные нужды мусульман, «политика доверия общественным силам».

Представленная вниманию читателей петиция мусульман города Стерлитамак¹ 1905 г. является одним из массовых источников общественно-политического движения мусульман Волго-Уральского региона периода Первой русской революции 1905–1907 гг. В эпоху социальных потрясений подача петиций стала важнейшим коммуникативным каналом между имперскими структурами и подданными.

Документ примечателен в нескольких аспектах. Прежде всего – это единственный нарратив среди прошений городских обществ мусульман Волго-Уральского региона, уполномоченными которых являются только представители купеческой корпорации. Среди более 500 петиций конкретных обществ Волго-Уральского региона 1905 г. стерлитамакская «докладная записка» оказалась самой большой по объему. Типографический способ набора текста также можно признать еще одной примечательной особенностью этой петиции.

¹ Как известно, в конце XIX в. среди уездных городов Уфимской губернии после Златоуста Стерлитамак занимал вторую позицию по численности населения (15550 чел.). По удельному весу мусульман-горожан в губернии местная община занимала первое место: в 1897 г. – 34,1%, или 5304 чел. (Ахтямова, 2019, с.64, 66). Среди них татары составляли 3779, башкиры – 1274 чел. (Ахтямова, 2017, с.18).

Первыми ввели ее в научный оборот в контексте освещения петиционной кампании как отражение общественного сознания мусульман России в начале XX в. историки Л.Н. Сенюткина и Ю.Н. Гусева (*Сенюткина, Гусева, 2005, с.311–319*).

Прежде всего следует отметить о поступлении в Комитет министров от мусульман Стерлитамака сразу двух экземпляров петиции, первый экземпляр которой был оформлен в установленном порядке.

Второй экземпляр документа снабжен листом с надписью от руки «На благовоззрение Особого совещания, учрежденного при Комитете министров по делам магометан» (*РГИА, ф.821, оп.10, д.26, л.16*). На последнем листе документа от руки написано «подлинное за подписом уполномоченных», однако отсутствуют подписи самих просителей (*Там же, л.17–23*). Такая форма оформления в значительной степени компенсируется приложенным к петиции общественным приговором, составленным 1 апреля 1905 г. Приговор был составлен в городской соборной мечети, где собрались мусульмане на праздничную молитву. Выслушав текст адресованной в Комитет министров докладной записки уполномоченных мусульман г.Казани о религиозно-духовных нуждах, прихожане одобрили ее и, солидаризуясь с представленными в ней положениями, высказались за подачу ходатайства, дополнив казанский текст (см: *Загидуллин, 2015, с.46–63*) следующими новыми пунктами: 1) предоставить мусульманам без ограничения числа быть избранными в Городскую думу и земские собрания; 2) освободить мусульман-торговцев от запрета торговли в воскресенье, поскольку они отдыхают в пятницу и исламские годовые праздники; 3) изъять мусульманские школы из ведения МНП и передать в компетенцию ОМДС; 4) разрешить использовать в школах учебники заграничного издания; 5) предоставить право преподавать в школах лицам, получившим религиозное образование за границей, в Бухаре; 6) предоставить ОМДС право на избрание и утверждение мулл без обязательного знания русской грамоты (*РГИА, ф.821, оп.10, д.26, л.24–24об.*).

Окончательное составление и подача петиции от имени городского мусульманского общества было поручено трем известным купцам З.И. Утямышеву, Г.Г. Усманову и К.Х. Баязитову. В тексте приговора эти лица своими подписями подтвердили это поручение общества.

Зариф Ибрагимович Утямышев – представитель знатного рода татарских купцов из Казанской губернии, который переселился в Стерлитамак в 1870-е гг. и активно занялся торговлей хлебом, имел в городе мельницу. В 1902 г., когда по поручению Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности при Государственном совете были учреждены Уфимский губернский и уездные комитеты, в их адрес от мусульман края поступила только одна записка. З.И. Утямышев представил в уездный комитет записку о проекте железнодорожной ветки, соединяющей город с железнодорожной сетью страны, который, однако, так и не был реализован в имперский период (*Труды, 1903, с.301–302*). Будучи попечителем

городской соборной мечети и местного медресе, купец активно занимался благотворительностью, материально поддерживая общественные здания и духовенство (*Денисов*, 2010б, с.466).

Гайфулла Галиуллович Усманов (1856–?) был старшим братом Габидуллы и Гадиятуллы Усмановых. В городе владел мельницей, гостиницей, мануфактурным магазином, тремя жилыми домами. Представляя интересы единоверцев, длительное время, в 1898–1914 гг., он являлся гласным Городской думы и уездного земского собрания (*Денисов*, 2010а, с.458).

Калимулла Хисамутдинович Баязитов начал предпринимательскую карьеру приказчиком, также был гласным Городской думы.

Как известно, правовой основой приговорного движения различных этноконфессиональных и сословно-профессиональных групп населения империи в начальный период Первой русской революции послужили имперские законодательные акты – указ «О предназначениях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. (*ПСЗ–3*, т.24, №25495), возвестивший о планируемых системных реформах в стране, и указ «О возложении на Совет министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрения и обсуждения поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государства» от 18 февраля 1905 г. (*ПСЗ–3*, т.25, №25853), впервые предоставивший российским подданным политическое право на подачу петиций, посвященных общественным проблемам.

Еще одной примечательной чертой петиции является оценка уполномоченными своего ходатайства, с одной стороны, как одного из многих петиций, исходящих от единоверцев, с другой – «голосом сердца магометан всей России».

Ткань нарратива «соткана» из описательно-констатирующей клаузулы, которая самым причудливым образом распределена по всему тексту и представляет несомненный источниковедческий интерес и требует специального анализа, потому что нарратив содержит ценнейшую информацию об общественном сознании региональных лидеров мусульман и их оценочные суждения по национальному вопросу в Российском государстве о политическом курсе самодержавия в отношении мусульман последних десятилетий, раскрывает причины оппозиционности общественных лидеров к имперскому режиму.

Прежде всего, структурирование текста на шесть разделов позволило успешно изложить материал и облегчить его для восприятия чиновниками, что является несомненной заслугой нанятого купцами составителя документа, который не лишен писательского таланта – некоторые разделы описательно-констатирующей клаузулы читаются как эссе.

I раздел петиции несет информацию о правовых аспектах составления записки – о законодательных актах последнего времени, побудивших просителей к социальной активности. В петиции дана очень точная и емкая характеристика атмосферы пробуждения, охватившей широкие слои насе-

ления под воздействием законодательных инициатив самодержавной власти: «жизнь пошла как бы еще быстрее. Все проснулось и все забило своим сильным ключом» (РГИА, ф.821, оп.10, д.26, л.9–9об.).

Несомненной удачей и одновременно оригинальной находкой составителя документа является персональное обращение к председателю Комитета министров С.Ю. Витте, как к представителю коронной власти, облаченному высоким монаршим доверием, и посреднику между царем и его верноподданными, с одной стороны, с другой – защитнику прав народа, ожидавшего преобразований, которые «вывели бы Россию на должный и истинный путь, с которого она волею печального рока так давно сдвинулась и ушла так далеко» (*Там же*, л.9об.). Так осуждающе, жестко и неприязненно оценивался внутривластный курс представителей династии Романовых. В этой связи мусульмане презентовались как одна из пострадавших групп российских подданных, которым, согласно тексту, в жизни «пришлось видеть много мрачных дней», и ожидавшие от С.Ю. Витте «доброе заступничество и благосклонного покровительства» (II раздел) (*Там же*, л.10).

В III разделе представлены «мотивы и соображения», побудившие к подаче ходатайств. Говоря о справедливом законодательстве, лишенном дискриминации подданных по конфессиональному признаку, просители постулировали общечеловеческие гуманистические, либеральные ценности. В петиции прямо говорилось: «Нельзя отнять у человека его неотъемлемое право национальности, его исторический, национальный облик, его семейные, материальные и прежде всего его духовные права – свободу совести в его веровании и в религии воспретить обязательное исполнение всех ее велений, правил и вековых традиций» (*Там же*, л.10об.).

Создание благоприятных условий для поступательного развития миллета они напрямую связывали с демократическими преобразованиями в империи и достижением единоверцами гражданского равноправия: мусульмане «идут по силе возможности к иной, новой, лучшей, светлой и сознательной жизни, составляющей высший идеал всего человечества» (*Там же*, л.10об.). В то же время, соблюдая политическую корректность, уполномоченные старались уверить председателя Комитета министров в том, что мусульманское сообщество только «желает лишь исключительно восстановления своего права: полной свободы вероучения и вероисповедания и полной свободы в управлении своими духовными делами» (*Там же*, л.10об.).

Их крайнее недовольство вызывал имперский дискурс пореформенного периода, когда «свобода вероучения и веротерпимости все более и более подчинялась стеснениям бюрократического режима». Одним из таких болезненных законодательных новшеств, направленным на свертывание автономии мусульман, был назван указ от 9 января 1890 г., отменивший принцип выборности муфтия как духовного главы мусульман (ПСЗ–3, т.10, №6512), который был официально закреплен в 1817 г., хотя в окру-

ге ОМДС имперская власть последовательно его игнорировала. Очевидно, уполномоченные лукавили, утверждая, что «целое столетие магометане, благословляя тот благодетельный царский закон, видели в лице духовного главы муфтия своего избранника». Прося вернуть «прежнее право», купцы ссылались на основные законы империи, декларировавшие широкие религиозные права российских подданных (*Там же*, л.11–11об.).

В IV разделе просители сочли уместным более подробно остановиться на некоторых принципиальных причинах необходимости пересмотра действующего имперского законодательства в религиозно-духовной сфере. Беспokoивших уполномоченных круг проблем можно обозначить одним предложением – «мусульманский школьный вопрос в Российской империи». Центральной проблемой названа подчиненность с 1874 г. мектебов и медресе ведению Министерства народного просвещения. Излагая вторую проблему, уполномоченные постарались объяснить причины безучастного отношения единоверцев к правительственным мероприятиям по распространению русского образования: принудительного обучения в русских классах при медресе, содержащихся за счет самого населения, и введению русского образовательного ценза для кандидатов на духовные должности.

Признавая объективную потребность в знании русского языка и приветствуя добровольный характер его изучения, уполномоченные отметили «отрицательные результаты» школьного курса правительства, а именно – «получившие русское воспитание и светское образование почти никогда не возвращались и не возвращаются в свои семьи, помогать своим, обыкновенно все они исчезают в водовороте жизни больших центров и чужих городов и мест» (*Там же*, л.12об.). По сути, утверждалось, что получившие русское образование юноши прерывали культурные контакты с мусульманским сообществом, превращаясь в маргиналов. В действительности, нагнетая ситуацию, купцы возводили в ранг социального явления отдельные факты из жизни некоторых татар.

С учетом схоластической системы образования в начальной и средней конфессиональной школе и приоритетности для властей владения кандидатом в муллы русской грамоты, нежели религиозными знаниями, представляется заслуживающим внимания утверждение купцов о том, что изучение русской грамоты негативно влияло на уровень подготовки будущего духовного лица в силу ограниченности учебного времени. Они подходили к этому новшеству с точки зрения подготовки специалиста в стенах профессионального учебного заведения: нужно готовить или духовного пастыря, или работника «на светском поприще».

Крайне важными являются представленные оценочные суждения купцов о социальном самочувствии и общественном настроении единоверцев, сформировавшиеся под воздействием политической линии самодержавия в отношении мусульман: «Масса тех стеснений, ограничений и воспрещений прямо даже непонятна... Но раз они созданы, они живут,

крепнут и продолжают сушить вдоволь уже наболевшее сердце магометан, точно каких-то провинившихся отверженцев и рабов» (*Там же*, л.13). В этой связи объявленной имперскими структурами «политику доверия к общественным силам» они оценивали как появление нового политического мышления у власть имущих: смены принципа «сила лишь в силе» правилом «сила в любви» (*Там же*).

Основным и самым большим является V раздел, где представлены просьбы уполномоченных. Однако, продолжая размышления о современной политической ситуации и необходимости уничтожения всяких стеснений и ограничения прав единоверцев, купцы сочли сначала уместным напомнить о том, что мусульмане – «народ мирный, спокойный, трудолюбивый и во всем покорный», поэтому «вправе считать себя одинако[во] с русскими свободными гражданами и пользоваться всеми, без каких-либо ограничений или исключений, правами, дарованными русскому народу» (*Там же*, л.13об.).

В нарративе также указан главный повод подачи прошения, который, видимо, стал сигналом и для других обществ, поэтому на этом вопросе остановимся подробнее. Для реализации положений указа «О предназначениях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. было образовано Особое совещание Комитета министров под председательством С.Ю. Витте с представительным составом сановников (*Дорская*, 2001, с.42). Журналы заседаний Комитета министров содержали множество проектов и предложений, однако С.Ю. Витте не имел возможности придать им «форму окончательных законопроектов» (*Ананьич, Ганелин*, 2000, с.398). Для подготовки отдельных постановлений действующего законодательства, касающегося веротерпимости, «в соответствии с общим духом» указа от 12 декабря 1904 г. было решено создать Особое межведомственное совещание под руководством лица, избранного императором (*О веротерпимости*, 1905, с.18).

Учреждаемому Особому совещанию о веротерпимости предписывалось разработать определенные в журналах Комитета министров от 22 апреля и 1 марта 1905 г. и имеющие отношение к мусульманам следующие вопросы: 1) о сооружении «молитвенных домов иноверных исповеданий»; 2) о порядке избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства – приходских и высших; 3) об освобождении от призыва на действительную военную службу «из запаса» некоторых лиц мусульманского духовенства; 4) о порядке открытия мусульманских школ – мектебов и медресе; 5) об учреждении особых духовных управлений для казахов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а также для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области; 6) о возможности дозволения воспитывать подкидываемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей (*Там же*, с.14). Активно интересующиеся политическими новостями в стране региональные общественные деятели

увидели в перечне рекомендованных к разрешению вопросов, главным образом, решение проблем населения Северного Кавказа, Туркестанского края и Закавказской области, а также казахов и буддистов, констатировали отсутствие в документе целого ряда рекомендаций, изложенных ими в своих ранее адресованных в Комитет министров петициях.

Русская периодическая печать своими публикациями также нагнетала общественную напряженность. Так, газета «Казанский телеграф» 8 марта опубликовала из «Нового времени» (1905, 3 марта, №10414) статью под заглавием «Казанские мусульмане в Петербурге». Столичный корреспондент, владея информацией об итогах работы состоявшегося 1 марта Особого совещания под председательством С.Ю. Витте, констатировал, что Комитет министров «наметил пересмотр правил о молитвенных домах иноверцев и положении духовных лиц мусульманского вероисповедания, вспомнил о киргизах, сартах, даже о ламаитах, но ничего не сказал о казанцах и крымцах, самых миролюбивых и лояльных из русских мусульман. Казанская депутация вернется домой ни с чем». На статью немедленно откликнулись двое членов казанской депутации – купец А.Сайдашев и общественный деятель Ю.Акчура, которые стремились уверить общественность в противном и говорили о полном взаимопонимании, установленном со столичными сановниками, в том числе с С.Ю. Витте. Можно предположить, что, однако, почувствовав неладное и не исключая быть обманутыми, казанская депутация могла разослать текст своей петиции в ряд городских общин, чтобы подавались новые петиции-напоминания о нуждах мусульман Волго-Уральского региона. Эта наше предположение косвенно подтверждается тем, что спустя две недели, 23 марта 1905 г., казанская депутация адресовала председателю Комитета министров политический меморандум, назвав «памятной запиской». Главной идеей документа являлось раскрытие сути «неодинакового правового положения татарского населения» по сравнению с другими подданными империи. Члены депутации постарались, чтобы текст был напечатан в прессе (*Загидуллин*, 2019, с.140–141, 169).

Итак, узкий перечень вопросов для обсуждения на Особом совещании был воспринят региональными лидерами, прежде всего, как собственная недоработка по доведению до высших инстанций своих проблем. Опасаясь, что в столь ответственный исторический момент мусульмане не проявят должную активность в отстаивании своих прав, а пассивность и молчание могут быть восприняты как согласие с данной несправедливостью, они развернули петиционную кампанию. Возможно, этим обстоятельством следует объяснить довольно смелые осуждающие ремарки об этноконфессиональной политике имперских структур, о дискриминации религиозных и гражданских прав мусульман.

В докладной записке на фоне дискриминационных аспектов, выделяется привилегирование по конфессиональному принципу. Прежде всего, это – сосредоточение всех вопросов, связанных с семейно-брачными от-

ношениями, разделом недвижимости, учебно-образовательной и издательско-цензурной сферой, функционированием исламских институтов и других в исключительном ведении Оренбургского магометанского духовного собрания, означавшее автоматическое изъятие этих полномочий у гражданских органов власти. Еще одним важнейшим принципом концепции формирования полноценной религиозно-культурной автономии указывалось повышение статуса исламских институтов, прежде всего приходского духовенства, до уровня православных учреждений. Высокий статус ОмДС, по их утверждению, достигался путем проведения всеобщих выборов муфтия и кадиев с последующим утверждением избранных кандидатов императором и министром внутренних дел соответственно.

Согласно петиции, исламский дискурс гражданского равноправия мусульман с русским населением охватывал многие стороны. Это – достижение подлинной свободы вероисповедания, упразднение дискриминационных ограничений в свободном проживании, предпринимательской, общественной, учебно-образовательной деятельности, в приобретении недвижимости, в выборе свободных профессий, определении на государственные и общественные должности, издании газет и журналов и т.д. (РГИА, ф.821, оп.10, д.26, л.14–15).

В 1905 г. благодаря объявленным самодержавием реформам появились новые, политические, сферы достижения гражданского равноправия, о чем не преминули сообщить уполномоченные. В случае учреждения комиссии для обсуждения поступивших от единоверцев петиций, они просили пригласить в ее состав своих выборных представителей кроме духовных лиц (особое совещание по делам веры под председательством графа А.П. Игнатьева было учреждено 18 мая. – *Авт.*). Подразумевалось приглашение на Особое совещание специалистов, обладающих необходимыми профессиональными знаниями и навыками для отстаивания на высшем уровне интересов мусульманского сообщества.

Купцы также хотели видеть своих уполномоченных на особом совещании «О делах государственного благоустройства» под председательством А.Г. Булыгина (*Там же*, л.15), учрежденном согласно императорскому рескрипту от 18 февраля 1905 г. (*Законодательные акты*, 1907, с.30–31).

Заключительная часть петиции оформлена как VI раздел, в котором утверждалось, что данное ходатайство является исполнением воли императора, изложенной в вышеназванных законодательных актах. А большой объем текста объяснялся «долголетним гнетом», который «сковывал всю жизнь магометан, иссушил их сердце и поставил в самое тяжелое положение» (РГИА, ф.821, оп.10, д.26, л.15об.). Действительно, это было первое открытое, непредвзятое и без боязни за последствия критики обращение мусульман, которые поверили в возможность позитивных перемен в организации этноконфессиональной жизни и управления своими духовными делами.

Таким образом, составление уполномоченными мусульманской общины уездного города Стерлитамак Уфимской губернии – татарскими купцами – петиции о достижении гражданского и религиозного равноправия, явилось следствием объявленной имперской властью «политики доверия к общественным силам» и предоставления российским подданным политического права на подачу петиций об общественных проблемах в стране.

Журнальные постановления Комитета министров от 22 апреля и 1 марта 1905 г., в которых были фактически проигнорированы просьбы мусульман Волго-Уральского региона, изложенные в поданных ранее петициях, стали сигналом для усиления давления на имперские структуры с тем, чтобы в повестку запланированного Особого совещания по вероисповедным делам были непременно включены их собственные вопросы. Тактика и манера изложения позволяет назвать нарратив политическим памфлетом. В нем завуалированно и корректно изложено недовольство мусульманских общественных деятелей политическим курсом правительства пореформенного периода в отношении мусульман и выражена обеспокоенность деятельностью Комитета министров, не желавшего принять во внимание их интересы. Реализация указанных в петиции вопросов расширения религиозно-культурной автономии и гражданского равноправия мусульман могла быть успешно осуществлена только в случае демонтажа государственно-церковных отношений в империи и демократических преобразований в стране.

**28 апреля 1905 г. Петиция уполномоченных
мусульманского общества города Стерлитамак Уфимской губернии
купцов З.И. Утямышева, Г.Г.Усманова и К.Х. Баязитова,
адресованная председателю Комитета министров**

Его Высокопревосходительству господину председателю
Комитета министров уполномоченных стерлитамакского
магометанского общества стерлитамакских купцов:
Зарифа Ибрагимовича Утямышева, Гайфуллы Галиуллича Усманова
и Калимуллы Хисамутдиновича Баязитова
докладная записка.

I

Глубоко печальны наши дни, столь тяжело переживаемые всеми верноподданными русского царя самодержца.

Там, далеко от нас, на полях Маньчжурии, далекой по расстоянию, но теперь близкой к сердцу всей России, вот уже второй год льется так много и русской, и магометанской крови, где вместе, как братья, и русские, и магометане, как верные и честные слуги царя и отечества, костями ложатся на поле брани за честь и славу царя и России.

Здесь же внутри империи, ее враги сеят и смуту, и создают беспорядки. Нет мира, нет и покоя. И вот в эти то именно дни все верноподданные русского самодержца по долгу совести и присяги должны крепкою, сильною народной стеною встать вокруг Его царского престола и дружным словом и делом помочь царственному кормчему в скорейшем одолении внешнего врага и в уничтожении всякой смуты и непорядков внутри страны.

В такие то тягостные дни, в которые страдают все и первый страдалец сам царь, – время ли каких-либо преобразований, каких-либо о том ходатайстве, хотя бы они и исходили из настоятельных нужд населения, немедленное удовлетворение которых было бы и безусловно необходимо?

Но жизнь быстро идет вперед, не зная ни остановок, ни преград и ни великих событий.

По воле Бога Вышнего, в руках которого сердце русского царя, вдруг так неожиданно, как особый светозарный луч красного солнышка, раздалось с высоты царского престола и призыв царя и слово о царских милостях и благодеяниях всему народу земли русской.

В высочайших манифестах от 26 февраля 1903 г. и 18 февраля текущего года, в высочайших указах от 12 декабря 1904 г. и 18 февраля 1905 г. и в высочайшем рескрипте от того же 18 февраля, государю императору было благоугодно объявить о различных преобразованиях, об изменении и пересмотре (**л.9об.**) многих законоположений, об отмене разных стеснительных распоряжений, о свободе и веротерпимости инославных и иноверных исповеданий, о призыве народных представителей в Особое совещание о делах государственного благоустройства и о свободном представлении к царскому престолу разных предположений и ходатайств о нуждах и пользах народных.

В этих знаменательных и исторических актах никто не забыт, так как пред любвеобильным сердцем, пред великодушным попечением самодержца русского равны все верноподданные необъятной его державы. Обо всех он проявляет свою отеческую заботливость и всем дарует свои монаршие милости.

После таковых царских актов жизнь пошла как бы еще быстрее. Все проснулось и все забило своим сильным ключом.

И если к нему, царю самодержцу, как верховному прибежищу, обращаются все верноподданные и в радости, и в горе, и если на нем всегда сосредотачиваются все их светлые надежды, то в наши текущие дни, когда сам царь открыл к тому свой новый путь, – все народы, подвластные скипетру русского самодержца, вознося свои благодарные мольбы к царю царей, понесли к престолу его избранника – царя русского свои слезницы.

Одна из массы тех слезниц и есть настоящая докладная записка, выражающая частицу тех наших духовно-религиозных нужд, об удовлетворении коих десятки лет, почти столетие, хлопотал и притом так безуспешно, а теперь и просит вновь весь магометанский мир, – все магометане,

верноподданные русского царя самодержца, рассеянные по всему лицу земли русской.

II

Державною волею нашего обожаемого монарха ваше высокопревосходительство признаны на высокий пост, – встать во главе высшего в империи учреждения, – председателя Комитета министров. На вас, как на посредника между царем и его верноподданными, как на защитника прав этого народа, обращены взоры и думы всей России.

От Комитета министров, во главе которого вы поставлены, вся Россия ждет тех преобразований, мероприятий и законоположений, которые успокоили бы наболевшее сердце царя страдальца и вывели бы Россию на должный и истинный путь, с которого она волею печального рока так давно сдвинулась и ушла так далеко.

Не скроем истины и мы, магометане всей России, ждем от вашего высокопревосходительства и доброго заступничества и благосклонного покровительства в нашем ходатайстве о духовно-религиозных нуждах наших.

И если минуты, в которые жалуются верноподданным монаршие милости, есть лучшие минуты в жизни царей, то минуты, в которые удовлетворяются полномочными царя справедливые ходатайства его верноподданных, есть лучшие минуты в жизни тех полномочных.

(л.10) Мы сердечно желаем, чтобы среди тех лучших минут в жизни вашего высокопревосходительства были минуты, в которые будет подписано вами удовлетворение духовно-религиозных нужд преданных вам магометан всей России.

Если всякий луч солнца представляется вдвойне утешительным тому, кому в жизни пришлось видеть много мрачных дней, то светозарный луч царской милости, дарованный русским магометанам, столь много перестрадавшим в их духовной жизни, явится как особое дорогое благодеяние, как особый знак монаршего милосердия к магометанам всей России.

Со слезою светлой душевной радости и особою горячею и благодарственною молитвою за царя самодержца, все верные ему магометане встретят тот истинно благодатный луч новой вседорогой царской милости, а имя вашего высокопревосходительства, как защитника наших просьб и прав, магометане будут благословлять в своих молитвах.

Мы вполне надеемся, что если ваше высокопревосходительство удостоете прочтением сей нашей записки, то не осудите нас за то, что ввиду только настоятельных наших духовных нужд мы осмелились при великих заботах ваших отвлечь на несколько минут ваше внимание, столь дорогое в текущие дни для всей России.

Первое наше ходатайство пред вашим высокопревосходительством есть наша усердная просьба: всеподданнейше повергнуть к священным стопам государя императора Николая Александровича наши верноподданнические чувства беспредельной преданности к его императорскому

величеству и сердечной благодарности за новые монаршие к нам магометанам милости.

Да подаст Всевышний Бог здравие, счастье и долгоденствие нашему обожаемому монарху и да царствует его величество много лет на радость и счастье всех народов, подвластных его самодержавному скипетру!

Далее следуют наши, магометан, ходатайства пред Комитетом гг. министров о наших духовно-религиозных нуждах, но прежде чем все их перечислять мы считаем долгом высказать нижеследующие к ним мотивы и соображения, побудившие нас к тем ходатайствам и подтверждающие справедливые их основания и настоятельную необходимость.

III

Магометанство или ислам одна из древних религий. Возникши в седьмом веке, в недрах Аравийской пустыни, эта религия пророка Магомета, как быстрый поток, пронеслась по обширным пространствам Старого света. В течении нескольких столетий ее знамя, под которое встали многие миллионы народов, широко и шумно развевалось во многих странах Азии, Африки и Европы. В настоящее время магометан более двухсот миллионов душ.

В наши дни насчитывается более 18 миллионов магометан, живущих и в центре, и на окраинах великой Российской империи, подвластных русскому царю самодержцу и верных его подданных.

(л.10об.) Эта цифра одна свидетельствует, какое значение имеет мир магометан в России, которой он ежегодно ставит под ружье своих верных слуг свыше 50000 человек.

Учение нашего пророка Магомета есть учение чисто религиозное, все законы и вся жизнь магометан основывается на религии, главным источником которой и служит священная книга Коран. А так как, по преданию, дошедшему от пророка Магомета, «всякое нововведение есть противообычие, а всякое противообычие есть заблуждение ведет в огонь адский», то вся жизнь магометан регулируется и направляется только ясно выраженными правилами и законами вероучения или шариата. А потому всякое дело, всякий шаг, каждое явление в жизни рассматривается с точки зрения соответствия или противоречия требованиям шариата. Все, что не предусмотрено шариатом, им не предписано или им не дозволено, в глазах магометан есть уже новшество, обязательно требующее одобрение и санкции духовенства, единственно компетентного в разрешении всех духовно религиозных вопросов.

Таковы общие основные начала всего жизненного строя, быта и мировоззрения всех магометан-мусульман, – последователей пророка Магомета. Из этого уже само собой вытекает, какую громадную роль и какое значение имеет среди магометан его духовенство, – лица его духовного управления.

Как и у других народов, так и у магометан каждое духовное лицо есть духовный руководитель своего прихода, хранитель его заветов, его инте-

ресов, первый его ходатайство всех духовно-религиозных делах и вопросах; словом, добрый пастырь своего доброго духовного стада, – своей паствы. Из одного этого уже ясно видно, насколько духовное звание почетно и вместе с тем, насколько оно требует познаний в делах веры и религии.

Волна общего прогресса, столь широко разливающаяся и по лицу земли русской, конечно, не могла не коснуться своей всеблагодатной струей и до народного многомиллионного мира магометан, разбросанных по всей России. И магометане при всей своей, так сказать, неподвижности, – забитости и некультурности, не остаются в стороне, а идут по силе возможности к иной, новой, лучшей, светлой и сознательной жизни, составляющей высший идеал всего человечества.

Но никакими правилами, никакими мерами и даже ни огнем, ни мечем, нельзя заставить человека сразу путем великого скачка отрешиться от мировоззрений, обычаев и верований, так крепко утвердившихся за период многих веков; нельзя отнять у человека его неотъемлемое право национальности, его исторический, национальный облик, его семейные, материальные и прежде всего его духовные права – свободу совести в его веровании и в религии воспретить обязательное исполнение всех ее велений, правил и вековых традиций.

Всему пробьет свой час, а пока все должно идти в своем обычно-строгом последовательном порядке.

(л.11) И современные условия жизни, и положение в ней магометан требует только нормального прогрессивного шествия вперед.

Верный завету творца ислама пророку Магомету, весь магометанский мир, для которого, повторим, вера и религия с их обычаями и устоями составляет в жизни все, желает лишь исключительно восстановления своего права: полной свободы вероучения и вероисповедания и полной свободы в управлении своими духовными делами.

Нигде так не вредны различные стеснительные правила, как в деле религии. Общеизвестно, что все стеснения, правила с теми или иными ограничениями и обязательствами способны лишь ослабить веру, а у многих и убить ее, приучить смотреть на нее, как на простую формальность. А между тем, вера есть искра Божия, а религия и выполнение тех или других ее обрядов есть нравственная потребность, есть призвание и потребность души и сердца каждого верующего.

Правда, в очень отдаленном прошлом заботы русского правительства клонились, главным образом, к усмирению воинственного духа магометан, преимущественно башкир, к подавлению среди них восстаний, к упорочению на восточных окраинах русского влияния среди инородцев, принявших русское подданство. Но затем, с падением Казанского царства, в позднейший исторический период, когда уже нельзя было ожидать никаких народных волнений от умиротворенных башкир и других инородцев, при полном их спокойствии, мир русских магометан слился в своей мирной, спокойно трудящейся жизни с остальным русским населением.

И вот в то совершенно спокойное время, по мере того как шло оно вперед и вперед, внимание канцелярий разных ведомств и министерств все более и более приковывалось к иной стороне народного быта русских магометан, а именно к их религии, к их духовным нуждам. Под сенью таких забот и внимания и воспоследовали сперва различные циркуляры, а затем и законодательные акты, все более и более урезающие право свободы и веротерпимости, в особенности в вопросах духовного управления. В результате всего в 1890 г. был издан закон, уже окончательно уничтоживший право магометан и избирает главу своего духовного управления муфтия и кадиев и пр[очия] пр[очия]. Скажем об этом подробнее.

Еще в прежнее время, уже отдаленное от нас целыми столетиями, или иначе сказать, в глубокой древности, все магометанское общество избирало своим духовным главою одного из самых достойных магометан всего округа, а именно такое духовное в полном значении сего термина лицо, которое и по опыту высоконравственной своей жизни и по своим научно-религиозным и просвещенным познаниям всех правил Корана и законов Божиего откровения вполне отвечало бы своему высокому сану духовного главы всех магометан и при том и прежде всего, чтобы это духовное лицо пользовалось (л.11об.) всеобщим доверием всего магометанского населения, безусловно, необходимым для занятия каждого высшего поста по управлению теми или другими делами вообще, а в делах духовного управления в особенности. Только такое избрание и таких лиц и соответствовало закону нашего магометанского вероучения.

В позапрошлом столетии, вскоре по восшествии на всероссийский престол императрицы Екатерины Второй, был поднят вопрос об учреждении Оренбургского магометанского духовного собрания, которое и было открыто в Уфе в 1784 году². Собранию сему было подчинено ведение всех духовных нужд магометан всей России, за исключением Таврической и Западной губернии, Закавказья, Бухары и др. азиатских владений Российской империи³.

Председателем сего Духовного собрания по закону (22 сентября 1788 года) был муфтий, как духовный глава всех магометан.

Вышеуказанным законом⁴ (а также и законом 1817 г.) таковое же свободное избрание было предоставлено магометанскому обществу и по выбору духовного главы всех магометан – оренбургского муфтия, который и утверждался в семь высококом звании высочайшею властью.

Целое столетие магометане, благословляя тот благодетельный царский закон, видели в лице духовного главы муфтия своего избранника. Но вот по мере того, как время шло вперед и вперед, а свобода вероучения и

² Допущена техническая ошибка, должно быть – 1789 г.

³ Приведена территория России на конец XIX в.

⁴ В законе от 22 сентября 1788 года нет такого указания (ПСЗ-1, т.22, №66711).

веротерпимости все более и более подчинялась стеснениям бюрократического режима, ныне опороченного самим царем самодержцем, право свободного избрания оренбургского муфтия магометанским обществом было уничтожено.

По закону 9 января 1890 года⁵ право магометан всецело перешло к министру внутренних дел. Одно уже это, составляющее для нас все, а вслед затем и различные изменения законов, относящихся до нашего духовного управления, не могли не поколебать и не приунизить всех нас магометан верноподданных державного монарха, которому все мы продолжали, как и продолжаем служить всей верою и правдою, жертвуя при надобности и своим достоянием, и своей жизнью, проливая вместе с русскими и в Хиве, и Туркестане, и на Кавказе, и в Турции, а сейчас уже второй год и на полях Дальнего Востока свою магометанскую кровь за честь и славу царя государя и России, нашего отечества.

И так, дыхание осужденного ныне самим царем бюрократического режима канцелярий разных ведомств и министерств, режима всевозможных и больших и малых стеснений, навяло нам большое духовное горе, крупная слеза которого и движет нас ко всеподданнейшему ходатайству нашему пред престолом государя императора, для которого все его подданные равны.

Правда, магометанская пословица говорит: как невозможно вернуть прошлую жизнь, так невозможно вознаградить и оскорбленное чувство. Но мы просим вернуть нам лишь наше прежнее право, восстановить его, вернуть нам свободу вероучения и право самостоятельного управления нашими духовно-религиозными (л.12) делами, которые нам дарованы были законами Российской империи. Только тогда, когда отпадут все стеснения, успокоятся чувства и наболевшее сердце магометан, верноподданных державному государю земли русской. Здесь мы считаем необходимым доложить более подробно следующее.

IV

Религия пророка Магомета с священной его книгою Корана обязывает каждого магометанина учиться. И каждое магометанское общество открывает и содержит свои школы, задачи которых, прежде всего, дать детям религиозно-нравственное воспитание, словом, чтобы все научные знания имели обязательно свое взаимное согласие с религией и ее требованиями. В настоящее время почти все наличные учебные заведения магометан составляют, так называемые: мектебе и медресе.

⁵ Высочайше утвержденным 9 января 1890 г. мнением Государственного совета «О порядке замещения должностей оренбургского муфтия и членов Оренбургского магометанского духовного собрания» муфтий назначался императором по представлению министром внутренних дел, члены Духовного собрания и три кандидата к ним назначались министром внутренних дел по представлению муфтия каждый на три года (ИТСЗ-3, т.10, №6512).

Только в самое последнее время уже давняя мечта в открытии магометанской духовной семинарии осуществляется.

А пока наличные школы магометан высшие – медресе, а низшие – мектебе. Это учебные заведения, но вместе с тем они и благотворительные учреждения. В них обучаются дети и грамоте, и началам магометанской религии, но здесь же готовятся и муллы, и в тоже время здесь призрываются все нуждающиеся в общественной помощи члены общества, не имеющие возможности снискивать пропитание своим личным трудом; словом, здесь и ученье, и пристанище несчастных. Такое сочетание благотворительности и призрения с педагогическими целями ведет свое начало с давних времен и имеет место у магометан всего мира, а не только у магометан русских. И в России эти учреждения поддерживаются и содержатся магометанским обществом уже в течение многих поколений и даже нескольких столетий и притом без всяких казенных субсидий. Эти учреждения всегда были излюбленными учреждениями магометан, так как всегда отличались и отличаются строго религиозным характером шакирдов (учеников) и не менее строгою нравственностью и даже аскетическою их жизнью. Медресе и мектебе находятся в ведении приходских мулл, которые состоят главными учителями. Но главный надзор, однако, перешел в ведомство Министерства народного просвещения. Медресе и мектебе рассеяны повсюду, где есть магометанское население, где есть мечеть, там есть и мулла, там есть и медресе, и мектебе. Ученики медресе (шакирды) годами упорного труда стремятся к достижению степени мулл, имамов и меодаррисов (священнослужителей и учителей). Весьма нередко они посвящают на это не только всю свою молодость до тридцатилетнего возраста, но и всю свою жизнь.

Мулла есть учитель, но он учит только старших шакирдов (учеников), а последние уже занимаются обучением детей прихожан. Кроме обучения, на мулле, как духовном главе прихода, лежит совершение и всех духовных треб и обрядов и исполнение других обязанностей. А так как приходский мулла никакого жалованья ни от казны, ни от земства не получает и живет (л.12об.) лишь на счет благотворительности, в большинстве при очень скудном материальном благосостоянии, то это уже одно свидетельствует, что духовные лица магометан вступают в свое звание именно по призванию и трудятся как бескорыстные служители Аллаха. И это же одно приводит к заключению, что нельзя к тому духовному лицу после его долголетнего тяжелого труда по учению предъявлять еще и обязательное требование русской грамоты и русской разговорной речи, хотя все духовные лица за малым разве исключением ее и знают.

А так как в городских и крупных уездных селениях магометане близко соприкасаются с русскими, то является уже сама собою потребность в знании русского языка и письма, а для сего уже во многих местах открыты при медресе русские классы, где дети магометан обучаются и русской грамоте, и проходят курс городских и сельских школ.

Многие из семей магометанского купечества отдают детей и прямо в русские училища, в гимназии и даже университеты, но общий процент таких учащихся весьма невелик. Это объясняется исключительно особым воззрением магометан на светское образование. Все они смотрят на него пока весьма не сочувственно и именно потому, что видят пред собою одни отрицательные результаты: получившие русское воспитание и светское образование почти никогда не возвращались и не возвращаются в свои семьи, помогать своим, обыкновенно все они исчезают в водовороте жизни больших центров и чужих городов и мест.

Но так или иначе, а обучение русской грамоте в русских классах при медресе или в русских школах нисколько не говорит за то, что только знающие русскую грамоту могут занимать должности и звание духовных лиц магометан. Напротив, необходимо признать давно сказанное русскою пословицей, что нельзя гнаться в одно и то же время за двумя различными делами и ожидать какого-либо успеха.

Необходимо избрать одно из двух назначений и сообразно такового выбора готовиться или на звание духовного пастыря или на звание работника на светском поприще.

И это именно потому, что право быть духовным пастырем получает лишь тот, кто обстоятельно изучил все то, что должно познать по закону пророка каждое духовное лицо и чему после собственного тяжелого труда и опыта оно должно учить свою духовную паству, а такому лицу, чтобы быть хорошим добрым пастырем некогда без ущерба для главного своего духовного призвания заниматься еще другими науками и учиться трудной русской грамоте.

И наоборот, каждый, изучивший русскую грамоту, не успев и поверхностно, по краткости времени, усвоить то, что требуется по вероучению Корана для духовного лица, в силу одного уже этого не может быть таковым духовным лицом, а должен избрать иной род жизненного поприща, а именно светского.

(л.13) Таковое заключение еще более подтверждает необязательность обучения и знания духовными лицами магометан русской грамоте и свидетельствует, что все циркулярные о том распоряжения, обратившиеся затем в свободы законоположения, есть ничто иное, как особое стеснение, ограничение права, и т.д.

Мы нарочно остановились на более подробном объяснении о наших школах и о наших духовных лицах и именно для того, чтобы яснее были видны хотя бы некоторые из массы различных стеснений и ограничений, созданных без разбора жизни и ее требований совершенно и бесполезно и бесцельно.

Масса тех стеснений, ограничений и воспрещений прямо даже непонятна. И невольно задаешься вопросом кому все это потребовалось? Но раз они созданы, они живут, крепнут и продолжают сушить вдоволь уже

наболевшее сердце магометан, точно каких-то провинившихся отверженцев и рабов.

Да, именно было время, а в нем жила какая то неведомая сила, хотя бы и канцелярская, которая держала весь 15 миллионный мир русских магометан скованным сильным морозом и в самый жаркий летний день

И быть может, к общей печали нашей, этот долголетний гнет был бы и бесконечным, если бы в жизни была «сила лишь в силе». Но жизнь быстро катит вперед и изрекла иное: «сила не в силе, а сила в любви». И эта любовь так сильно сказалась в наши, пусть и тяжкие дни. И эта древняя, тайная сила, все поработавшая и угнетающая, отошла в вечность и сгинула безвозвратно.

V

Любвеобильное сердце царя все воскресило. Все оковы прежних давних лет сброшены. Самим царем дарованы милости всем гражданам Его великой державы, а в числе их и нам, магометанам, никогда, нигде и ни в чем не заслуживающим ни малейшего за всю свою жизнь упрека. Напротив, все магометане до единого человека всегда были истинно-верноподданными и верными слугами державного монарха и всей России.

И мы истинно радуемся, что пробил и для нас, магометан, отрадно-светлый час и уже не за горами и наше светлое будущее, так как мы все отлично сознаем, что как бы было невелико число разных циркуляров и законоположений, стесняющих и ограничивающих наше, магометан, право в делах веры, религии и в духовном управлении, но самодержавная воля нашего русского царя выше всех законов.

И раз сам царь соизволил решить вопрос о религиозной свободе, об уничтожении всех стеснений и ограничений в делах веры всех инославных и иноверных исповеданий, то уже естественно и нам ожидать, во исполнении воли царской, удовлетворения всех и наших ходатайств, основанных на царских указах и велениях.

Таково первое основание к удовлетворению наших ходатайств. Вторым, в порядке последовательности, представляется тот собственно вопрос, что **(л.13об.)** возбудили те ходатайства именно магометане. И этот вопрос за нас и мы считаем долгом повторить. Не было ни единого примера, чтобы кто-либо из магометан был замешан в каком-либо политическом деле и обвинялся бы в государственном преступлении, участвовал бы в каких-либо противоправительственных демонстрациях и делах, принадлежал бы к партиям, сеющим смуту и создающим беспорядки. Никогда, нигде и никто из магометан не был причастен к таковым делам на вред царя и России. Напротив, если просмотреть историю целых двух столетий, то можно будет установить одно, что все магометане всей России – татары, башкиры, киргизы и др. – народ мирный, спокойный, трудолюбивый и во всем покорный, всегда честно и верно служил и служит царю и России и сейчас на поле грозной брани десятки тысяч магометан вместе с русски-

ми в далекой Маньчжурии проливают в первых рядах свою магометанскую кровь, жертвуют и жизнью за честь и славу царя и отечества.

И только уже по одному этому магометане вправе считать себя одинако с русскими свободными гражданами и пользоваться всеми, без каких-либо ограничений или исключений, правами, дарованными русскому народу.

Здесь нельзя хотя бы вкратце не сказать и того всем известного, что магометане вообще все патриоты, а из них состоятельные все благотворители. Разве они не несут вместе и наравне с русскими все повинности и не исполняют в интересах и общественных и общегосударственных различные обязанности? Пусть магометан в России лишь немного более десятой части общего числа населения всей империи 150 миллионов, но если собрать данные по всей России, то можно с уверенностью сказать, что магометане всегда и везде участвовали в каждом важном патриотическом и общепольном деле во славу царя и России и никогда в таких делах не отставали от коренного русского населения, а потому и приобрели право на равенство во всем.

И как бы не был мир русских магометан некультурен, как бы было не мало в среде магометан лиц, получивших то или другое образование, однако, среди него весьма много и интеллигентного элемента и таких лиц, которые, будучи поставлены условиями самой жизни среди русского населения и вместе с ними мирно и честно продолжающих трудиться на разных поприщах и в разных сферах, кто в торгово-промышленных и фабрично-заводских предприятиях, кто на службе царской и общественной, а кто и в земледельческой и др. работе, успели, и при том нередко за период долгих лет того честного труда, прекрасно освоиться и с народным бытом не только своих магометан, но и русского населения, с его гражданской жизнью, с его нуждами и пользами. Все те лица ни умственно, ни нравственно ни чем не ниже представителей других, а все это уже само по себе говорит за то, что во имя правды и справедливости и мир русских магометан, как мир не каких-либо лишенных доверия, подчиненных людей, а напротив, мир покорных, честных, трудолюбивых (л.14) и при том свободных граждан русской земли, верных и честных слуг царя и России, не должен быть лишен и своих гражданских прав.

Таковое же и при том единственное заключение указывает, что всякие стеснения, всякие ограничения прав магометан отжили свой век и должны быть уничтожены.

И миру русских магометан должна быть именно предоставлена полная свобода во всем, в чем она возможна и дарована другим верноподданым державного монарха.

Собственно наше, стерлитамакских магометан, ходатайство вполне одинако с ходатайством всех мусульман-магометан всей России, с ходатайством, представленном на благовоззрение Комитета гг. министров, уже посвятившего несколько заседаний вопросам касающимся исполнения шесто-

го и седьмого пунктов Высочайшего указа от 12 декабря 1904 г., т.е. вопросам о делах веротерпимости и о положении духовных лиц инославных и иноверных исповеданий, в особенности магометанского. В заседании Комитета 1 марта были даны заключения по многим вышеупомянутым ходатайствам, в общем благоприятные для магометан, но все они касались, главным образом, населения Северного Кавказа, Туркестанского края и Закавказской области, а также киргизского и ламаитского населения⁶.

Ходатайство же многомиллионного магометанского населения Крыма, Урала и Поволжья с нашим родным Уфимско-Оренбургским краем при его трехмиллионном населении магометан, остались пока открытыми, не решенными. А потому в настоящее время, это мирно, спокойно трудящееся население и ждет милостивого разрешения тех ходатайств.

Опасаясь, что если бы мы, представители местного населения, не подали своего голоса, то можно бы было признать, что наше молчание есть знак согласия, свидетельствовавшего, что мы всем довольны и наше сердце вовсе не болит ни о стеснениях и ограничениях, ни о недочетах и недостатках в делах нашего вероисповедания и в управлении нашими духовными делами – мы усердно и просим Комитет гг. министров удовлетворить все означенные ходатайства магометан всей России, к каковым ходатайствам мы вполне и присоединяемся, желая в настоящей записке лишь более подробнее, более сильнее выразить мотивы и основания к тем ходатайствам.

В виду всего вышеизложенного мы обращаемся к Комитету гг. Министров и усердно просим удовлетворить наше ходатайство, которое и заключается в нижеследующем:

1) Всем магометанам, принадлежащим к ведомству Оренбургского магометанского собрания, предоставить право свободного избрания из своей среды и лиц духовного звания и состояния всех членов муфтиата, духовного главу всех магометан – муфтия, и трех кадиев (заседателей) на пятилетний срок, при чем, чтобы, как и в настоящее время, лица, избран-

⁶ Учреждаемому Особому совещанию о веротерпимости предписывалось разработать определенные в журналах Комитета министров от 22 апреля и 1 марта и имеющие отношение к мусульманам следующие вопросы: 1) о сооружении «молитвенных домов иноверных исповеданий»; 2) о порядке избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства – приходских и высших; 3) об освобождении от призыва на действительную военную службу «из запаса» некоторых лиц мусульманского духовенства; 4) о порядке открытия мусульманских школ – мектебов и медресе; 5) об учреждении особых духовных управлений для казахов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а также для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области; 6) о возможности дозволения воспитывать подкидышаемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей (*О веротерпимости*, 1905, с.14).

ные (л.14об.) кандидаты утверждались в высоком звании муфтия высочайшею властью, а кадий – Министерством внутренних дел.

2) Все дела магометан брачные семейные и наследственные передать исключительно в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания.

3) Ведомству сего же Собрания предоставить полное право по разрешению постройки мечетей, по открытию школ мектебе и медресе, а равно и всех других учебных заведений магометан, по заведыванию, надзору и управлению теми школами и заведениями, определение в них учителей и т.д.

4) Полному ведомству того же Собрания представить все дела о вакуфах, надзор, заведывание и контроль за всеми вакуфными имуществами, в чем бы таковые не заключались.

5) Предоставить магометанам такую же свободу слова и печати, какая будет дарована общей прессе, с тем, чтобы все духовно-религиозные вопросы каждого печатного труда были изъяты из ведомства общей светской и духовной русской цензуры и всецело подчинены ведению и разрешению Магометанского духовного собрания.

6) Разрешить свободно и открыто исповедывать ислам и с правом регистрации в среду магометанских обществ тех несчастных магометан, которые в прежнее время в силу лишь печального рока были окрещены в христианскую веру, в ней зарегистрированы, а на самом деле, не зная даже русской грамоты, искренно и неуклонно продолжают исповедывать ислам.

7) Предоставить право магометанским обществам и магометанам принять на свое попечение и регистрировать в магометанскую веру несчастных младенцев, подвинутых к какому либо дому магометан или по признакам расового происхождения принадлежащих к магометанам.

8) Присвоить духовенству магометанского исповедания и их детям звание почетных граждан, с изъятием их из подсудности судов низших устройств, а в отношении воинской повинности уравнивать их права с правами духовенства православной церкви и от воинской повинности всех духовных лиц магометан освободить.

9) Предоставить Магометанскому духовному собранию право на определение и утверждение в должностях ахунов и приходских мулл, имамов и др. духовных лиц, избранных по общему доверию приходом и испытанных Собранием в знании закона магометанского вероучения и отправления богослужений и духовных треб, без обязательного знания избранными лицами русской грамоты и письма.

10) Предоставить магометанам права издательства на общем основании газет, журналов и книг на татарском языке и на языке мусульман востока и право торговли таковыми – повсеместно в пределах всей Европейской и Азиатской России. (л.15)

11) Предоставить частным лицам и магометанским обществам право открытия частных и общественных и профессиональных школ с преподаванием в них предметов общеобразовательного курса на татарском языке.

12) Предоставить магометанам право свободного проживания, приобретения недвижимой собственности, торговли, общественной деятельности и выбора свободной профессии повсеместного по всей России, наравне с коренным русским населением.

13) Предоставить магометанам Российским подданным прав государственной службы наравне с лицами православного исповедания.

14) Предоставить магометанам без ограничений их числа быть избранными в городскую думу и земские собрания и вообще в общественные должности.

15) Так как магометане, занимающиеся торговлей, не открывают таковую во все дни их праздников и по пятницам, то освободить их от запрета торговли в воскресные и праздничные дни, когда торговля русских ограничена известными часами.

16) Изъять духовные магометанские школы из ведения Министерства народного просвещения и передать их, как сказано выше, ведомству Магометанского духовного собрания

17) Разрешить употребления в тех школах учебников заграничного издания.

18) Предоставить право преподавания в тех же школах лицам, получившим образование за границей и в Бухаре, Турции, Персии и других местах.

19) Предоставить право наравне с русскими и магометанам, получившим образование и надлежащие дипломы, преподавания и учительства научных предметов во всех учебных заведениях империи.

20) Предоставить магометанам права на получение стипендий и пособий для продолжения высокого образования.

21) Учредить в войсках и для мирного времени должности военных мулл.

22) Если при обсуждении вышеозначенных ходатайств будет образована особая комиссия, то предоставить право магометанским обществам, подавшим свои петиции в Комитет министров, принять участие в этой комиссии чрез особо выборных представителей кроме духовных лиц.

23) Предоставить магометанам право избрать возможное число для представительства и допустить их в Особое совещание под председательством министра внутренних дел.

VI

В заключении считаем должным высказать, что раз сам великий царь-самодержец провозгласил свободу в делах веры и повелел уничтожить все стеснительные законоположения, ограничивающие те или иные права Его верноподданным вообще, а по отношению к свободе совести и веры в особенности, то все наши ходатайства собственно есть усердная просьба к

высшему правительству (**л.150б.**) исполнить волю нашего любвеобильного царя, печальника о нуждах верного Ему народа.

Голос наш, магометан г. Стерлитамака, глухого городка, где-то затерявшегося на карте Российской империи, есть голос не только нескольких тысяч горожан, но и стоящей за нами всей Башкирии, которой в нашем уезде более 150 тысяч, а в Уфимско-Оренбургском округе и Тургайской области несколько миллионов.

И если от подножия великого русского Урала – этой средней жемчужины в короне русского самодержца, раздается наш голос, то это голос сердца магометан всей России.

Да простит Ваше Высокопревосходительство за пространность настоящей докладной записки. Вина сему тот долголетний гнет, который сковывал всю жизнь магометан, иссушил их сердце и поставил в самое тяжелое положение.

Но теперь, когда наш обожаемый государь озарил и нас магометан, как свободных граждан русской земли, как верных Его подданных и слуг, светлой надеждой на лучшее будущее, мы все покойны, покойны и тем что эта записка представляется на благовоззрение Вашего Высокопревосходительства, как полномоченного русского самодержца.

Уполномоченные стерлитамакского магометанского общества стерлитамакские купцы Зариф Ибрагимов Утямышев, Гайфулла Галиуллич Усманов, Калимулла Хисамутдинов Баязитов

12 апреля 1905 г.
г. Стерлитамак Уфимской губернии

Источник: РГИА, ф.821, оп.10, д.26, л.9–15об.

Источники и литература

1. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2000. 430 с.

2. *Ахтямова А.В.* Динамика численности городского населения Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2019. №8. Т.1. С. 62–75.

3. *Ахтямова А.В.* Состав и структура занятости населения города Стерлитамак Уфимской губернии (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2017. №7. С. 15–23.

4. *Денисов И.В.* Усмановы, купцы // Башкирская энциклопедия. Т. 6. Советы народного хозяйства – У. Уфа: научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2010а. С. 458.

5. *Денисов И.В.* Утямышевы, купцы // Башкирская энциклопедия. Т. 6. Советы народного хозяйства – У. Уфа: научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2010б. С. 466.

6. Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб.: Издательств РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 143 с.

7. Загидуллин И.К. Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг.: монография. Казань: ООО «Центр инновационных технологий», 2019. 256 с.

8. Загидуллин И.К. Петиции мусульман Казани 1905 г. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2015. №1–2. С.46–63.

9. Законодательные акты переходного времени (1904–1906 гг.) / под ред. Н.И. Лазаревского. Изд. 2-е, пересмотренное и доп. по 1 января 1907 г. СПб., 1907. 733 с.

10. О веротерпимости. Закон 17 апреля 1906 года. Изд. неофициальное. М.: типогр. тов-ва И.Д. Сытина, 1905. 88 с.

11. ПСЗ–1. Т. 22. №66711.

12. ПСЗ–3. Т. 10. №6512.

13. ПСЗ–3. Т. 24. №25495.

14. ПСЗ–3. Т.25. №25853.

15. РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.26.

16. Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. «Кампания петиций» 1905 года как отражение общественного сознания мусульман России начала XX века // Известия Самарского научного центра РАН, 2005. Т. 7. № 2. С.311–319.

17. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIV. Уфимская губерния. СПб.: типогр. «Общественная польза», 1903. IV, 347 с.

Х.З. Баһаутдинова, Л.Ф. Байбулатова, И.К. Заһидуллин

Уфа губернасының Стәрлетамак шәһәре мөселманнарының 1905 елгы петициясе

Бу язмада Уфа губернасының Стәрлетамак шәһәре мөселманнарының вәкилләре булган татар сәүдәгәрләре тарафыннан 1905 елның апрелендә төзелгән петициянең язылу алшартлары һәм сәбәпләре яктыртыла. Мөселманнарның гражданлык һәм дини өлкәләрдәге тигез хокуклыгы турындагы Министрлар комитетына юлланган петиция империя хакимиятенә «жәмәгатьчелеккә ышаныч күрсәтү сәясәте» нәтижәсе буларак бәяләнә һәм аның текстына кыскача анализ ясала.

Ачкыч сүзләр: Стәрлетамак шәһәренең мөселман жәмгыяте, петицияләр, 1905–1907 еллардагы Беренче рус революциясе, гражданлык хокуклары, мөселманнарның дини хокуклары, «жәмәгатьчелеккә ышаныч күрсәтү сәясәте».

Kh.Z. Bagautdinova, L.F. Baybulatova, I.K. Zagidullin

Petition of Muslims of the city of Sterlitamak of the Ufa province in 1905

This publication analyzes the text of the petition written in April 1905 to the Committee of Ministers by Tatar merchants authorized by the Muslim community of the district city of Sterlitamak, Ufa province. Based on the analysis, it is concluded that the background and reasons for writing this document was the desire of Sterlitamak Muslims to achieve civil and religious equality, which arose in response to the "policy of trust in public forces" of the Imperial government.

Keywords: Muslim community of Sterlitamak, petitions, the First Russian revolution of 1905-1907 years, civil rights, religious and spiritual needs of Muslims, «the policy of trust in social forces».

Информация об авторах:

Багаутдинова Халида Зиннатовна – научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: halida12_61@mail.ru

Баһаутдинова Халидә Зиннәт кызы – ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты Татарстан халыкларының тарихи-мәдәни мирасы бүлеге фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Bagautdinova Khalida Z. – Scientific Researcher, Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Байбулатова Лилия Фаритовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: bayli77@mail.ru

Байбулатова Лилия Фәрит кызы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының Миркасыйм Госманов исемендәге Алтын Урда һәм татар ханлыкларын тикшеренүләр үзәге өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Baybulatova Liliya F. – Candidate of Historical Sciences, Senior Scientific Researcher of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: zagik63@mail.ru

Заһидуллин Илдус Котдус улы – тарих фәннәре докторы, ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының яна тарих бүлеге мөдире (Казан шәһәре).

Zagidullin Ildus K. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of New History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

ПАМЯТЬ. ЮБИЛЯРЫ

УДК 1(091)

Ф.М. Солтанов

Галим һәм жәмәгать эшлеклесе: Яхъя Абдуллинның тууына 100 ел тулу уңаеннан хәтер яңарту

Мәкалә күренекле татар фәлсәфәчесе һәм жәмәгать эшлеклесе профессор Яхъя Абдуллинның тормыш юлын яктыртуга багышлана. Бөек Ватан сугышынан кайтканнан соң партия органнарында эшлэгән шәхес 1959 елда үз тормышын фәнни эзләнүләр белән бэйли. 1978 елда «Татар мәгърифәтчелеге фикеренә социаль-фәлсәфи бәяләмә» дигән темага докторлык диссертациясен уңышлы яклай. Мәкаләдә Абдуллинның фәнгә алып килгән яңалыгы күрсәтелә, галимнең, оештыручы һәм фәнни житәкче буларак, татар ижтимагый фикере тарихы фәнни юнәлешен булдыруга керткән өлеше сурәтләнә.

Ачыкч сүзләр: Я.Г. Абдуллин, гуманитар гыйлем, Татарстанда фән, ижтимагый фикер тарихы, мәгърифәтчелек хәрәкәте, татар милли хәрәкәте.

«Татар әлегә яшәвен дәвам итә. Ләкин йокымсыраган хәлдә. Уяна алмый азаплана. Әй, уятасы иде аны һәм үзенә мөстәкыйльлеге өчен көрәшкә канатландырасы иде. Моның өчен аның аңына милләт идеясен тирән сөндәрәсе иде». Моннан 15 ел элек язып калдырылган бу жан авазына тиң сүзләр татар халкының аянычлы язмышын, үткән тарихи юлын һәм бүгенгә хәлен тирән белгән, аның киләчәген бәхетле итеп күрергә теләгән, шул максатка булдыра алганча үзәннән өлеш кертәргә тырышкан шәхескә – күренекле татар галиме, фәлсәфә фәннәре докторы, профессор, Татарстан Фәннәр академиясенең шәрәфле әгъзасы, ТАССР, РСФСРның атказанган фән эшлеклесе, Шиһабетдин Мәржани исемендәге бүләк лауреаты, Бөек Ватан сугышы ветераны Яхъя ага Абдуллинга карый. Исән булса, аңа быел 100 яшь тулган булып иде.

Яхъя ага 1920 елның 9 гыйнварендә Татарстанның хәзерге Теләче районының гүзәл Макса елгасы буенда урнашкан борынгы татар авылы Олы Кибәхужада дөньяга килә. Нәсел жепләренә кагылып: «Безнең нәсел чыгышы белән Олы Кибәхужадан түгел. Миңа билгеле булган иң тәүге бабам Бикуш исемле. Ул чыгышы белән Теләчедән көнбатыштарак урнашкан Күкчә авылыннан. Күрәсең, укыган кеше булгандыр. Аны инде чукундырылган Олы Кибәхужа халкы балаларга ислам сабагы укытырга чакырып китертә... Бикуштан соңгы бабам Жәгъфәр исемле була. Аннан соңгысы Бикбау. Бикбаудан соңгы бабам Биктимер бик зирәк кеше була. Бу бабам узган гасырның урталарында (XIX гасыр) официал рәвештә ис-

ламга кайту өчен күтәрелгән көрәшнөң уртасында була һәм жэзасын да берэгэйле ала... Әтием Габдулла 1885 елда, әнием Хәнифә 1886 елда туганнар. Һәр икесе дә хәтеремә гадел, инсафлы, эшчән, тырыш кешеләр булып кереп калганнар. Әтием бик туры сүзле иде. Аны авыл мәктәбендә башлангыч белем алганнан соң Казаклардагы жәдиди мәдрәсәгә укырга бирәләр. Ул анда 7 ел буе белем туплый. Тарихтан, жәгьрәфиядән, табигать фәннәреннән яхшы хәбәрдар иде. Дини тәгълиматны да тирән үзләштергән була», – дип яза ул (*Абдуллин*, 2005, 10–12 б).

Яхъя 6 яшендә мәктәп бусагасын атлап керә, 16 яшеннән район газетасында техник сәркатип буларак хезмәт юлын башлый, комсомол сафына баса, 1938 елда Алабуга шәһәрәндәге Сәяси агарту техникумына (тиздән ул Республика сәяси агарту мәктәбе дип атала башлый) имтихан тотта, аның комсомол комитеты сәркатибе итеп сайлана, партиягә алына; 1940 елда армиягә чакырыла, башта радистлар мәктәбенә, аннары Брянск хәрби-сәяси училищесына жиберелә. Бөек Ватан сугышында катнаша, легендар 62 нче армия сафларында Сталинградны саклай, каты яралана, үз теләге белән тагын фронтка китә. Ленинград шәһәрән чолганыштан коткаруда, Балтик буе илләрен, Польшаны азат итүдә, Берлинны штурмлауда катнаша. Бу чакларны искә төшереп: «Күпне күрдем, күпне ишеттем», – дип яза Яхъя абый.

Сугыштан кайткач, 1959 елга кадәр Казанда партия эшендә була, 1949 елда партия өлкә комитеты каршындагы ике еллык республика партия мәктәбен тәмамлай, Казан юридик институтына укырга керә, 1953 елда Мәскәүгә Ижтимагый фәннәр академиясенә Дәүләт һәм хокук бүлегенә «Фәлсәфә тарихы» белгечлегенә аспирантурага имтихан тотта, 1957 елда янәдән Казанга кайта һәм Казан шәһәр партия комитетының идеология эшләре буенча секретаре итеп рәсми төстә сайланып куела. 1959 елда үз теләге белән Казан ветеринария институтына өлкән укытучы булып күчә, доцент, кафедра мөдире вазифаларын башкара, фәнгә тартыла. 1971 елда ул үзенең язмышын Г. Ибраһимов исемәндәге Тел, әдәбият һәм тарих институты (ТӘТИ) белән бәйли: башта фәнни хезмәткәр, сектор мөдире, аннары институт директорының фән буенча урынбасары, институт директоры дәрәжәсенә күтәрелә. 1986 елдан, пенсиягә китү сәбәпле, ТӘТИдә, аннан соң Ш. Мәржани исемәндәге Тарих институтында гомеренә соңгы елларына кадәр диярлек баш фәнни хезмәткәр, фәнни консультант булып эшли. Болар – Яхъя аганың тормыш юлына караган кыскача мәгълүматлар.

Яхъя ага – фәнгә чагыштырмача соң килгән шәхес. Ул фәнгә беренче адымын Мәскәүдә Ижтимагый фәннәр академиясендә укыганда ясый: «Каутскийның дәүләт теориясен тәнкыйтьләү» («Критика теории государства Каутского») темасына кандидатлык диссертациясе яза һәм, аны 1957 елда уңышлы яклап, фәлсәфә фәннәре кандидаты дигән гыйльми дәрәжәгә лаек була. Аның фән дөнъясында чын мәгънәсендә галим булып танылуы, һичшиксез, татар фәлсәфи һәм ижтимагый фикере тарихына, шул исәптән, татар мәгърифәтчеләге һәм жәдитчелек мәсьәләләре, күренекле татар

мәдәнияте эшлеклеләренең дөньяга карашларын тикшеренүгә караган хезмәтләренә бәйле.

Ул үткән гасырның житмешенче елларында, бу өлкәдә сәяси күзлектән чыгып караганда яңалык кертү гаять кыен булган заманда, үз сүзен әйткән кеше. Барыннан да элек, Г. Курсави, Ш. Мәржани, Ш. Күлтәси, Г. Утыз Имәни, Х. Фәезханов, К. Насыйри кебек татарның күренекле тарихи шәхесләренең мирасын өйрәнеп, аларның татар ижтимагый фикерендә тоткан урыннары хакында житди хезмәт бастырып чыгара алды, бу мирасны булдыра алганча пропагандалады. Әлеге тикшеренүләр нәтижәләре аның 1976 елда дөнья күргән һәм фәнни жәмәгатьчелек тарафыннан бик жылы кабул ителгән «Татар мәгърифәтчелеге фикере» (Абдуллин, 1976) исемле монографиясендә чагылыш тапты, 1978 елда СССР Фәннәр академиясенең Фәлсәфә институтында «Татар мәгърифәтчелеге фикеренә социаль-фәлсәфи бәяләмә» (Абдуллин, 1978) темасына уңышлы якланган докторлык диссертациясенә нигез булып торды. «Татар мәгърифәтчелеге фәлсәфәсе, – диелә хезмәттә, – гәрчә дөньяга дини-идеалистик караш белән араны кискен рәвештә өзә алмаса да, рационалистик фәлсәфә булды, ул бер очракларда пантеизм, икенче очракларда деизм белән бәйләнгән иде һәм, дөньяга прогрессиврак караш буларак, урта гасырлар иррационализмына һәм мөселман схоластикасына каршы торды. Табигатьне, илаһи асылны пантеистик һәм деистик рухта аңлату дөньядагы әйбәрләренә һәм күренешләренә аларның үз табигатеннән һәм эчке закончалыкларыннан чыгып тикшерүгә һәм аңлатуга зарури алшарт булды» (Там же, с.143). Монографиянең тагын бер үзенчәлекле һәм отышлы ягы шунда, галим, фәлсәфәгә хас төп ысулларның берсен кулланып, татар рухи мирасының тарихи яшәеш, тормыш итү рәвеше, милли мәдәният белән бәйлеләген уңышлы фактик материаллар нигезендә күрсәтә алуға иреште.

Төркиядә яшәүче танылган татар галиме Надир Дәүләт Яхъя аганы «татар мәгърифәтчеләген дөньяга ачкан галим» дип атады һәм, хезмәтне югары бәяләп, үзенең «Rusya Türklerinin millî mücâdele tarihi, (1905–1917)» («Рәсәй төркиләренең милли көрәш тарихы (1905–1917)») (Devlet, Nâdir, 1985) исемле китабында чыганак буларак куллануын ассызыклады. Америка Кушма Штатларында чыга торган «Slavie Review» журналы шулай ук хезмәтне «бик югары һәм тетрәндергеч эчтәлеге этник үзенчәлекне яклау өчен язылган», дип бәяли (Slavie Review, 1982, v.40, №4, p.635). Вашингтонда чыгып килгән икенче бер «Problems of Communism» басмасы: «Китапның нәшер ителүе СССР милләтләренең тарихын объектив өйрәнү тенденциясе дәвам итүгә өметләндерә», дип белдерә (Problems of Communism, 1977, v.28, №5–6, p.28). Фәлсәфәче галимнәр К.Ф. Фәсеев (Фәсеев, 1977), Р.Р. Мәүләтов (Мавлютов, 1977) шулай ук әлеге хезмәтне житди фәнни тирәнлек белән сугарылган һәм жентекле язылган эш дип бәялиләр, аның татар мәгърифәтчелеге фикерен өйрәнүгә әһәмиятле яңа өлеш кертүен билгелиләр. Китапка хәзерге көнгәчә, классик төпле хезмәт буларак, ихтыяж зур.

Яхъя аганың тагын бер житди фәнни кыюлыгы булып жәдитчелеккә карата мона кадәр рәсми яшәп килгән уй-фикерне үзгәртүгә нык өлеш керткән эшчәнлегә тора. Аның «Джадидизм, его социальная природа и эволюция» («Жәдитчелек, аның социаль табигате һәм эволюциясе») (Абдуллин, 1979) исемле күләмле мәкаләсе фәндә яңа юнәлеш буларак кабул ителде. Фәлсәфәче галим жәдитчелекне, башкалардан аермалы буларак, «жәдитчелек, панисламчылык кебек үк, милли изүгә каршы протест һәм гасырлардан килгән артталыкны бетерүгә омтылышны гәүдәләндерде», – дип язып чыкты һәм аны бербөтен идеологик агым итеп күрсәтте, татар мәгариф системасын яңа баскычка күтәрүдә тоткан ролен билгеләде (Шунда ук, б.95). Озак еллар мәгърифәтчелек мәсьәләләрен теге яки бу дәрәжәдә өйрәнгән атаклы әдәбият галиме Ибраһим Нуруллин Я.Абдуллинның әлегә мәкаләсен унай бәяләп, автор «үзеннән элгәреләргә тиешле бәясен бирү һәм казанышларына таяну белән бергә, алга яңа адым ясай, күп кенә бәхәслә мәсьәләләргә ачыклык кертә алган. Барыннан да элек авторның жәдитчелекне аның үсеш-үзгәреш процессын күздә тотып тикшерүе, 1905 елгы революциягә (төгәлрәк әйтсәк, 1903 елга) кадәрге хәле белән Беренче рус революциясеннән соңгы күренеш арасына принципиаль чик уздыруына бәйләнгән. Баштагы чорында жәдитчелек тормыштагы һәм идеологиядәге уртагасырчылык калдыкларына каршы юнәлгән гомуммәгърифәтчелек хәрәкәтенә кайтып кала. 1905 елгы революциядән соң инде ул буржуаз-милләтчелек хәрәкәтенә әверелә... Фикер йөрткәндә ул “әйе-юк” принцибына түгел, бәлки чын мәгънәсендә диалектика законнарына таянып эш итә, тарихчылык принцибын эзлекләрәвештә тормышка ашыра. Мәкалә фактик материалга бай. Автор ясаган нәтижәләр шул материаллардан үсеп чыга», дигән фикерне алга сөрә (*Социалистик Татарстан*, 1980, 27 февраль). Мондый караш жәдитчелекнең башка төрки халыклар тарихында да тирән эз калдыруын унай бәяләргә этәргеч бирә, бу хакта Ташкентта чыгып килгән «Звезда Востока» журналы: «Татар философы Я.Г. Абдуллинның “Жәдитчелек, аның социаль табигате һәм эволюциясе” дигән хезмәтен аерым билгеләп үтәргә кирәк», дип искәртә (*Звезда Востока*, 1990, № 9, с.141). 1998 елда бу мәкалә тулыландырылып, аерым китапчык булып нәшер ителде (Абдуллин, 1998).

Тагын шунысын аеруча асызыклап үтәргә кирәктер: Яхъя ага үз тикшеренүләрендә исламият, аның татар мэдәни тормышында тоткан урыны хакындагы мәсьәләләргә гел күз уңында тотты, аларга тарихи-фәлсәфи анализ бирде, үз фикерләрен төрле хезмәтләрендә курыкмыйча чагылдыра алды, халыкка житкерергә ашыкты. Аның тырышлыгы белән Ш. Мәржанинең «Мостафадел әхбәр фи әхвали Казан вә Болгар» хезмәте эзерләндә һәм өлешчә, бер том булып басылып чыкты (*Мәржани*, 1989). Бу шул чор өчен бик зур вакыйга булды.

Һәр эштә, ә фәндә исә бигрәк тә, галимнең абруе һәм дәрәжәсе аның эшен дәвам итәрлек яшә алмаш эзерләп калдыруыннан, ягъни үз фәнни мәктәбен булдыруыннан чыгып билгеләнә. Яхъя ага бу юнәлештә дә бик уңышлы эш алып барды, үзенә булдыклы аспирантлар туплый алды, алар-

ны фэндэ һәм тормышта кеше итэргэ тырышлыгын куйды. Фэлсэфэ фәннэре докторы Фәрит Солтанов, фэлсэфэ фәннэре кандидаты, сәяси фәннэр докторы Рэфыйк Мөхәммәтшин, фэлсэфэ фәннэре кандидатлары Рашат Әмирханов, Тәфкил Камалов, Мансур Зарипов, Ләйлә Алмазова, Айдар Хәйретдинов, Гөлүсә Галиәхмәтова, тарих фәннэре кандидатлары Рафаил Мөхәммәтдинов, Фәридә Гаффарова, Мөнир Йосыпов – барысы да аның укучылары. Моннан тыш, Яхъя ага кул астында ижтимагый фикер тарихы бүлегендә күренекле галимнәрдән академик Әбрар ага Кәри-муллин, фэлсэфэ фәннэре докторы Айдар Юзиев, Татарстанның атказанган фән эшлеклесе Әнвәр Хәйри, филология фәннэре докторы Әмир Мәхмүтов, филология фәннэре кандидаты Фәүзия Сәгъдиева дустанә бер коллектив булып эшләде. Яхъя аганың шәкертләре хәзергесе көндә төрле фәнни оешмаларда, югары уку йортларында үз белгечлекләре буенча хезмәт куя.

Я. Абдуллин яхшы оештыручы буларак та зур ихтирам яулады. Гади-леге, гаделлеге, эш өчен янып-көеп йөрүе күпләрне үзенә тартты. Институт директоры буларак, четерекле мәсьәләләрне күтәрәп чыгудан да курыкмады. Әйттик, ул житәкчелек иткән елларда татар әдәбияты тарихын өйрәнү һәм бу тарихның 5 томлыгын хәзерләү буенча зур эш башкарылганда, бу мирас тирәсендә башкорт галимнәре бәхәс куертып жибәрә. Әлеге уңайдан, Яхъя ага башлангычы белән СССР Фәннәр академиясенең Әдәбият институтында ике якны чакырып зур сөйләшү уздырыла, ул анда хәзерлекле зур делегация белән бара, ике тапкыр чыгыш та ясый. Шушы жәһәттән үзенә «Үткәннәр һәм уйланулар» дигән китабында ул: «Бәхәстә өстенлек, хаклыкның безнең якта булганлыгы ярылып ята иде. Мәскәүлеләр дә чыгыш ясадылар. Әмма аларның чыгышларыннан кемнән дә булса хаклыгын раслау, дәрәслекне табарга тырышу теләге булмаганлыгы күренеп тора иде. Аларга дәрәслек түгел, татар белән башкортның сугышып яшәве кирәк. Мәскәү өчен шул мөһим, шул файдалы. Ә соңыннан мин бу очрашуга хәзерләгән белешмә нигезендә үзөбезнең мираска хакыбызны раслап мәкалә яздым. Ул башта «Казан утлары»нда, соңыннан Төркиядә дөнья күрдә», – дип искә ала (Абдуллин, 2005, б.175). Шундый ук хәл этник чыгыш мәсьәләсендә чувашлар белән килеп чыга, ләкин проблема шулай ук, Мәскәү тарафыннан дәрәслекне табуга корылмаганга, чишелми, элеккечә кала (Шунда ук, б.175–176).

Яхъя ага үз халкын, аның гореф-гадәтләрен, мәдәниятен бик тә ярата иде, ул милләт белән бергә, аның бүгенгесе һәм киләчәге өчен янып яшәде; шушы максаттан чыгып, милләт язмышына битараф булмаган укучыларга атап «Милләт язмышы: уйланулар» (Абдуллин, 1999) исемле махсус китабын тәкъдим итте. Яхъя аганың үз шәкертләре күнеленә салган милли тойгы-хисләре узган гасырның 80–90 нчы елларында ургылып бәрәп чыкты, ул оештырган һәм житәкләгән бүлек хезмәткәрләренең төп өлеше жәмгыятьтә кабынып киткән татар ижтимагый хәрәкәтендә, татар халкының милли бәйсезлеге, Татарстан Жәмһүриятең мөстәкыйльлеге өчен көрәштә алгы сафларда булды; аларның милли оешмалардагы

ижтимагый эшчәнлекләре, массакүләм мәгълүмат чаралары аша татар халкының тарихы, теле, мәгарифе һәм мәдәнияте, дәүләтчелеге һәм бүтән милли мәнфәгатъләре турында язган мәкаләләре һәм чыгышлары, һичшиксез, эзсез калмагандыр. Яхья ага, инде олы яшьтә булуына карамастан, үзе дә милли хәрәкәттән читтә тормады.

Берничә саллы монография, 250 дән артык фәнни, фәнни-популяр мәкаләләр, жыентыклар авторы Я. Абдуллин бигрәк тә Теләче төбәгенең патриоты, бер үк вакытта горурлыгы да, булды. Ул туган ягына һәм авылына кайтып йөрде, араларны өзмәде. Вафатыннан соң, васыятен үтәп, район китапханәсенә аның гомере буена тупланган, меңәрлэгән китапны үз эченә алган шәхси китапханәсе тапшырылды. Район житәкчелеге һәм халкы да үз якташын гел зурлап килде һәм хәзер дә зурлый: Теләченең яңа бер урамына аның исеме бирелде, Олы Кибәхужада туганы Мисүәр Исмәгыйлев тырышлыгы белән тантаналы төстә «Яхья чишмәсе» ачылды. Ел саен, Яхья аганың туган көненә туры китереп, район күләмендә мәктәп укучылары арасында «Яхья укулары» уза, районның төбәк музееда аның шәхси әйберләре саклана. Шунунысы бәхәссез: туган жирең халкы әгәр сине танымаса, син әллә нинди мактаулы исемнәр йөртсәң дә, шәхес буларак тарихта озак кала алмыйсың, синең кадерең булмый. Яхья ага бу яктан бик бәхетле булды, ул үзе чәчкән һәм үстергән яхшылыкларның әжерен күрә алды, аның сикәлтәле тормыш юлларын, милләт язмышына битарафлык күрсәтмичә, горур узуы күпләр өчен үрнәк булырлык.

Әдәбият һәм чыганаclar

1. *Devlet, Nâdir*. Rusya Türklerinin millî mücâdele tarihi, (1905–1917). Ankara: Türk Kültürünü Araştırma enstitüsü, 1985. 350 s.
2. *Problems of Communism*. 1977. V. 28. №5–6.
3. *Slavie Review*. 1982. V. 40. №4.
4. *Абдуллин Я.Г.* Джадидизм среди татар: возникновение, развитие, историческое место. Казань: «Иман», 1998. 44 с.
5. *Абдуллин Я.Г.* Джадидизм, его социальная природа и эволюция // Из истории татарской общественной мысли. Казань: Казанский филиал АН СССР, 1979. С. 91–117.
6. *Абдуллин Я.Г.* Милләт язмышы: уйланулар. Казан: «Фән», 1999. 317 б.
7. *Абдуллин Я.Г.* Социально-философская характеристика татарской просветительской мысли: дисс. ... докт. философ. наук. М., 1978.
8. *Абдуллин Я.Г.* Татарская просветительская мысль (социальная природа и основные проблемы). Казань: Таткнигоиздат, 1976. 320 с.
9. *Абдуллин Я.Г.* Үткәннәр һәм уйланулар... Казан: Татарстан Фәннәр академиясе Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты, 2005. 317 б.
10. Звезда Востока. 1990. № 9.
11. *Мавлютов Р.* Поборники просвещения // Наука и религия. 1977. №3. С. 94–95.
12. *Мәржани Ш.* Мостафадел әхбәр фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 414 б.
13. Социалистик Татарстан. 1980. 27 февраль.

14. *Фасеев К.Ф.* Рецензия на книгу Я.Г. Абдуллина «Татарская просветительская мысль» // Вопросы философии. 1977. № 2.

Ф.М. Султанов

**Ученый и общественный деятель:
к 100-летию со дня рождения Яхьи Абдуллина**

Статья посвящена освещению жизненного пути известного татарского философа и общественного деятеля Я.Г. Абдуллина. После окончания Великой Отечественной войны бывший фронтовик занимал ответственные партийные посты в Казани и областном комитете партии. В 1959 г. по собственному желанию перешел в преподавательскую работу, в 1978 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Социально-философская характеристика татарской просветительской мысли». В публикации повествуется о научном вкладе Я.Г. Абдуллина в развитие гуманитарных знаний и раскрывается его роль в формировании научного направления по изучению истории татарской общественной мысли.

Ключевые слова: Я.Г. Абдуллин, гуманитарные знания, наука в Татарстане, татарская общественная мысль, просветительское движение, татарское национальное движение.

F.M. Sultanov

**Scientist and public figure:
to the 100th anniversary of the birth of Yahya Abdullin**

The article is devoted to the life path of the famous Tatar philosopher and public figure Ya.G. Abdullin. After the end of the great Patriotic war, the former front-line soldier held responsible Party positions in Kazan and at the regional Party Committee. In 1959, at his own request, he moved to teaching, in 1978, he successfully defended his doctoral dissertation on the topic “Socio-philosophical characteristics of Tatar enlightening thought”. The publication tells about his scientific contribution to the development of humanitarian knowledge and reveals the activities for the formation of a scientific direction for the study of the history of Tatar social thought.

Keywords: Ya.G. Abdullin, Humanities, science in Tatarstan, the Tatar social thought, educational movement, tatar national movement.

Информация об авторе:

Султанов Фарит Мирзович – доктор философских наук, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (г. Казань); e-mail: sultfarit@yandex.ru

Солтанов Фәрит Мирза улы – фәлсәфә фәннәре докторы, Татарстанның атказанган фән эшлеклесе (Казан шәһәре).

Sultanov Farit M. – Doctor of Philosophical Sciences, Honored Worker of Science of the Republic of Tatarstan (Kazan).

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)"1905/1907"(049.32)

А.В. Ахтямова

Рецензия на книгу:
Загидуллин И.К. Национальное движение мусульман
Волго-Уральского региона в начальный период революции
1905–1907 гг. Казань, 2019. 256 с.

В монографии доктора исторических наук И.К. Загидуллина впервые в отечественной историографии на широком фактическом материале анализируется социальное поведение региональных лидеров через призму петиционного движения мусульман 1905 г. Такой ракурс исследовательского взгляда позволяет разглядеть механизмы взаимодействия «хурриятотцев» с мусульманами-либералами, определить вклад каждой из этих политических сил в становление и развитие мусульманского общественно-политического движения.

Ключевые слова: общественное движение, петиционная кампания мусульман, мусульмане-либералы, хурриятотцы, Первая русская революция.

История общественного движения мусульман России неоднократно становилась предметом научных изысканий многих отечественных и зарубежных исследователей. Этот факт объясняется сложностью и уникальностью общественно-политических процессов начала XX в., определивших во многом судьбы российских мусульман. Нерешенность национально-конфессиональных проблем в императорской России и события 1905 г., открывшие новые возможности для расширения религиозных и гражданских прав, привели к общественно-политической активизации миллета. Актуальность таких исследований в немалой степени обусловлена необходимостью переосмысления роли региональных социумов и элит в общественном развитии страны в эпоху социальных потрясений. Начало XX в. – один из наиболее переломных периодов развития России и населяющих ее народов. Возрастающий интерес широкой общественности к событиям того времени объясняется не только причинами познавательного характера, но и стремлением определить векторы развития новой России. В свете изложенного рецензируемая научная работа (Загидуллин, 2019, 256 с.) вполне актуальна.

Явление «национальное движение» («общественное и политическое») как объект научного исследования многогранен и многоаспектен, и осветить все многообразие этого феномена – достаточно непросто. Автор ар-

гументированно представил свое видение проблемы, что позволило ему четко определить задачи и выстроить стройную по своей внутренней логике композицию монографии. Структурно монография состоит из введения, четырех глав, заключения с выводами, списка источников и литературы и принятых сокращений, что соответствует традиционному оформлению аналогичных изданий. Основная содержательная часть исследования, состоящая из взаимосвязанных глав, логически вытекающих одна из другой, раскрывает динамику татарского национального движения в рассматриваемый период.

Хронологически монография охватывает период с середины сентября 1904 г. до середины августа 1905 г., когда завершилась работа Первого всероссийского съезда мусульман. Этот предреволюционный период и начальный период Первой русской революции – относительно небольшой исторический отрезок времени, но насыщенный бурными социально-политическими событиями, духовными переменами, оказавшими огромное влияние на судьбы, менталитет и культуру людей.

В рецензируемой работе на основе широкого круга источников (архивные документы, опубликованные источники, материалы дореволюционной прессы, публицистика, воспоминания и эпистолярное наследие общественно-политических деятелей) рассмотрено участие татар-мусульман Волго-Уральского региона в общественно-политическом движении дореволюционной России, социальное поведение лидеров через призму петиционных кампаний мусульман 1905 г. Такой ракурс исследовательского взгляда позволяет разглядеть механизмы взаимодействия «хурриатовцев» (будущих татарских эсеров) с мусульманами-либералами, вклад каждой из этих политических сил в становление мусульманского общественно-политического движения и тем самым определить региональных лидеров общественного движения на начальном этапе революции 1905–1907 гг. В монографии четко выделены «точки взаимодействия», факторы, повлиявшие на их сотрудничество (*Там же*, с.62–63). Ученый убедительно показал, что становление либерального направления в общественном движении мусульман и консолидация «хурриатовцев» происходили именно в рамках петиционного движения. Вполне оправдан объем параграфа «Либералы в условиях доверия власти к общественным силам» (глава I); в нем, помимо характеристики социального состава и основных направлений общественно-политической деятельности мусульманских либералов, прослеживается трансформация взглядов представителей этого сложного, многослойного направления общественного движения. На основе классификации элит мусульманского сообщества Р.Фахретдина, ориентированного на сословно-социальную структуру российского общества, в монографии подробно проанализирован вклад представителей основных социально-корпоративных групп (дворян, буржуазии и духовенства) в формирование национального движения, обозначены особенности их социального поведения. Реалистичен тезис автора о том, что «дворяне оказались са-

мой подготовленной к социальным сдвигам группой мусульман-либералов» (*Там же*, с.66).

Для раскрытия особенностей традиционных и новых форм общественной деятельности мусульман И.К. Загидуллин проделал большую поисковую и аналитическую работу по выявлению и обработке материалов прошений и петиционных кампаний мусульман («докладные записки», «памятные записки», прошения). Отдельная (заключительная) глава в работе отведена теме резонансных совещаний и съездов мусульман, сыгравших исключительно важную роль в развитии общественного движения мусульман. Автору удалось четко показать значимость и уникальность каждого отдельного мероприятия, а также их взаимосвязь.

Несомненными достоинствами монографии являются также своеобразные выводы и гипотезы, оригинальные версии и ряд новых взглядов автора. Многие примечания, дополняющие основной текст монографии, отражают результаты многолетних научных поисков ученого. Знакомство с книгой оставляет ощущение необыкновенно широкой эрудиции и высокого уровня общей культуры автора. И.К. Загидуллин показал себя ярким знатоком законодательства Российской империи по конфессиональным вопросам.

Вместе с тем мне хотелось бы отметить, что авторский взгляд на развитие общественно-политического движения татар-мусульман лишь через призму петиционных кампаний, по моему мнению, не позволяет охватить и изучить весь спектр общественно-политического движения в регионе. Так, на периферии научно-исследовательского процесса остались татарские социал-демократы, хотя отдельные сюжеты из истории местного социал-демократического движения нашли отражение в работе. Между тем, в рассматриваемый период уже функционировал, в частности, Казанский комитет РСДРП (создан в 1902 г.), в рядах Казанской организации социал-демократов весьма активно работали и татары.

Резюмируя, отметим, что монография И.К. Загидуллина вносит значительный вклад в разработку проблем становления и развития общественного движения мусульман в один из переломных этапов отечественной истории.

Источники и литература

1. *Загидуллин И.К.* Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг.: монография. Казань: ООО «Центр инновационных технологий», 2019. 256 с.

А.В. Әхтәмова

И.К. Заһидуллинның «1905–1907 еллардагы революциянең башлангыч чорында Идел-Урал төбәге мөселманнарының милли хәрәкәте» (Казан, 2019. 256 б.) китабына бәяләмә

Тарих фәннәре докторы И.К. Заһидуллинның монографиясендә Россия историографиясендә беренче мәртәбә мөселманнарның 1905 елгы петиция хәрәкәте призмасы аша төбәк лидерларының социаль тотышлары бай фактик материал нигезендә анализлана. Тикшеренүченең шул ракурстан карауы мөселман-либераллары һәм хөрриятчеләрнең үзара бәйләнешләренең механизмнарына төшенергә, әлегә сәяси көчләрнең һәркайсысының мөселман ижтимагый-сәяси хәрәкәтен торгызуга һәм үстерүгә керткән өлешен билгеләргә мөмкинлек бирә.

Ачыкч сузлар: ижтимагый хәрәкәт, мөселманнарның петиция хәрәкәте, мөселман-либераллар, хөрриятчеләр, Беренче рус революциясе.

A.V. Akhtyamova

Book review: Zagidullin I.K. *Natsional'noye dvizheniye musul'man Volgo-Ural'skogo regiona v nachal'nyy period revolyutsii 1905–1907 gg.* [National movement of Muslims of the Volga-Ural region in the initial period of the revolution of 1905–1907]. Kazan, 2019. 256 p. (in Russian)

In the monograph of Doctor of Historical Sciences I.K. Zagidullin, for the first time in Russian historiography, the social behavior of the regional leaders is analyzed on a broad factual basis through the prism of the Muslim petition movement of 1905. This perspective of research allows us to see the mechanisms of interaction between “Hurriyats” with Muslim liberals, to determine the contribution of each of these political forces to the formation and development of the Muslim socio-political movement.

Keywords: social movement, petition campaign of the Muslims, the Muslims liberals, Hurriyats, the First Russian revolution.

Информация об авторе:

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: alsu_was@mail.ru

Әхтәмова Алсу Вазыйх кызы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының яңа тарих бүлегә өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Akhtyamova Alsu V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Scientific Researcher of the Department of New History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Омер Озджанның «Bir Vatandan bir Vatana – Rusya Müslümanlarından Türk ilim, Fikir ve Siyaset Hayatına Katkıda Bulunanlar». İstanbul: Dergah yayınları, 2018. 680 s. («Бер Ватаннан бер Ватанга – Россия мөселманнарының Төркиядә гыйлем, фикер һәм сәясәт тормышына керткән өлешләре») исемле китабына бәяләмә

Төрле вакытта үз туган якларын калдырып, Төркиягә, Европа илләренә күчеп китәргә мәжбүр булган төрки-мөселман халыкларының мәшһүр шәхесләре турында 2018 елда Истанбул шәһәрәндә төрек тикшеренүчесе Омер Озджанның фәнни-популяр хезмәте басылып чыкты. Әлеге китапта татар, башкорт, азәрбайжан, кырым татарлары, Кавказ, кыргыз, казах халыклары лидерларының, сәясәтчеләренә, галимнәренә биографиясенә карата материаллар, библиография, аналитик мәкаләләр, хатлар, хатирәләр кәргән. Бәяләмәдә әлеге китапның төрки дөньяда мәдәниятара багланышларны ныгытуда булган әһәмияте асызык-лана, тарихчылар, филологлар өчен файдалы монография икәнлегә күрсәтелә һәм төрки дөньяда мөһим хезмәт буларак бәяләнә.

Ачык сүзләр: төрки-мөселман халыклары, Төркия, мөһажирләр, татар зыялылары, Омер Озджан.

XIX гасыр ахыры – XX гасыр башында төрле ижтимагый-сәяси сәбәпләр аркасында Россиядә яшәүче төрки-мөселман халыкларының вәкилләре, лидерлары чит илгә китәргә мәжбүр була. Финляндия, Алмания, Франция, Япония һ.б. илләрдә безнең милләттәшләребез, алар арасында атаклы язучылар, ижтимагый фикер ияләре, фәлсәфәчеләр, сәясәтчеләр, үзләренә икенче ватаннары итеп бу илләргә кабул итә башлайлар. Россия мөселманнары өчен дини, милли һәм этник яктан Төркия дәүләте иң якыны санала. 1917 елдан соң күп кенә зыялыларыбыз нәкъ Төркиягә күченеп китә һәм үзенең икенче Ватаны итеп бу илне саны башлай. Мөселман лидерлары Төркиянең сәяси, фәнни һәм мәдәни өлкәләрендә зур эшчәнлек күрсәтәләр, шул нигездә бүгенге көндә дә аларның исеме, хезмәтләре төрек халкы, төрек галимнәре арасында популяр һәм актуаль.

1990 нчы елларда Россиядә үзгәреш чоры башлану белән күп кенә тарихчыларыбыз, активистларыбыз мөһажирлеккә киткән атаклы шәхесләребезне өйрәнү, аларның эшчәнлегенә буенча мәгълүмат туплау, мирасын кайтару буенча зур эш алып бара башлайлар. Бүгенге көндә Я. Абдуллин, Р. Әмирханов, Ф. Гаффарова, Ә. Кәримуллин, М. Гайнетдинов, Л. Гайнанова, Ә. Сибгатуллина, Д. Усманова, А. Хәйретдинов, С. Рәхимов һ.б. галимнәренә тырышлыгы белән Й. Акчура, С. Максуди, Г. Исхакий,

М. Бигиев, Г. Ибраһимов, Ә. Тимер, А.Н. Курат, Р.Р. Арат һ.б. атаклы шәхесләребезнең мирасы, эшчәнлеге турында хезмәтләр дөнья күрдә.

Мәшһүр милләттәшләребезнең ижатын өйрәнү буенча бүгенге көндә дә эш дәвам итә. Төрөк коллегаларыбыз да бу өлкәдә актив эшчәнлек алып бара: Н. Дәүләт, Ә. Бирджеласун, И. Төрөкоглы һ.б. галимнәрнең хезмәтләре моңа ачык мисал булып тора.

2018 елда Төркиядә Омер Озджан исемле тикшеренүченең «Бер Ватаннан бер Ватанга – Россия мөселманнарының Төркиядә гыйлем, фикер һәм сәясәт тормышына керткән өлешләре» исемле саллы хезмәте дөнья күрдә (*Ömer Özcan*, 2018, 680 s.). Әлеге китап Төркиянең гыйлем, сәясәт, фән тормышында актив эшчәнлек алып барган татар, кырым татарлары, азәрбайжан, Кавказ, Урта Азия халыкларының зыялылары, язучылары, галимнәре турында. Омер Озджан татар белгечләре арасында билгеле шәхес. Без аны үз эшен яратучы яхшы фәнни тикшеренүче, татар халкы тарихы белән кызыксынучы һәм татар зыялылары тормышын, эшчәнлеген өйрәнү, аларның архивларын барлау буенча актив эш алып барган төрөк галиме буларак беләбез.

Китап кереш, төп өлеш, файдаланылган чыганаclar һәм әдәбият исемлегеннән тора. Кереш өлештә Омер Озджан үзенең төрөк халкының тарихыннан тыш башка төрки милләتلәрнең тарихы белән кызыксынганын, Зәки Вәлиди Тоганның дәресләрен тыңлаганын, аның белән таныш булуын искәртә, шулай ук Мюнхенда «Азатлык» радиосында эшләгән чорыннан бирле Гали Акыш белән хатлар алышуын һәм башка шәхесләрнең үзенә йогынты ясаганын билгеләп үтә. Автор китапны язу барышында рәсми оешмаларда сакланган документлардан тыш, мөһажирләрнең шәхси язмалары белән танышу мөмкинлеге булмасы һәм шул сәбәпле монография язуда кыенлыklar барлыкка килүе турында аңлата. Мәсәлән, аны Зәки Вәлиди Тоган һәм Садри Максуди Арсалның архивлары тикшеренүчеләр өчен һаман да ачык булмасы борчый. Ул Измир шәһәрндә урнашкан Эгей университетының Әдәбият факультетында сакланган Али-бәй Хөсәен-задәнең архивы профессор Йавуз Акпынар тарафыннан ачылачагын язып үтә. Гаяз Исхакый һәм Мостафа Чокайның барлык архивы туган якларына тапшырылып, яхшы хезмәтләр нәшер ителүе турында да әйтеп уза. Кайбер зыялыларның шәхси архивлары туганнары тарафыннан туган якларына тапшырылуы һәм шул сәбәпле әлеге документларның копияләре ясалмыйча калуын тискәре күренеш, дип саный. Омер-бәй заманында аларны кабул иткән Төркия Жәмһүриятең бер фәнни үзәгенә дә копияләрен ясап бирмәүләренә борчылуын белдерә. Төрки-мөселман халыкларының лидерлары хакында, аларның эшчәнлегенә багышланган монографияләр әзерләүнең мөһимлеге турында асызыклап үтә.

Китапта яктыртылган шәхесләр – Көнчыгыш Төркестан, Казахстан, Үзбәкстан, Идел-Урал, Кырым, Азәрбайжан, Төньяк Кавказ һәм Гыйрак якларында туып, фән, мәдәният һәм сәясәт өлкәләрендә танылган кешеләр.

Төрле саяси фикердә булуларына карамастан, аларның уртак максатлары – төрки берлек өчен көрәш алып баруда, дип яза автор (*Шунда ук*, s.9).

О. Озджан басмада 47 шәхес турында белешмәне аерым мәкаләләр итеп укучыга тәкъдим итә һәм аларның исемлеген туган илләре, ягъни беренче Ватаннары белән бәйләп урнаштыра. 627 биттән торган хезмәттә түбәндәге шәхесләргә багышланган мәкаләләрнең исемлеге күрсәтелә: Йосыф Акчураның тормышы, әсәрләре һәм аның белән бәйлә документлар; Мөхәммәдгаз Исхакыйның хатлары һәм яңа фактлар; Закир Кадыри Уган һәм ислам энциклопедиясендәге хаталар; Габдулла Баттал Таймасның тормыш хикәясе; Галимжан Идриси хакында; орд. проф. доктор Зәки Вәлиди Тоган һәм төрек тарихы бунча хезмәтләре; Хәмит Зөбәер Кошай – Жәмһүрият чорында музей мөдире; онытылган фикер һәм көрәштә саяси мөһажир Әхмәт Зия Өзкәйнак; профессор Әхмәт Тимер; тарихның шаһиты булган Гали Акыш; Сафия Имре (Мәңгәр); Татарстан галимәсе Фәридә Гаффарова; Мирза Казем-Бек турында; Мөхәмәт Әмин Рәсүлзадә; Эфендизадә Мехмет Шәриф-бәй; Азәрбайжан саяси лидеры Мир Якуп Мәхдиев; Джафер Сейдамет Кырымерның Мамед Садыг Аран белән элемтәләре һәм Финляндия төркиләре; Мехмет-бәй Агаоглу; Мирзабала Мамедзадә һәм бер документ; доктор Мехмет Кенгерли; Дилшад Талибхан Эльбрус; Джеббар Эртүрк; Ирен Меликофф; Афлан Муган; Рамиз Абуталибовка 75 яшь; Сәлим Абдулхәким һәм Румыния төркиләре тарихыннан бер мисал; Асан Сабри Айвазов һәм аның Хөсәензадә Алигә хатлары; Джафер Сейдамет Кырымер; Бәкер Сыдык Чобанзадә; доктор Абдулла Зихни Соисалның истәлекләре; бөек төркиче Исмаил Отар; Кырым төркиләренә саяси лидеры Сабри Арыкан; Хәлил Иналджик һәм аның биографиясенә бер өстәмә; төрки әдәбиятының бөек исеме Чыңгыз Дагжы (Дженгиз Дагджы); Мостафа Чокайоглы хакында бер хат һәм шәхси дәфтәр; Али-бәй Хәким һәм азатлык өчен көрәштә Көнчыгыш Төркестандагы казаклар; Алтайлар, Салихлы һәм Мюнхен өчпочмагында Хәсән Оралтай; Мамбет Койгелдиев; Бозкуртлар төрек берлегенә эгъзасы Батырхан Даримбет; доктор Баймирза Хайит һәм Төркестан эше; Сәед Шамилнең хатлары; доктор Дениз Дуда Боздаганда; Хашим Нахид Эрбилнең «Төрөк инкыйлабына карашлары» китабы турында фикер; кәркүклә* Мехмет Ремзи Догуэллиннең бер хаты; Мехмет Сәет Кетене; Казым Миршан Төркия һәм Көнчыгыш Төркестан төркилегенә турында; Абдүшшәкүр Туран.

Автор барлык бу лидерларның тормыш юлын, эшчәнлеген яктырта, алар белән бәйлә хатларны, документларны мисалга китерә. Әлегә тема белән кызыксынучы һәр галим, тикшеренүче китапта үзенә кирәкле мәгълүмат таба ала.

О. Озджан мәшһүр татар һәм төрек галиме, фәлсәфәче Й. Акчураның тормыш юлын, аның Беренче бөтендөнья сугышы чорындагы эшчәнлегенә

* Кәркүк – Гыйрактагы шәһәр.

киң туктала һәм, архив материаллары, истәлекләр, төрек галимнәренен хезмәтләренә нигезләнеп, укучыга фәнни мәкалә тәкъдим итә. Акчураның «Төрөк Ожаклары»ндагы һәм Төрөк тарих оешмасындагы эшчәнлеге белән бәйле архив документларының, хатларның копияләрен кертеп текстны баета.

Г. Исхакыйга багышланган язмада автор татар язучысының кызы Сәгадәт Чагатайга язылган хатларына, шәхси язмаларына һәм мәгълүм булган архив материалларына таянып аның тормышы турында, милләттәшләре, дуслары белән элемтәсен яктырта. О. Озджан Г. Исхакый белән Садри Максудиниң дуслыгын, элемтәләрен читләп узмый, бу турыда аларның хатларына таянып яза. Садри Максуди Арсалның үлеменә 60 ел тулу уңаеннан басылып чыккан хезмәттә (*Ord. Prof. Sadri Maksudi Arsal'a Armağan*, 2017, 848 s.). Омер-бәйнең «Гаяз Исхакый хатларында Садри Максуди» исемле мәкаләсе басылып чыккан була, биредә аның кыскартылган варианты урнаштырылган. Бу мәкалә Г. Исхакыйның биографиясен һәм шулай ук С. Максуди, З. Вәлиди Тоган, А. Баттал Таймас кебек мәшһүр шәхесләренң дә шәхси портретларын ачарга ярдәм итә.

Закир Кадыйри Уган, Габдулла Баттал Таймас, Галимжан Идриси, Зәки Вәлиди Тоган, Хәмит Зөбәер Кошай, Әхмәт Тимер кебек галимнәренң тормышы һәм эшчәнлеге хакында да әһәмиятле мәгълүматлар бар.

О. Озджан Башкортстан якларында туып-үскән һәм 1921 елда Төркиягә күчеп килгән Әхмәт Зия Өзкәйнакның (1908–1967) тормышы, эшчәнлеге, фикерләре, мөгаллим булып эшләгән вакытларын бәян итеп, гомере буенча коммунизм белән көрәш алып барган милли жанлы шәхес итеп тасвирлый. Зия Өзкәйнакның З.Вәлиди Тоган белән дуслыгы, аның сәясәти карашлары, идеаллары, 1944 елда төрмәгә утыртылуы хакында тәфсилләп бар нечкәлекләрен яза.

Татар халкы тарихында Гали Акышның урыны, аның эшчәнлеге турында татар жәмәгәтчелегенә 2000 нче елларда тарихчы Фәридә Гаффарова язып чыкты (*Гали Акыш*, 2005, 116 б.). Г. Акыш Төркиядә, Алманиядә яшәгән татар мөһажирләрен шәхсэн танып белгән, алар белән аралашкан булуы сәбәпле, хезмәтләр язганда аның күп ярдәме тия. Шунуң өчен О.Озджанның Г. Акышка зур игътибар бирүе очраклы түгел, китапта бу шәхеснең төрки-мөселман дөнъясында алып барган хезмәте, тормыш юлы, сөйләп калдырган хатирәләрен укучыга тәкъдим итә.

О. Озджан атаклы язучылар, фәлсәфәчеләр, сәясәтчеләр рәтендә Казан галимәсе Ф.Гаффаровага да югары бәя бирә. Аның фәнни хезмәтләрен, татар мөһажирләрен үз халкына таныту өлкәсендә башкарган нәтижәле эшен анализлый һәм үзенң хатирәләре белән уртаклаша.

Китапта азәрбайжан милләтенң мәшһүр шәхесләренә шулай ук зур игътибар бирелә. О.Озджан, бөтен төрки дөнъясына яхшы мәгълүм Мирза Казем-Бек, Мәхмәт Әмин Рәсүлзадә, Эфендизадә Мехмет Шәриф-бәй, Мирзабала Мамедзадә һ.б. зыялылардан тыш, тарихчы, ислам сәнгате белгече, Мичиган университетының профессоры булган Мехмет-бәй Агаоглуны (1896–1949) бөтен дөнъяны ислам сәнгате белән таныштырган зур

белгеч буларак тәкдим итә. О. Озджан шулай ук М. Агаоглуга багышланган мәкаләсендә махсус Бәхижә Боранның (1910–1987) биографиясенә туктала. Б. Боранның эти-әнисе – Госманлы империясенә күчеп киткән татарлар, ул үзе Төркиядә хатын-кызлар арасынан беренче социолог, марксист булып таныла. Б. Боран 1931–1939 елларда Америкада укый, докторлык дәрәжәсен Мичиган университетында ала. О. Озджан аның шул елларда Мехмет-бәй Агаоглу гаиләсе белән танышуы хақында яза.

Автор кырым татарлары Абдулла Зихни Сойсал, Исмаил Отар, Сабри Арыкан, Асан Сабри Айвазов һ.б. галимнәр хақында төрек халкы, мәдәнияте, тарихына зур өлеш керткән мәшһүр шәхесләр, дип яза.

Төрек белгече казах, кыргыз, Кавказ лидерларын да читләтеп узмый. Аның Мостафа Чокай, Алибег Хәким, Сәед Шамилгә карата язмалары шуңа мисал.

О.Озджанның «Бер Ватаннан бер Ватанга – Россия мөселманнарының Төркиядә гыйлем, фикер һәм сәясәт тормышына керткән өлешләре» хезмәте татар халкы тарихын язганда, гомумән, төрки-мөселман халыкларының эшчәнлеген өйрәнгәндә ярдәмче китап булып тора. Чөнки танылган шәхесләрдән тыш, автор әле киң даирәгә билгеле булмаган зыялыларның тормышын, эшчәнлеген дә яктырта.

Фотографиялар, архив документлары, Төркиядә чыккан газета-журнал материаллары һәм хатирәләргә нигезләнеп язылган әлеге хезмәтнең ижтимагый-мәдәни, тарихи әһәмияте зур.

Әдәбият һәм чыганаclar

1. *Ömer Özcan. Bir Vatandan bir Vatana – Rusya Müslümanlarından Türk ilim, Fikir ve Siyaset Hayatına Katkıda Bulunanlar*. İstanbul: Dergah yayınları, 2018. 680 s.

2. Ord. Prof. Sadri Maksudi Arsal'a Armağan (60. Ölüm Yıldönemi Vesilesiyle). İstanbul Üniversitesi Hukuk Fakültesi Mecmuası özel sayisi. Cilt: LXXV. Özel sayı. Ülke kitapları, İstanbul, 2017. 848 s.

3. Гали Ақыш: милләткә багышланган гомер / төз. Ф.Ю. Гаффарова. Казан: ТФА Ш. Мәржани ис. Тарих институты, 2005. 116 б.

М.Р. Гайнанова

Рецензия на книгу Омера Озджана «Bir Vatandan bir Vatana – Rusya Müslümanlarından Türk ilim, Fikir ve Siyaset Hayatına Katkıda Bulunanlar». İstanbul: Dergah yayınları, 2018. 680 s. («От Родины к Родине – о мусульманах России, внесших вклад в науку, интеллектуальную и политическую жизнь Турции». Стамбул, 2018. 680 с.)

В 2018 г. в Стамбуле была издана научно-популярная книга турецкого исследователя Омера Озджана, в которой освещается жизнь и деятельность интеллектуалов и общественных деятелей – представителей тюрко-мусульманских народов России, которые были вынуждены покинуть свою Родину и переехать в

Турцию и Европу. В книгу вошли материалы, письма, воспоминания, статьи, касающиеся биографии известных татарских, башкирских, азербайджанских, крымскотатарских, кавказских, казахских и кыргызских деятелей, политиков, ученых. Рецензируемая работа оценивается как значимый труд в сфере популяризации исторических знаний о межкультурных контактах в тюркском мире и изучения биографий известных личностей, определяется ее научная значимость для историков, филологов.

Ключевые слова: тюрко-мусульманские народы, Турция, эмиграция, татарские интеллектуалы, Омер Озджан.

M.R. Gaynanova

Review of the book by Omer Ozcan “Bir Vatandan bir Vatana – Rusya Müslümanlarından Türk ilim, Fikir ve Siyaset Hayatına Katkıda Bulunanlar” [From Homeland to Homeland – about Muslims of Russia who have contributed to the science, intellectual and political life of Turkey]. Istanbul, 2018. 680 p. (in Turkish)

In 2018, the popular scientific book by the Turkish researcher Omer Ozcan was published in Istanbul, which highlights the life and work of intellectuals and public figures – representatives of the Turkic-Muslim peoples of Russia who were forced to leave their homeland and move to Turkey and Europe. The book includes materials, letters, memoirs, articles relating to the biography of famous Tatar, Bashkir, Azerbaijani, Crimean Tatar, Caucasian, Kazakh and Kyrgyz figures, politicians, scientists. The peer-reviewed work is assessed as an important work in the field of popularization of historical knowledge about intercultural contacts in the Turkic world and the study of biographies of famous personalities; its scientific significance for historians and philologists is determined.

Keywords: Turkic-Muslim peoples, Turkey, emigration, Tatar intellectuals, Omer Ozcan.

Информация об авторе:

Гайнанова Миляуша Рамилевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: mgaynanova@gmail.com

Гайнанова Миләүшә Рамил кызы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының диннәр тарихы һәм иجتимагый фикер бүлеге өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Gaynanova Milyausha R. – Candidate of Historical Sciences, Senior Scientific Researcher, Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Рецензия на монографию М.Р. Гайнановой
«Общественно-политическая деятельность Садри Максуди
в Турецкой Республике (1925–1957 гг.)».
Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 176 с.

М.Р. Гайнанова в своей монографии предпринимает попытку осветить этапы жизни и общественно-политическую деятельность татарского и турецкого деятеля Садри Максуди в Турецкой Республике. В рецензии описана структура работы, определена степень изученности проблемы, научная новизна, отмечена актуальность книги, ее достоинства и некоторые недостатки.

Ключевые слова: Турецкая Республика, Садри Максуди, общественно-политическая мысль, нация и национализм, правоведение, тюркизм.

В 2019 г. в Институте истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан вышла в свет монография молодого исследователя Миляуши Рамилевны Гайнановой (*Гайнанова*, 2019, 176 с.), в которой освещается большой этап жизни и общественно-политической деятельности выдающегося сына татарского народа Садретдина Низаметдиновича Максудова (Садри Максуди, 1878–1957).

М.Р. Гайнанова является старшим научным сотрудником отдела истории религий и общественной мысли им. Я.Г. Абдуллина упомянутого института, имеет научную степень кандидата исторических наук. Монография является первой в научной биографии М. Гайнановой. В ее основу положены многолетние исследования, начавшиеся еще в ходе подготовки диссертации по теме «Эволюция общественно-политических взглядов Садри Максуди в период его эмиграции в Турции». Также в работе учтены исследования последних лет, появившиеся в отечественной и зарубежной историографии проблемы. Источниковая база исследования представлена трудами С. Максуди, имеющими к нему отношение официальными делопроизводственными документами, публикациями в прессе и мемуарами.

Монография М. Гайнановой интересна, прежде всего, тем, что она посвящена человеку, наследие которого было невозможно изучать в советское время. Первые публикации о жизни и деятельности Садри Максуди появились уже в постсоветскую эпоху, в 1990-е гг. В этом свете публикация М. Гайнановой является очередной вехой в изучении жизненного пути Садри Максуди, в определении его места в научной, образовательной и общественно-политической жизни Турецкой Республики, в становлении которой он принимал активное участие.

Монография состоит из введения, трех глав, заключения, приложения, включающего в себя факсимиле документов, фотографии, а также научного аппарата, представленного списком использованных источников и литературы, а также списком сокращений.

Во введении обосновывается важность поставленной задачи, которая заключается в проведении объективного анализа политических, общественных, научных взглядов Садри Максуди, а также их практической реализации в его общественной деятельности. Во введении также представлены основные вехи политической и научной деятельности С. Максуди, историография проблемы, перечислены специализированные учреждения, в которых велась работа над монографией. В работе подчеркивается, что опубликованная монография является самостоятельным, комплексным исследованием, материалы которого могут быть использованы в дальнейших исследованиях по истории татарской эмиграции, истории татарской общественной мысли, в образовательных и просветительских целях и т.д.

Первая глава «Формирование общественно-политических взглядов Садри Максуди» состоит из двух параграфов, в которых коротко освещается биография С. Максуди, приводятся данные о членах его семьи, а также излагаются основные вехи начального периода его становления как политика и общественного деятеля.

Безусловным плюсом этой главы являются цитируемые автором фрагменты воспоминаний дочери С. Максуди Адиле Айда (1912–1992), которые вносят лирические нотки в строгий научный стиль повествования. Положительной оценки заслуживает также авторская манера изложения истории политической карьеры С. Максуди, которая переплетается с событиями и фактами его биографии. Кроме этого, автор показывает предпосылки формирования С. Максуди как политика либерального толка. Особый интерес представляет изложенная автором монографии история эволюции политических взглядов С. Максуди до и после Февральской революции 1917 г., что отразилось на его участии в политической жизни России не только в качестве депутата, но как законодателя-мусульманина, представляющего интересы татарского народа.

Вторая глава «Научно-преподавательская деятельность Садри Максуди» раскрывает его личность как передового философа, ученого-лингвиста, историка, историка правовой науки и ученого-юриста, как основателя нового оригинального научного направления, как прогрессивного педагога-модерниста, сделавшего огромный вклад в развитие образовательной системы Турецкой Республики, а также показывает его теоретический и практический вклад в развитие тюркизма.

Перечисленные в данной главе аспекты научно-преподавательской деятельности С. Максуди изложены в трех параграфах: 1) Садри Максуди:

профессор права; 2) вклад С. Максуди в развитие исторической науки Турции; 3) Садри Максуди и реформы турецкого языка.

Автор показывает, что с первых дней эмиграции и начала жизни в Турции (с 1925 г.) С. Максуди принимал участие в политической жизни страны и становлении нового государства в качестве советника его первого президента М.К. Ататюрка и депутата турецкого парламента (ВНСТ). Таким образом, автор показывает, что С. Максуди в годы эмиграции совмещал политическую и государственную деятельность с успешной и плодотворной научно-преподавательской работой. Большой интерес представляют приводимые автором документальные свидетельства активной деятельности С. Максуди на этом поприще, а также анализ его выдающихся научных трудов. Особенно привлекают внимание приводимые М. Гайнановой теоретические выкладки ученого о формах взаимоотношений между государством и религией, что было крайне важно для секулярного Турецкого государства тогда и не потеряло своей актуальности даже в наши дни.

В третьей главе рассматривается политическая деятельность Садри Максуди. Материал изложен автором монографии в трех параграфах: 1) деятельность Садри Максуди в парламенте Турции; 2) Ататюрк и Садри Максуди; 3) концепция «нация» и «национализм» в научном наследии С. Максуди.

В основе предлагаемых вниманию читателя в этой главе материалов также лежат документальные свидетельства, сообщения турецкой прессы, произведения самого С. Максуди и пр. Автор монографии излагает материал главы с учетом того, что до избрания депутатом турецкого парламента С. Максуди уже имел богатый опыт парламентской работы в Государственной думе Российской империи, а также в качестве председателя Милли Идарэ Национально-культурной автономии мусульман внутренней России и Сибири. Такой подход позволяет М. Гайнановой представить максимально полную картину политической жизни выдающегося татарского общественного деятеля – одного из основоположников так называемой «турецкой модели татарской государственности».

Благодаря изложенной в монографии информации читатель убеждается в том, что С. Максуди (равно как и другие татары в окружении М.К. Ататюрка) оказался подлинной находкой, ценнейшим кадром, внесшим колоссальный вклад в развитие турецкой государственности, который отражается и в современной истории Турецкой Республики.

Нельзя не испытать сожаление по поводу того, что С. Максуди, а также сотни других неординарных личностей из татар, оказались невостребованными и даже гонимыми на своей Родине. В лице этих масштабных людей не только татарский народ, но и вся Россия навсегда и безвоз-

вратно потеряла колоссальные возможности, которые могли бы лечь в основу ее прогресса и процветания.

В целом, М. Гайнанова представила важный научный труд, в котором она, выступая как неравнодушный и сопереживающий исследователь, рассказала удивительную историю о жизни, творчестве, деятельности, достижениях и успехах всего одной, но выдающейся личности, ярчайшего представителя плеяды замечательных сынов татарского народа, которые, будучи гонимыми или попросту спасая свои жизни, были вынуждены покинуть родные места, что, однако, позволило им проявить себя наилучшим образом там, где они осели, оказав влияние на судьбы мира и положив свои жизни на алтарь благополучия и процветания человечества.

В работе автор не углубляется в подробности личной жизни Садри Максуди, не описывает отношения в семье, его участие в воспитании дочерей, отношения с друзьями, коллегами и учениками. Впрочем, этот аспект не входил в задачи работы автора, и может быть раскрыт, как нам представляется, в отдельной научной работе.

Остается пожелать автору дальнейших успехов в научной деятельности и новых публикаций!

Источники и литература

1. *Гайнанова М.Р.* Общественно-политическая деятельность Садри Максуди в Турецкой Республике (1925–1957 гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 176 с.

А.Г. Хәйретдинов

**М.Р. Гайнанованың «Төркия Жәмһүриятендә
Садри Максудиның ижтимагый-сәяси эшчәнлегенә (1925–1957)»
(Казан: ТР ФА Ш. Мәржани ис. Тарих институты, 2019. 176 б.)
китабына бәяләмә**

М.Р. Гайнанова үзенең монографиясендә Садри Максудиның Төркия Жәмһүриятендәге ижтимагый-сәяси эшчәнлегенә һәм тормышы турында анализ бирергә тырыша. Рецензиядә хезмәтнең структурасы кыскача анализлана, монографиянең фәнни яңалыгы ачыклана, актуальлегенә күрсәтелә, китапның яхшы яклары һәм кайбер кимчелекләре бирелә.

Ачкыч сүзләр: Төркия Жәмһүрияте, Садри Максуди, ижтимагый-сәяси фикер, милләт һәм миллиятчелек, хокук, төркиячелек.

Review of the monograph by M.R. Gaynanova “*Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' Sadri Maksudi v Turetskoy Respublike (1925–1957 gg.)*” [Social and political activity of Sadri Maksudi in the Turkish Republic (1925–1957)]. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 176 p. (in Russian)

In the monograph, the author M.R. Gainanova makes an attempt to highlight the stages of life and the socio-political activities of the Tatar and Turkish figure Sadri Maksudi in the Republic of Turkey. The review describes the structure of this work, reveals scientific novelty, indicates the relevance of the book, points out the advantages and some disadvantages.

Keywords: Republic of Turkey, Sadri Maksudi, socio-political thought, nation and nationalism, jurisprudence, turkism.

Информация об авторе:

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: khaidar67@mail.ru

Хэйретдинов Айдар Гарифетдин улы – тарих фәннәре кандидаты, доцент, ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының диннәр тарихы һәм ижтимагый фикер бүлеге өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре)

Khayrutdinov Aydar G. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Scientific Researcher, Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 061.3

Р.Р. АМИНОВ

Международная научно-практическая конференция «Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен»

12–13 марта 2020 г. в городе Оренбург состоялась Международная научно-практическая конференция «Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен», приуроченная к 285-летию со дня первого основания города Оренбург (Орская крепость, совр. г. Орск Оренбургской области), 100-летию приобретения Оренбургом статуса первой столицы Казахстана, 75-летию со дня рождения первого всенародно избранного главы Оренбурга Г.П. Донковцева. По доброй традиции предыдущих «чтений», к началу конференции организаторами был выпущен сборник материалов конференции в двух томах.

Конференция открылась 12 марта в историческом здании города, где первоначально располагалась Оренбургская губернская канцелярия, позднее – резиденция оренбургских военных губернаторов (ул. Советская, д.2).

С приветственными словами к гостям и участникам научного форума обратились председатель Комитета по делам архивов Оренбургской области Ирина Останина, ректор ОГПУ Светлана Алешина и председатель Общественной палаты Оренбургской области Александра Иванова.

Работу пленарного заседания вел Сергей Любичанковский – д.и.н., зав. кафедрой истории России ОГПУ. Пленарную часть конференции с докладом на тему «Документальные источники об Оренбургском крае в фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота» открыл Валентин Смирнов – д.и.н., директор РГАВМФ (Санкт-Петербург). Затем свои научные изыскания представили: Игорь Тропов – д.и.н., профессор кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета (Санкт-Петербург) – «Оренбургская пресса о проблемах развития региона в начальный период нэпа (по материалам газеты «Степная правда»)»; Константин Бугров – д.и.н., в.н.с. Института истории и археологии Уральского отделения (Екатеринбург) – «Архитектура Орска 1930-х гг. как часть индустриального наследия Большого Урала». Завершил пленарное заседание совместный доклад д.и.н., профессора кафедры истории России Уральского гуманитарного института УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) Владимира Запария и к.и.н., н.с. Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии

УрО РАН (Екатеринбург) Василия Запария на тему «Неизвестная страница из истории танкопрома в год Великой Отечественной войны, или как в Чкаловской области не был построен танковый завод». В этот же день были подведены итоги Четвертого Международного конкурса молодых ученых России и Казахстана «Исторические судьбы и культурное наследие Оренбургского края и Приуралья».

На второй день конференции (13 марта) были предусмотрены секционные заседания (9.30–13.00), прошедшие в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской (ул. Советская, д. 20).

Секцию №1 («Оренбургский край сквозь призму исторического источника») модерировали к.и.н., доцент, заведующий центром истории Центральной Азии XIX – XX вв. Института всеобщей истории РАН (Москва) Татьяна Котюкова и к.п.н., доцент ОГПУ (Оренбург) Инна Бурганова. И.Бурганова поведала о приграничных взаимоотношениях России и Республики Казахстан («Приграничное сотрудничество России и Казахстана на территории Оренбургской области»). Кроме того, отметим обстоятельный доклад Гульбану Избасаровой – д.и.н., профессора, зав. кафедрой истории и религиоведения Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова (Актюбинск, Казахстан). Предметом исследования к.и.н., н.с. Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань) Натальи Кореевой стали торговые и политические взаимодействия Казанской губернии со среднеазиатскими ханствами и Оренбургским краем («Казанская губерния в системе торговых и политических отношений с Оренбургским краем и ханствами Средней Азии в конце XVIII – первой половине XIX в.»).

Вторая секция («Личности в истории Оренбургского края») была посвящена исследованию феномена личности. Руководство секцией осуществляли оренбуржцы к.ф.-м.н., доцент ОГУ Инна Зубова и магистрант ОГПУ Дмитрий Мочалов. Из докладов, прозвучавших в данной секции, необходимо отметить сообщение д.и.н., профессора ОГПУ (Оренбург) Степана Джунджузова, поведавшего об оренбургском этапе жизни Н.М. Калустова («Из колонновожатых в генералы: Оренбургский край в карьере Н.М. Калустова»).

В третьей секции («Форс-мажорные обстоятельства и обыденные сложности в истории края»), которую модерировали к.и.н., доцент ОГПУ (Оренбург) Инна Невзорова и к.и.н., с.н.с. Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург) Михаил Киселев. Последний проанализировал тексты В.Н. Татищева, имеющие отношение к истории Южного Урала и Зауралья («Южный Урал и Зауралье в географических трудах В.Н. Татищева»). Д.и.н., в.н.с. Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург) Евгений Рукосуев рассказал об особенностях добычи золота в Оренбуржье на рубеже XIX – начале XX в. («Добыча золота в Оренбургском крае в XIX – начале XX века»).

Работу объединенных секций №4 («Власть и общество в истории Оренбургского края») и №5 («Этносы и конфессии в истории Оренбургского края») координировали Антон Заруцкий – аспирант ОГПУ (Оренбург) и Руستم Аминов – к.и.н., с.н.с. Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань), который по формулярным спискам и ревизским сказкам реконструировал офицерский состав каргалинской казачьей станицы («Военно-служилая элита Татарской Каргалы»). Необходимо отметить и доклад к.и.н., зав. кафедрой Челябинского филиала РАНХиГС при Президенте РФ (Челябинск) Виталия Воропанова об особенностях становления и развития имперских институтов юстиции в приграничном крае («Система органов юстиции и интеграция Оренбургского края в состав Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.»).

Работой секции №6 («Культурные и просветительские традиции Оренбургского края в дореволюционный и ранний советский периоды») руководили Глеб Брагиров – к.и.н., доцент Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбург) и Михаил Роднов – д.и.н., в.н.с. Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа), который на основании архивных данных рассказал об оренбургских студентах, обучавшихся в Москве в начале XX в. («Оренбургские студенты в Московском университете (начало XX в.»)), доклад д.и.н., профессора ОГПУ (Оренбург) Елены Годовой был посвящен вопросам обучения и воспитания детей в начальных учебных заведениях Оренбургского казачьего войска («Образование мальчиков в казачьих войсках во второй половине XIX – начале XX в.»).

Седьмая секция («Культурные и просветительские традиции Оренбургского края второй половины XX – начала XXI века») модерировалась местными историками Ольгой Смирновой (к.и.н., доцент Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей) и Светланой Заельской (к.и.н., доцент ОГПУ). Выступление О. Смирновой было посвящено исследованию топографического образования в г. Оренбурге в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы («Становление и развитие топографического образования в Оренбурге (Чкалове) в 1940–1950-х гг.»). С. Заельская сделала интересный доклад о развитии художественной самодеятельности в советских трудовых коллективах («Достижения и проблемы в развитии художественной самодеятельности Оренбургской области в 1960–1970-е гг.»).

В восьмой секции обсуждалась история Оренбуржья сквозь призму новых источников и методов их анализа («Источники по истории Оренбургского края»). Руководство секцией осуществляли к.и.н., старший преподаватель ОГПУ Константин Абдрахманов, рассказавший об усилиях русской администрации по интеграции Степного края в тело империи («Контакты Оренбуржья и Казахстана во второй половине XIX в. по данным архивных источников») и член Всетатарского общества краеведов при Исполкоме Всемирного конгресса татар (Уфа) Руслан Масагутов, про-

анализировавший новые документы по социальной истории Татарской Каргалы XVIII–XIX вв. («Материалы по Татарской Каргале в фондах Национального архива Республики Башкортостан»). Большой интерес вызвал доклад д.и.н., профессора ОГПУ Елены Бурлуцкой, которая рассказала о научных подходах реконструкции повседневности горожанок дореволюционного Оренбуржья («Источниковая база исследования повседневности провинциальных горожанок Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в.»). К.и.н., ведущий архивист ГАОО (Оренбург) Сергей Четвериков поведал о судьбе Оренбургского архива в годы Великой Отечественной войны («Государственный архив Оренбургской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»).

Параллельно с секциями в здании ОГПУ (ул. Советская, д.19) участниками форума были прочитаны лекции студентам истфака ОГПУ. Приведем наиболее интересные выступления:

1. Константин Бугров (Екатеринбург) – «Большой Урал: индустриальное и градостроительное наследие межвоенной эпохи».

2. Игорь Тропов (Санкт-Петербург) – «20-е годы, нэп: политика, которой... не было».

3. Гульбану Избасарова (Актюбинск, Казахстан) – «Оренбургская Пограничная комиссия – орган, определяющий политику империи с Казахской степью».

4. Светлана Брежнева (Санкт-Петербург) – «Восстание 1916 года в Средней Азии: причины и последствия».

В рамках Большаковских чтений, помимо секционных заседаний, был проведен круглый стол на тему «Историко-культурное наследие Оренбургского края и его популяризация». В нем обсуждались итоги полевых исследований местных археологов, вопросы консервации археологических памятников, охраны и популяризации объектов культурного наследия федерального значения города Оренбург и т.д.

После обеда участники и гости мероприятия собрались в конференц-зале Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской на заключительное пленарное заседание. Руководители секций ознакомили коллег с наиболее интересными докладами. Большой резонанс вызвала презентация новых трудов по истории Оренбургского края. В частности, д.и.н., профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан) Светлана Ковальская сделала интересное сообщение на тему «О монографии Избасаровой Гульбану Болатовны “Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века”» (М.: Press-book, 2018. 473 с.). К.и.н., доцент ОГПУ Татьяна Тугай в своем выступлении дала положительную оценку монографии А.Н. Чебачева «Судебная реформа 1864 года в Оренбургском крае: выстраданная и свершившаяся».

Приятной новостью стало объявление об открытии Оренбургского регионального отделения Российского исторического общества. В рамках

заключительного пленарного заседания научного мероприятия состоялось первое (организационное) заседание Совета Оренбургского отделения. Конференция завершилась принятием резолюции.

Источники и литература

1. Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. Т.1. 256 с.

2. Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. Т.2. 284 с.

Информация об авторе:

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: rustem_270988@mail.ru

Әминов Рөстәм Равил улы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш. Мәржани исемеңдәге Тарих институтының Керәшен татарлары һәм нагайбәкләр тарихын һәм мәдәниятен өйрәнү үзәге өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Aminov Rustem R. – Candidate of Historical Sciences, Senior Scientific Researcher of the Center for the Study of History and Culture of Tatars-Kryashens and Nagaibaks, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ** – Академия наук Республики Татарстан
- АРАН** – Архив Российской академии наук
- БКА** – Бухарская Красная армия
- БНСР** – Бухарская Народная Советская Республика
- ВНСТ** – Великое национальное собрание Турции
- ГА РТ** – Государственный архив Республики Татарстан
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области
- ИС РАН** – Институт социологии Российской академии наук
- КУО** – Казанский учебный округ
- КУС** – Казанская учительская семинария
- МВД** – Министерство внутренних дел
- МНП** – Министерство народного просвещения
- ОГПУ** – Оренбургский государственный педагогический университет
- ОГУ** – Оренбургский государственный университет
- ОМДС** – Оренбургское магометанское духовное собрание
- ПСЗ-1** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е
- ПСЗ-2** – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е
- ПСЗ-3** – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е
- РАНХиГС** – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- РГАВМФ** – Российский государственный архив Военно-Морского Флота
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов
- РГВА** – Российский государственный военный архив
- РГГУ** – Российский государственный гуманитарный университет
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- РСДРП** – Российская социал-демократическая рабочая партия
- РСФСР** – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- СНК** – Совет народных комиссаров
- СССР** – Союз Советских Социалистических Республик
- США** – Соединенные Штаты Америки
- ТАССР** – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
- ТЭТИ** – Г. Ибрахимов исемендәге Тел, әдәбият һәм тарих институты
- ТР ФА** – Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе
- УрО РАН** – Уральское отделение Российской академии наук
- УрФУ** – Уральский федеральный университет
- УФИЦ РАН** – Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья
From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region
2020. №10. Т.1

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 25.06.2020 г. Дата выхода в свет 06.07.2020 г.

Формат 70×100 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 12,5. Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

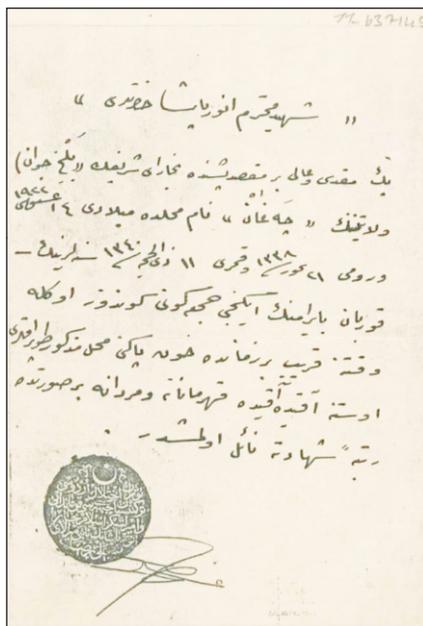
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

К статье А.Г. Хайрутдинова

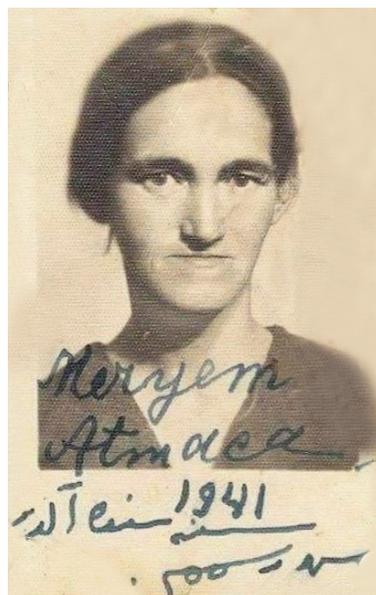
Илл.1. Али Рыза с дочкой (1921–1922 гг.)

Илл.2. Свидетельство о мученической смерти Энвера-паши (1922 г.)

Илл.3. Фотокопия газетной вырезки с некрологом, посвященным Марьям-ханум Атмаджа

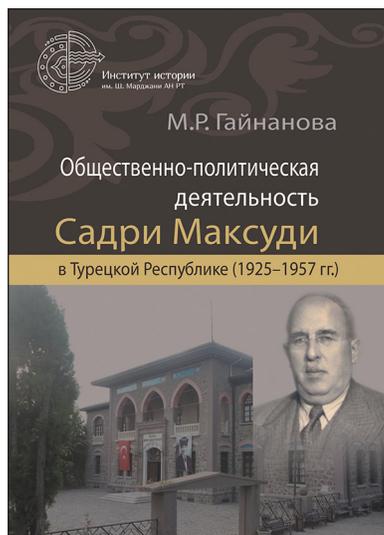
Илл.4. Марьям-ханум Нигматуллина (Атмаджа). Фото 1941 г.

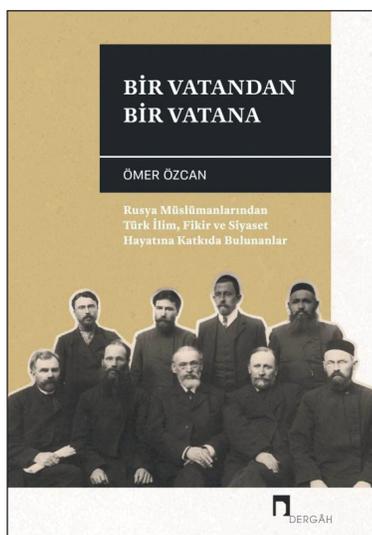
К разделу «Память. Юбиляры»

*Яхъя Габдуллович Абдуллин
(1920–2006). Фото 2005 г.*

*К разделу «Новые книги.
Рецензии»*

*Гайнанова М.Р. **Общественно-политическая деятельность Садри Максуди в Турецкой Республике (1925–1957 гг.)**. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 176 с.*

*Ömer Özcan. **BİR VATANDAN BİR VATANA**
Rusya Müslümanlarından Türk İlim, Fikir ve Siyaset Hayatına Katkıda Bulunanlar. İstanbul: Dergah yayınları, 2018. 680 s.*

*Загидуллин И.К. **Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг.**
Казань: ООО «Центр инновационных технологий», 2019. 256 с.*

